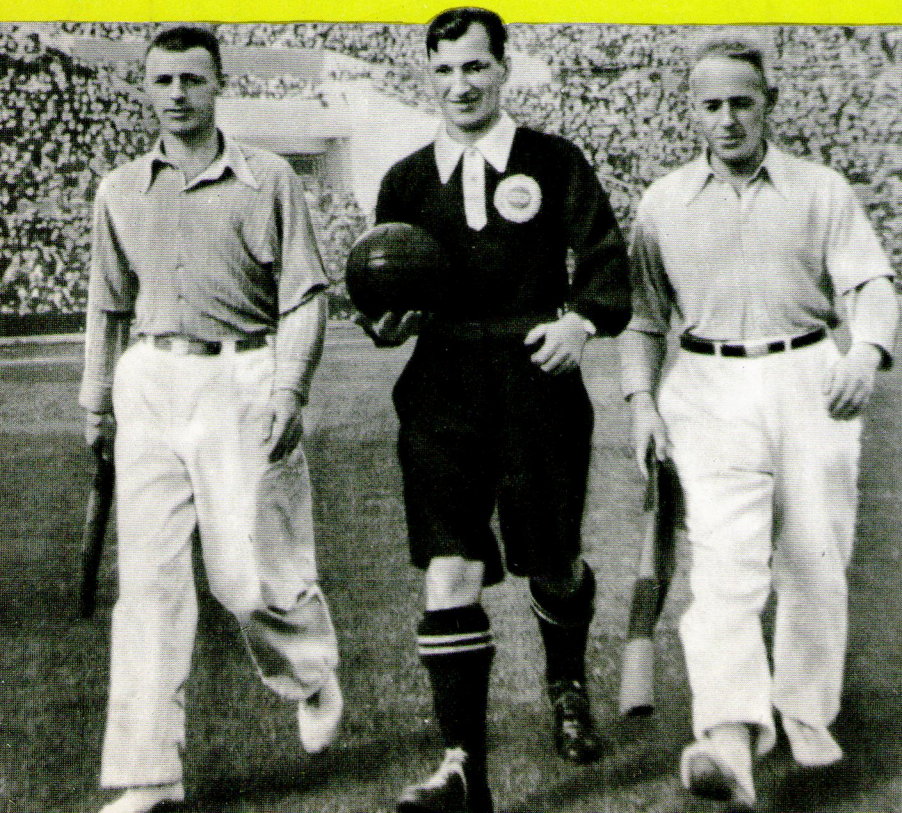

75 коп.

МР *Московский рабочий*

Ю. Арутюнян

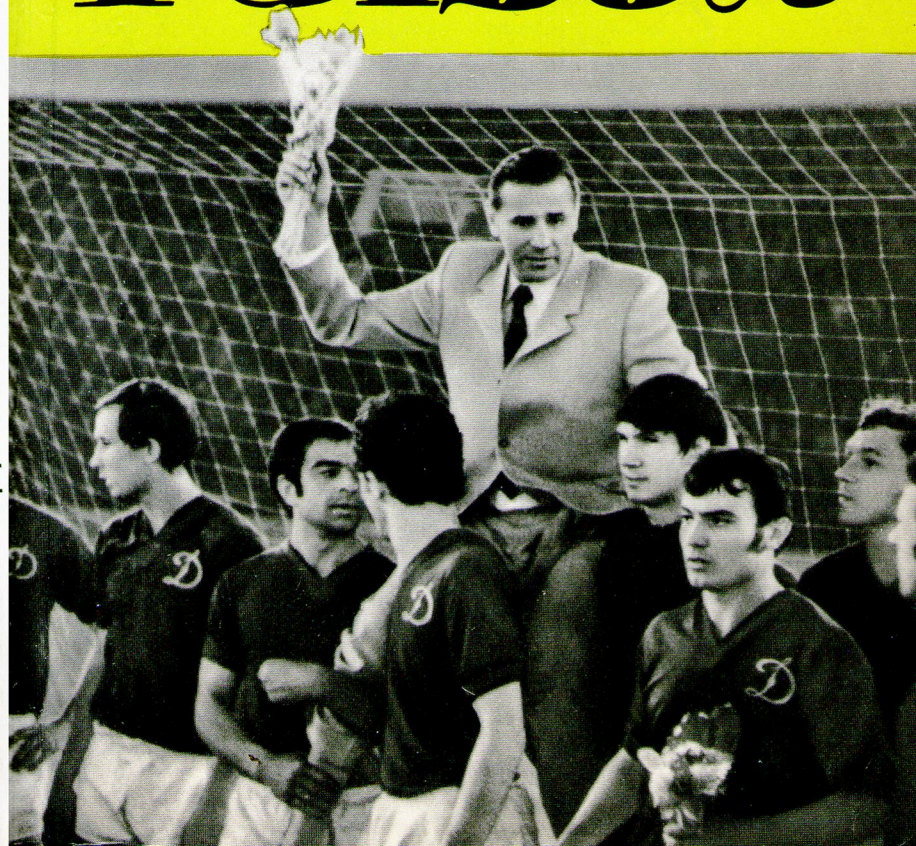
ВСЕГДА МОЛОДОЙ ФУТБОЛ

Ю. Арутюнян

ВСЕГДА МОЛОДОЙ

ФУТБОЛ

К фото на 1-й странице обложки:

На снимке запечатлено прощание **Льва Яшина** 30 мая 1971 года с большим футболом. Под бурные аплодисменты многочисленных зрителей, заполнивших стадион, он совершает круг почета на «золотом стуле» — сплетении дружеских рук своих одноклубников. Лев Яшин улыбается: голкипер № 1 советского и мирового футбола знает, что среди молодых и совсем еще юных найдутся достойные преемники его вратарской славы.

(Снимок из архива фоторепортера **И. Уткина**)

Ю. Арутюнян

**ВСЕГДА
МОЛОДОЙ
ФУТБОЛ**

*Московский рабочий
1984*

Рецензент — член комиссии агитации и пропаганды
Федерации футбола СССР
Ю. С. ЛУКАШИН

- А86 Арутюнян Ю. Г.
Всегда молодой футбол.— М.: Моск. рабочий,
1984.— 222 с.— (Серия «Юность: твой большой
мир»).

Футбольный мяч хорошо знаком едва ли не каждому с детства. Он сопровождает нас на протяжении всей жизни, всякий раз в любом возрасте вызывая самые противоречивые чувства, но никогда не оставляя равнодушными.

О том, что значит этот «кожаный кудесник» для юных москвичей, как он помогает им найти «путь к себе», обрести характер, закалить «волевою мускулатуру», и идет речь в очерках о героях книги, написанной членом Союза журналистов СССР, спортивным корреспондентом, бывшим тренером и футболистом Юрием Арутюняном.

Книга адресуется широкому кругу читателей, и прежде всего молодежи.

А 4202000000—155
М172(03)—84 188—84

ББК 75
7А

© Издательство «Московский рабочий», 1984 г.

Почему я взялся за перо?

Только ли для того, чтобы зафиксировать на бумаге, переписать из порядком пожелтевших от времени блокнотов все, что связано с футболом, точнее — со многими людьми, коих я встречал на репортерских путях-дорогах, когда, продиктовав по телефону в редакцию отчет о матче, можно было передохнуть и отвести душу в нескончаемых разговорах, спорах с людьми нередко незнакомыми, но горячо влюбленными в футбол, составляющими одно тысячеустное спортивное братство.

Нет, конечно.

Давно став игрой, популярнейшей в мире, футбол, совершенствуясь, продолжает оставаться кумиром миллионов любителей спорта. Он превратился в явление общественное, социальное и как таковое сохранил и упрочил свое влияние.

Футбол по-прежнему многолик и многоадресен. О нем написаны десятки, сотни книг. И несмотря на такое их обилие, каждая последующая, в чем-то, возможно, повторяя предыдущую, всегда снова, в очередной раз поднимает завесу неизвестности, черпая из многоярусной кладовой истории футбола нечто новое, дотоле неизвестное вовсе, либо если и известное, то чаще всего узкому кругу специалистов.

Да, футбол молод, если не юн, тем более по меркам истории. Но в его послужном списке столько интерес-

нейших фактов, событий, случаев, затмевающих подчас весомость и значительность иных, казалось бы, перво-степенных достижений мирового спорта, включая и успехи чемпионов Олимпиад.

В самом деле, уже давно повесил на гвоздь бутсы легендарный Пеле, а эхо его громкозвучной, поистине мировой славы еще отчетливо слышно в многоголосном хоре почитателей немеркнувшего таланта великого бразильца! А имена его славных предшественников-вратарей испанца Заморы, чеха Планички, нашего Льва Яшина, современника Пеле, и многих других «звезд» первой величины по-прежнему на устах у миллионов людей, не только хорошо помнящих их искрометную, темпераментную игру, но и, что особенно примечательно, как бы сверяющих по эталонным образцам футбол нынешний с футболом того времени.

Воспитывая смелость, мужество, коллективизм, взаимовыручку у самих играющих в футбол (и в этом его очень большая, хотя и не всем заметная сила), обращая наше внимание на своих наиболее ярких «звезд», футбол как бы говорит: «Стремитесь, друзья, быть такими же, какими стали эти одиннадцать парней из одной команды, снискавших своим мастерством нашу любовь и уважение!»

И, добавлю от себя, не только в зеленом прямоугольнике футбольного поля, но (это опять-таки крайне важно) и за пределами стадиона. Ибо советский юноша, вступающий в самостоятельную жизнь, по-настоящему увлеченный спортом, в частности футболом, никогда не станет таким суперменом, показно играющим развитой мускулатурой и отрешенным от всего яркого многообразия мира, в котором он живет и который призван сделать еще краше и лучше.

Свидание с футболом редко проходит бесследно. Для большинства оно — что корь в детстве, ею трудно не переболеть. Едва ли не каждый московский мальчишка

охотно расскажет о своих футбольных успехах и почти всегда удивится, повзрослев, что почему-то (в самом деле, почему?) столь интересно начатая им дорога к футбольной славе, где-то на первых десятках метров вылядевшая гладким асфальтом, вдруг неожиданно-негаданно превратилась в труднопроходимый проселок, а затем оборвалась, напрочь перечеркнув честолюбивые мечты...

С годами придет к парнишке понимание того простого обстоятельства, что, как и в любом деле, в футболе вершин достигнуть дано не каждому, нужен, кроме огромного трудолюбия, множества ограничений, еще и большой талант.

И тем не менее, не став футбольными солистами, мы сохраняем в своих сердцах искреннюю любовь и верность футбольному мячу.

О своем касательстве к этой игре не принято писать в анкетах, но будь в них вопрос: «Играл ли в футбол, где, когда, с каких лет?», редко кто из мужской нашей братии записал бы: «Не играл...»

И не потому ли, говоря, споря, рассуждая о футболе в дружеских беседах, нередко произносим мы одну фразу: «А знаете ли, ваш-то покорный слуга тоже когда-то подавал немалые надежды, да вот если бы не травма ноги...»

Либо: «Вы, други мои, еще под стол пешком ходили, когда я за сборную «Пищевиков» играл!...»

Словом, каждому есть что вспомнить. И хоть про-верить истинность услышанных историй практически невозможно, и они, эти истории, по своему эмоциональному заряду весьма смахивают на пресловутые охотничьи рассказы, хочешь не хочешь, приходится верить говорящему на слово.

Но, принимая подобные откровения даже сквозь юмористическую призму, допуская эти милые сердцу преувеличения, не могу не отметить одну общую для всех тех, кто так или иначе соприкасался с футболом, черту,

независимо от личных заслуг и достижений: все эти люди, убежден, сохранили на долгие годы удивительную работоспособность, жизнелюбие и тот молодой задор, что всегда ставят под сомнение возраст твоего собеседника.

И вот эта способность футбола дарить радость людям, поднимать им настроение, быть негласным врачом многих наших душевных недугов едва ли не главное, кроме, естественно, удовольствия от самой игры, за что мы и любим футбол.

И если в предлагаемых вашему вниманию очерках-новеллах автору через судьбы героев книги удастся передать непреходящую романтику этой вечно юной игры, поведать о том, как футбол, увлекая нас в водоворот событий, подчас драматических, остается нашим экзаминатором, педагогом и по-настоящему верным другом, помогающим работать и жить, то пишущий эти строки сочтет свою задачу выполненной.

А пока... Пока прошу вас, усадьтесь поудобнее в кресле, а еще лучше, устройтесь на стульях — так, по авторитетному мнению врачей, полезнее для вашей осанки — и приготовьтесь выслушать несколько историй о футболе, не забыв уведомить о прочитанном, высказать свое мнение издательству «Московский рабочий» и, естественно, автору, рискнувшему прикоснуться к увлекательнейшей, но, скажем прямо, несколько взрывчатой, огнеопасной теме, какой всегда был и, похоже, остается футбол...

Как разгадать этот феномен, который, похоже, крепко-накрепко привязал к себе едва ли не половину населения нашей планеты, втянув в орбиту своего поистине громадного влияния людей всех возрастов и профессий?

И как это вообще могло получиться, что сама по себе одна из самых простых игр, изобретенных человеком, появившись на свет, сделала своими поклонниками буквально миллионы людей?

«Гены» футбола проникают повсюду, для них не существует границ и шлагбаумов, футбольная тема по-прежнему одна из самых модных и неумирающих.

В самом деле, вы можете быть не в курсе каких-либо крупных событий, сиюминутных сенсаций, шумных кинопремьер, «ограблений века» и прочих сообщений, составляющих вкуче понятие «информационный взрыв», но вы будете выглядеть по меньшей мере белой вороной, если в беседе со знакомыми вдруг выяснится, что вы не знаете результата встречи лидеров национального футбольного чемпионата или того, как себя чувствует после перенесенной операции знаменитый форвард Икс. Словом, вы рискуете уронить себя в глазах общества и даже прослыть человеком отсталым.

Разумеется, сказанное относится прежде всего к поклонникам футбола на Западе, но его притягательная сила знакома приверженцам этой истинно народной игры и у нас.

Для нас же футбол, оставаясь королем спортивных игр, при всей своей привлекательности, заложенном в нем самом не поддающемся анализу магнетизме выглядит, как мне кажется, и думаю, что со мной согласятся многие, неким незримым агитатором и пропагандистом культуры физической и спорта тоже!

Сказанное не журналистский вымысел, ибо в девяти случаях из десяти, как свидетельствует практика, первое свидание с футболом, если оно к тому же было удачным и зрителю удалось увидеть игру больших мастеров, влечет за собой, как правило, вторую встречу, и в конце концов иногда случайно забредший на стадион человек становится еще одним пленником футбола.

Иной его приверженец может навсегда остаться лишь заинтересованным наблюдателем, много лет сопереживающим избранной им команде. Но нередко вошедший в увлекательный мир спорта через, скажем так, «футбольную дверь», даже не став футболистом, общается к какому-либо виду спорта, и, согласитесь, уже только за то, что он стал в ряды спортсменов, должен быть благодарен футболу.

Родиной футбола принято считать Англию. Но, думаю, мало кому известно, что впервые — в 1863 году — в него начали играть в городе... Регби, давшем название одноименной игре. Однако если верить спортивным летописцам, то футбол был знаком людям еще в XV веке. Тогда появился флорентийский футбол, представляющий для истории спорта большой интерес, поскольку это была первая командная игра, в которой участвовало более 20 человек. Среди ее поклонников находились Леонардо да Винчи и Никколо Макиавелли. Впрочем, флорентийский футбол — далекий предшественник регби — имел короткую жизнь.

Болельщика футбола трудно чем-либо удивить, он знает о любимой игре все или почти все. Но наверняка далеко не каждому известно, как, например, появилось

слово «пенальти». Правило о пенальти было введено в ноябре 1891 года в Великобритании. В течение ряда лет ирландский специалист по футболу Г. Пенальти добивался модернизации правил с целью ограничения грубости на поле. По его настоянию самым жестким образом стала наказываться грубость на площадке перед воротами. В память об авторе одиннадцатиметрового этот штрафной удар и называют «пенальти».

Футбол прост и доступен. В него играют везде, где можно поставить ворота. В одном случае это стадион, в другом — обычная площадка, лужайка, клочок свободной земли, где ворота обозначены двумя портфелями или ранцами, и шумливая ватага ребят, разделившись на две партии, разыгрывает свое сиюминутное первенство по дороге из школы домой.

Став поначалу любопытной забавой, не позволяющей участникам игры действовать руками, футбол сразу же выделился среди всех других игр с мячом этой своей особенностью, предъявив играющим довольно высокие требования.

То, что привычно, без особого труда и усилий делалось руками, бросающими и ловящими мяч, ногами получалось далеко не у всех. У одних выходило лучше, у других хуже. Но именно это обстоятельство, желание во что бы то ни стало не уступить другому, более того, сделать много лучше соперника, вызвало к жизни своеобразное соревнование, дабы добиться высокой степени точности и такой же осязаемости, как и при действии руками. Все это и делает футбол столь притягательным зрелищем, где уже в силу самих условий игры возможны случайности, создающие дополнительный интерес, что практически редко встретишь в какой-либо из других игр.

Но само по себе техническое умение, виртуозное обращение с мячом в статике, на месте, вне столкновения с противником, стремящимся отобрать у тебя мяч, стоит

немногого. Ведь известно, что едва ли не любой среднего класса артист цирка может жонглировать мячом, достаточно долго не позволяя ему опуститься на землю. В данном случае мы имеем дело с мастером, доведшим до высокой степени так называемое мышечное чувство. Но такой демонстратор-трюкач, даже будучи очень одаренным, окажется простым статистом на футбольном поле, в матче, где с первой и до последней минуты идет яростная борьба за овладение этим самым мячом и где соперник не оставит и тысячной доли шанса на такого рода жонглирование для ублажения трибун.

Класс футбольного виртуоза в том и заключается, что его управление мячом происходит на таких скоростях, что позволяет ему, сохраняя контроль над мячом, противостоять сопернику, выходя победителем из такой дуэли. Поэтому-то мы и не перестаем удивляться, правда уже запечатленным на киноплёнке, предельно экономным, мягким, несколько кошачьим движением бразильца Пеле, искусно укрощающего мяч, оставаясь в плотном кольце опекунов, в самой гуще горячей схватки в штрафной площади. Причем во многих случаях борьба с защитниками заканчивалась тем, что, выиграв у них какие-то десятые доли секунды, бразилец успевал нанести прицельный удар, забить гол.

Не меньшее восхищение вызывал филигранно выверенный пас на расстояние 30—35 метров, точно на выход партнеру, либо перевод мяча с фланга на фланг, коим столь великолепно владел Франц Беккенбауэр, центральный защитник клуба «Бавария» и сборной ФРГ, прозванный за свое удивительное искусство «Великий Франц».

А разве не удивлял нас талант Льва Яшина, Григория Федотова, Игоря Нетто, а еще раньше Федора Селина, этого «короля воздуха», великолепно игравшего головой, и десятка других мастеров, многие из которых — воспитанники московского футбола!

И все же в чем колоссальная притягательная сила этой игры? Только ли в ее удивительной зрелищности, когда население крупного бразильского города Рио-де-Жанейро собирается на матчах на знаменитом стадионе «Маракана», вмещающем около 200 тысяч человек, объединенное одной, но пламенной страстью, причем настолько пламенной, что, по официальной статистике, в стране во время футбольных матчей погибают от инфаркта десятки торсидорес, не выдержав созданного ими же ажиотажа, приведшего их к столь печальному исходу.

Футбольные телерепортажи, довольно сильно потеснившие на домашнем экране все остальные спортивные передачи, также способствовали и без того большой популярности короля спортивных игр. Лицемерие футбола крупным планом позволило миллионам зрителей включиться в потенциально возможную дискуссию о плюсах и минусах увиденного, о возросшем авторитете футбола.

Телевизионное «боление», расширив рамки зрелища, укрупнив его отдельные эпизоды, тем не менее оставило за кадром немало подробностей, которые конечно же не могли все, по техническим условиям телевидения, войти в показываемые операторами-картинки. А значит, оно не полностью воспроизводило общую панораму матча.

Однако, несмотря на отдельные огрехи, телетиражирование в конечном итоге в тысячи раз увеличило футбольную аудиторию, достигающую нескольких сот миллионов зрителей в годы мировых чемпионатов!

И все-таки не в расширении географии и популярности футбола надо искать ключ к отгадке этого феномена мирового спорта.

Главным, определяющим фактором, объясняющим неутолимый интерес к футболу, остается его полнейшая непредсказуемость.

В этом смысле с ним не может сравниться ни один

вид спорта, ни одно зрелище из ныне существующих, включая кинематограф! В разного рода литературных жанрах и видах искусств можно с известной долей вероятности додуматься, чем может закончиться пьеса, останется ли в живых главный герой и т. д. А вот попробуйте загодя назвать победителя в футболе и не ошибиться!

Разумеется, можно угадать счет, с каким закончится матч. Но где гарантия того, что повторная встреча сегодняшних конкурентов станет копией их первого соперничества? Пройдет неделя, другая, и хорошо знающие друг друга команды снова выйдут на поле выяснять отношения. И опять — в который раз! — сработает феномен непредсказуемости, этот маг и волшебник, обладающий способностью путать все карты, превращать в клочки ненужной бумаги научно обоснованные прогнозы и дарить нам очередную картину футбольного боя с неожиданной концовкой, возможно, на первых порах ошеломляющей нас, но зато сохраняющей интерес к любимому зрелищу, остающемуся, как всегда, тайной за семью печатями и потому еще более интригующему, чем прежде.

И еще одно обстоятельство, по-моему, гарантирует футболу бессмертие. Язык футбола не требует переводчика. Игра, любимая миллионами, потому, очевидно, и любима, что ясна и проста для понимания каждого, кто хотя бы раз увидел ее, либо, что еще лучше, был участником матча.

Завоевав мир, футбол при общности правил, традиций, трактовки своих основных положений тем не менее неодинаков в разных полушариях, по-разному смотрится в исполнении, скажем, мастеров латиноамериканской и европейской школ.

Волшебников из Рио, как окрестили бразильцев после их громких побед на чемпионатах мира, показавших широкой публике таких чародеев мяча, как Пеле, Гар-

ринча, Жильмар и еще целую плеяду ярчайших «звезд», всегда отличали легкая техника, неторопливая перепасовка между собой, а затем на подходе к штрафной площади — ускорение-взрыв, смерч атакующих действий и разящие удары по цели, венчающие победный рейд.

Иное лицо у футбола европейского. Солидный, несколько чопорный, с резкими, неожиданными для соперников передачами мяча с фланга на фланг, сольными проходами крайних нападающих и их прострельными передачами мяча в центр штрафной, где мяч ждут игроки, изготовившиеся послать его в ворота ударом головы.

С годами, правда, произошло известное взаимопроникновение отдельных элементов игры в названных школах.

Латиноамериканцы кое-что позаимствовали у европейцев, главным образом в области более эффективной физической подготовленности игроков, соблюдения игровой дисциплины и более строгой игры в обороне. Европейцы же, в свою очередь, не оставили без внимания высочайшую технику владения мячом бразильцами и аргентинцами, их легкость, раскрепощенность, умение менять темп, создавая в зависимости от сложившейся на поле ситуации нужную им ритмику в матче.

Такой обмен опытом, судя по всему, оказался весьма полезным для обеих сторон. Во всяком случае черты, характерные для двух школ, довольно четко просматривались на последнем чемпионате мира в Испании в игре многих команд.

Но футбол, став признанным кумиром, захватил у нас еще и внестадийное время. Прислушайтесь к разговорам горожан летом по субботам и воскресеньям. Из десяти беседующих как минимум трое ведут спор о футболе.

И еще одно обстоятельство, о котором нельзя не сказать, говоря о футболе. В Москве, например, первые матчи на еще полусыром грунте, недавно расставшемся

со снежным покровом, всегда знаменуют собой, как и прилет грачей, приход весны, предтечу горячего, жаркого футбольного лета.

Встречаясь на трибунах после вынужденного зимнего затишья, отданного, правда, по традиции хоккею, футболоманы щедро делятся новостями, многие из которых, по их твердому убеждению, получены из первых рук, и потому, естественно, заслуживают всяческого доверия. И вот когда новость вроде бы принята всеми слышавшими ее, вдруг появляется всезнающий стадионный оракул и вносит немаловажное уточнение в сделанное сообщение, ссылаясь на свой разговор («Только что, друзья, в раздевалке, куда я все-таки прорвался») с тренером одной из команд, и заинтересовавшая всех тема сразу же принимает совершенно иное направление.

Да что там стадионные разговоры! Они не могут не возникнуть в ожидании любимого зрелища, которое вот-вот начнется, ибо судейская бригада направляется к центру поля.

Но как, скажите на милость, квалифицировать людей, собирающихся в одно и то же время, хотя никакого предварительного уговора между ними не было, чтобы заочно и за несколько дней до ожидаемой встречи их любимой команды, что называется, по косточкам разобрать все достоинства и недостатки игроков, посетовать на избранную тренером тактику и заодно конечно же дать совет? Кому? Зачем? Да и дойдет ли он по назначению?

Это не столь важно. Куда важнее, надо полагать, не упустить возможности на людях, вслух выплеснуть все-го себя в горячем споре, хотя точки зрения сторон зачастую сходятся либо весьма близки. И... тем не менее.

Видя вот уже немало лет эту группку истых приверженцев московского «Динамо», располагающихся всегда напротив стадиона, неподалеку от троллейбусной остановки на зеленом пятачке с несколькими редкими дерев-

цами, я почему-то испытываю непреодолимое желание сказать игрокам и тренерам этого некогда очень популярного клуба, одиннадцать раз становившегося чемпионом страны по футболу: «Придите, друзья, как-нибудь в это собрание ваших доброжелателей и преданных приверженцев. Придите и послушайте, что они о вас говорят, как желают успеха, как мечтают увидеть бело-голубых — такова форма динамовцев — в числе лидеров советского футбола!»

Понимаю, что названных болельщиков иной здравомыслящий читатель волен отнести к разряду «чудиков», так называемых фанатов, коих можно сыскать не только в среде поклонников спорта. Что ж, каждый имеет право на свою точку зрения.

Но, с другой стороны, разве такое подвижничество, пусть и вызывающее иногда снисходительную улыбку, не воспринимается как следствие того же никем пока не расшифрованного магнетизма футбола?!

Он потому-то и король спортивных игр, что, властвуя над нами, не перестает напоминать о своем присутствии. Мы, по существу, никогда не расстаемся с ним надолго. Футбол способен поднять нам настроение и, напротив, изрядно испортить его. Но такое случается лишь после проигранного матча.

А до него? А до него футбол, как и подобает радушному, хлебосольному хозяину, приглашает нас в гости, общаясь действо яркое, необычное, с непременно туго закрученной пружиной интриги, заставляющей нас гадать о возможном исходе матча.

Повторюсь: футбол не нуждается в переводчиках, он прост и понятен. Но простота эта, если говорить о предельно экономных, рациональных действиях выдающихся игроков, — результат очень интенсивных, объемных и разнообразных тренировочных занятий.

Талант, согласимся, редкость в любом деле. Футбол не исключение. Но заложенные в игроке от природы

способности надо уметь развить, и здесь без опытного, квалифицированного тренера не обойтись. Мы располагаем многими интересными специалистами футбола, такими, например, как москвичи К. Бесков, Вяч. Соловьев, В. Иванов, и некоторыми другими.

Советская тренерская школа неплохо зарекомендовала себя на международной арене. наших тренеров нередко приглашают для работы за рубежом, в частности в молодых африканских государствах.

— Я более года тренировал команду города Эль-Аснам. В других городах работали приехавшие со мною в одном потоке москвичи Виктор Жарков, Слава Завидонов, Руперто Сагаста и Борис Беляков,— рассказал мне государственный тренер по футболу Евгений Александрович Рогов, делаясь впечатлениями о работе с футболистами Алжира. Той самой командой, которая на чемпионате мира в Испании стала возмутительницей спокойствия на футбольном Олимпе, заставив капитулировать одного из первейших фаворитов — сборную команду ФРГ!

Сенсационным посчитала вся мировая пресса тот выигрыш алжирской команды, и, очевидно, среди специалистов, внимательнейшим образом наблюдавших за ходом матча, ничуть не удивившись его итогу был разве что Евгений Рогов. Как раз незадолго до начала чемпионата мира закончился его контракт, но, уезжая домой, Евгений Александрович оставил подробнейший план дальнейшей подготовки команды и затем уже издали заочно переживал за своих питомцев, веря, что они смогут показать на полях Испании вполне современный футбол.

Так оно и случилось. И в матче со сборной Чили алжирцы играли отменно, особенно в первом тайме. Счет 3:2 тому подтверждение. Отыгрывались их соперники, и четыре очка, добытые командой, уступившей по разности забитых и пропущенных мячей командам ФРГ и

Австрии,— достаточно высокая аттестация ее мастерства.

После выхода команды Алжира в завершающую часть мирового чемпионата ее руководство и игроки были приняты президентом страны. Он особо поблагодарил советского тренера, сказав по-русски: «Спасибо, товарищ Рогов!» Мы можем быть довольны тем, что к серьезнейшему экзамену сборную Алжира готовил и наш, советский, тренер Евгений Рогов.

Благодарностью отмечена также работа другого тренера, москвича Алексея Парамонова, некогда игравшего в московском «Спартаке». Парамонов тренировал футболистов Туниса.

И таких примеров интернациональной помощи спортсменам дружественных нам стран немало. Они говорят о многом, и в первую очередь о том, как растут и ширятся наши международные связи. Нет, не красного словца ради спорт нынче назван одним из послов мира. Он действительно стал таким в последние годы в результате работы советских специалистов и их друзей из других социалистических стран, взявших шефство над спортсменами молодых государств Африки и иных континентов.

Футбол — великий оптимист по своей природе. Даря нам радость и печаль попеременно, он, несмотря на такую изменчивость своего характера, остается едва ли не самым загадочным королем.

Так как здесь не воскликнуть: «Да здравствует король-футбол!»

ПРЕЗИДЕНТ РЕБЯЧЬЕГО КЛУБА

Эту уютную квартиру впору назвать музеем отечественного футбола. Во всяком случае, такое сравнение напрашивается, когда рассматриваешь грамоты, кубки, памятные жетоны и медали, со вкусом расположенные под стеклом книжного шкафа многочисленные фотографии и рисунки.

Словом, это почти наполовину «футбольный» шкаф. Почти, ибо его вторую часть занимают не менее объемистая экспозиция и архив, отражающие период становления и поиска новых, революционных форм советского театра и эстрады.

Пора, очевидно, сказать, что все это интересное собрание принадлежит заслуженному мастеру спорта СССР Михаилу Павловичу Сушкову, известнейшему в прошлом футболисту, игроку сборных команд Москвы, тренеру и общественному деятелю, который в пору своей молодости был «синеглазником», участником народного театра, прозванного в 20-е годы «живой газетой».

В коллекции Сушкова спортивная тема все же главенствует, поэтому спрашиваю его: уместно ли такое собрание спортивных реликвий назвать уголком музея спорта? И слышу в ответ:

— А стоит ли? Разве меньше их хранится в альбомах братьев Старостиных, братьев Артемьевых, Павла Канунникова, Казимира Малахова, кстати сказать, некогда весьма популярного певца и футболиста? На перечисление моих сверстников, конечно же тех, кто сохранил все, что связано с нашей молодостью, замечу, очень нелегкой, и запятых не хватит,— шутит Михаил Павлович.

Прожита большая увлекательная жизнь. И не только в спорте. А по собственному признанию собеседника, сделана всего лишь небольшая часть задуманного, и надо идти дальше, благо позволяют силы и характер.

И того и другого у Михаила Павловича в избытке: «Транспортом стараюсь не пользоваться, больше хожу,— говорит он.— Спасибо спорту и особенно футболу. Футбол помог мне обрести характер, развить, как иногда принято говорить среди спортсменов, «волевою мускулатуру». И вообще это, по моему твердому убеждению, та из командных игр, где очень быстро узнаешь, кто есть кто, где действительно один в поле не воин».

— Ваша привязанность к футболу понятна, Михаил Павлович. Но чем тогда президент клуба «Кожаный мяч» объяснит, например, что московские мальчишки ныне явно предпочитают хоккей с шайбой некогда все-сильному футболу, который, по общему мнению, по-прежнему остается королем спортивных игр?

— Вопрос не из легких, хотя, казалось бы, кому, как не москвичам с их славными традициями, опытными тренерами и хорошими базами, быть в авангарде нашего футбола,— отвечает Михаил Павлович и добавляет: — Сказанное в равной степени относится и к взрослому столичному футболу, и тем более к детскому и юношескому, проблемами которого я вплотную занимаюсь вот уже два десятка лет, с тех пор как мне была оказана большая честь стать президентом Всесоюзного клуба «Кожаный мяч», возникшего благодаря инициативе и совместному решению ЦК ВЛКСМ, редакции «Пионерской правды» и Федерации футбола СССР.

В общем, взялся за очередную общественную работу (я к тому времени перешел, как говорится, в класс пенсионеров), но вот на поверку оказалось дело столь увлекательным и интересным и, чего греха таить, достаточно хлопотливым, что, признаться, я и не почувствовал так называемого перехода к пенсионной жизни.

У президента нашего ребячьего клуба обязанностей действительно немало. Не так-то просто возглавить работу учебно-методической комиссии по детскому и мас-совому футболу (М. П. Сушков ее председатель); держать бразды правления «Кожаного мяча», участвовать в работе партийного бюро 11-го участка жэка № 4 Киевского района и, добавлю от себя, урывать время, чтобы писать учебные пособия по тактике, технике и организации занятий футбольных секций.

Разноцветные корешки книг с фамилией «М. Сушков», изданных в разные годы и переведенных на несколько языков, составляют написанную им самим

«сушковскую футбольную библиотеку». Листая их страницы, а еще ранее знакомясь по театральным программам, афишам и рецензиям почти сорокалетней давности с деятельностью актера, певца Михаила Сушкова, отзывами на его режиссерские работы, ловишь себя на мысли, что завидуешь этому человеку с кипучей, прямо-таки неиссякаемой энергией, его разносторонним знаниям и широте кругозора!

Собственно, немало из того, что я увидел и услышал из уст Сушкова, мне было известно от общих знакомых по спорту. И все-таки я был приятно удивлен, когда, проиграв на пианино бравурную маршеобразную мелодию, Михаил Павлович сказал:

— Вот сочинил маршик вместе с композитором П. Шпитальным, не знаю, как получилось, назвали «Кожаный мяч».

Я не рискнул вслух рецензировать услышанный марш. И вовсе не потому, что мог нечаянно каким-то даже небольшим замечанием, так сказать, поранить авторское самолюбие хозяина дома. Не будучи музыковедом, я не мог дать профессиональную оценку маршу, но простая приподнятая мелодия и бесхитростные слова-призывы запоминались, их хотелось повторять, и мне показалось, что марш-песня придется по душе юным футболистам.

Так и получилось, в чем мне удалось убедиться в дальнейшем, бывая на финальных соревнованиях розыгрыша популярного приза. Марш «Кожаный мяч» вскоре обрел признание, став своеобразным гимном юных футболистов.

Да и можно ли равнодушно произносить такие слова:

Вперед, ребята!

Идем в большой футбол!

Вперед, ребята, забьем красивый гол!

— Да, если говорить о московских мальчишках, то уж больно по-черепаши ползут они к своей мечте,— за-

метил Сушков, сняв руки с клавиш.— Стыдно признать, что в семнадцати розыгрышах «Кожаного мяча» они ни разу (!) не были первыми. Одного желания, не подкрепленного четкой организацией, для достижения стабильных успехов недостаточно. И если верно, что энтузиазм — горючее, порох футбола, то он, этот порох, у москвичей, тех, кто руководит дворовым футболом, явно отсырел. Есть здесь известные просчеты и с нашей стороны, будем устранять. Уверен, что, несмотря на свою, казалось бы, большую притягательность, за футбол нужно агитировать систематически, и не столько словами — они, яркие, образные, весомые, тоже нужны,— сколько делами. Вон видите ледяную площадку,— продолжал Михаил Павлович, приглашая к окну.— Мы ее в доме сообща с родителями ребят дней десять заливали вручную, и мне пришлось ведер восемь воды вылить. Не могли, как ни старались, достать в домоуправлении шланг. Скажете, мелочи все это. Но ведь именно из-за таких мелочей иной раз стопорится хорошее начинание. Я бы мог взять наугад любое из писем (их мы получаем сотни), и почти в каждом наряду с просьбой дать совет по чисто футбольным вопросам всегда найдешь жалобу, обиду на взрослых, не пожелавших вложить в дело честицу души, отзывчивого сердца.

Коротко говоря, такая заинтересованность в судьбах юных футболистов и есть, по-моему, едва ли не важная часть воспитания нашей спортивной смены, которой мы, ее прапрадедушки, и должны передать свой опыт и футбольное мастерство, не забывая при этом прививать лучшие качества советского человека! Ведь мальчишки, если с ними занимаются не формально, не для пресловутой «галочки», способны на многие хорошие дела, и не только связанные с футболом!

Что же касается тех, кто по-настоящему полюбил футбол, отдает ему все свободное время и мечтает стать известным мастером, то для таких пример беззаветной

преданности своему клубу, взаимовыручки — едва ли не лучшая школа воспитания спортивного характера.

Не могу в этой связи не вспомнить одну историю, приключившуюся с известным вратарем московской команды «Торпедо» Виктором Банниковым, много лет до этого защищавшим ворота команды киевского «Динамо».

Виктор довольно быстро, судя по его словам, вписался в ансамбль автозаводских футболистов, что вообще-то случается не так уж часто: на «притирку» уходит немало времени. Но Банников сразу нашел общий язык с новыми партнерами. В него поверили, и ему оставалось отменной игрой и отношением к делу доказать, что, пригласив его для усиления своих тылов, руководители популярного столичного клуба не ошиблись в выборе. И надо сказать, что повода быть недовольным собой Виктор никогда никому не давал.

Однако сезон редко проходит, что называется, без сучка и задоринки, особенно у вратарей, коих гораздо чаще, нежели полевых игроков, преследуют травмы.

Не обошли они стороной и Банникова. Случилось так, что, столкнувшись со слишком агрессивным нападающим, Виктор получил довольно серьезное повреждение коленного сустава, и врачи временно отлучили его от футбола, причем в самый нужный для команды момент: «Торпедо» после нескольких неудач начало вроде бы нащупывать свою игру, а здесь — на тебе — вышел из строя основной вратарь! Виктор вспоминал:

«Удар пришелся в левое колено, вгорячах я не сразу почувствовал боль, а в раздевалке, куда меня ребята принесли на носилках, стало совсем невмоготу.

Если учесть, что наш следующий матч был с командой ЦСКА, проигравшей до встречи с нами три матча на выезде и, естественно, желавшей вырвать у нас два очка, то нетрудно представить состояние наших ребят и

настроение старшего тренера Валентина Козьмича Иванова.

Но что поделать, выше головы не прыгнешь. Да и врачи нет-нет, а напоминают: «Ты, парень, о мяче и перчатках пока забудь, отдохни малость...»

Всем вроде бы все было ясно. А ребята между тем за день до матча стали ходить вокруг меня кругами: «А может быть, ты с нами на стадион поедешь, посидишь на лавочке? Нам это поможет, все-таки спокойнее». Потом пошли намеки и более прозрачные: «Ты бы посоветовался еще раз с врачами, затянул бы ногу эластичным бинтом, может быть, стал бы в ворота?»

Коротко говоря, я понял, что надо рискнуть.

Врачи «колдовали» над моей ногой, лечили и показывали головами, что, очевидно, должно было означать примерно следующее: «Смотри, дружок, дело обстоит гораздо серьезнее, нежели ты думаешь. Мы, можно сказать, грех на душу берем, снимая запрет на игру...»

В день матча мы все-таки решились. Мы — это врачи, я и старший тренер Валентин Козьмич Иванов. «Ладно, Виктор, — сказал он. — Ты их (это армейских игроков) только попугай тем, что вышел на поле, стоишь в воротах, что ты вопреки слухам в полном порядке. Словом, тебе поручается главная роль в футбольном детективе. Глядишь, и напугаешь, а?»

С хитринкой был взгляд нашего наставника тогда, когда он меня инструктировал. То был, как принято говорить в подобных случаях, «ход конем», некая психологическая шарада. Но резон в рассуждениях Козьмича (так игроки между собой сокращенно называли Иванова) конечно же был. К слову сказать, еще в бытность игроком Иванов всегда умел загадывать соперникам разного рода ребусы. Став тренером, он не утратил этой своей привычки, выдвигая перед конкурентами каждый раз новые ловушки, а значит выигрывая время, столь

нужное для его команды, чтобы быстро перейти от обороны к атаке.

И вот я выхожу на поле. Зафиксировали мне колено так, что вроде бы и не пошевелинуться. Ну а какой из меня в том матче вратарь был, полагаю, говорить не надо.

Но вот дела! Смотрю за игрой и вижу: наши ребята и впрямь приободрились. Игра у них стала получаться. Словно успокаивая меня, они атаковали, не позволяя соперникам приближаться к моим владениям, что, должен сказать, и мне подняло настроение.

Все шло нормально, без каких-либо особых тревожений. Более того, вскоре мы забили гол и, поведя в счете, вроде бы обрели еще большую уверенность в окончательном исходе матча. Никто из ребят об этом, естественно, не говорил, но по опыту знаю, как такие настроение, уверенность, что дело идет к победе, передаются игрокам.

И вот на тебе: в наши ворота судья назначает одиннадцатиметровый удар. Пе-на-ль-ти!

Наблюдая, как армейский форвард, кажется это был Владимир Федотов, тщательно устанавливает мяч, убирая из-под него мельчайшие комочки земли, я подумал: «Лишь бы он не ударил влево». Это значило бы, что нужно делать бросок на большое колено, влево мне просто ни за что не броситься.

Противник, будто угадав мои мысли, ударил влево.

Все произошло мгновенно: стадион ревел истоно, мощно; так бывает, когда вратарь выходит победителем из неравной дуэли!

Ребята отнесли меня на руках в раздевалку, а я долго никак не мог объяснить случившееся.

Удача? Промах нападающего, его ошибка? Пусть так, главное, я, наверное, заставил его вздрогнуть, усомниться в собственных силах и тем самым, ничем не рискуя сам, внес сумятицу в его душу, сбил с мушки его

прицел, как иногда мы, вратари, говорим между собой».

— Можно понять состояние Виктора Банникова,— продолжил рассказ Сушков.— Но давайте представим, а это не очень трудно, какой огромный воспитательный заряд содержался в его поступке для юных торпедовцев, членов футбольной школы популярного клуба, когда им стало известно, в каком состоянии играл вратарь их любимой команды Виктор Банников!

Такие поступки известных наших мастеров — лучшая и, пожалуй, самая действенная агитация за футбол! И не скрою, мне очень приятно вспомнить и рассказать читателю, особенно молодому, об одном случае, имевшем место в розыгрыше на приз «Кожаного мяча».

Мне надолго запомнился матч, сыгранный в 1965 году на стадионе Московского Дворца пионеров. Против высокорослой, физически и технически крепкой команды «Газапхули» из Батуми вышла играть вильнюсская «Жуведра».

Ребята из Литвы были ростом на две головы ниже своих сверстников, и все, кто видел команды на разминке, заранее отдавали победу грузинским игрокам. Южане к тому же показали до начала матча столь сильные прицельные удары по воротам, так искусно жонглировали мячом, демонстрируя тем самым свое полное техническое превосходство, что исход встречи ни у кого, в том числе у самих литовцев, не вызывал, как мне показалось, сомнений. «Разве нам их одолеть? Они с мячом работают, словно жонглеры в цирке»,— говорили северяне своему капитану. На что тот, помнится, довольно резко ответил: «Кто не верит в свои силы, может ехать обратно в Вильнюс. Никого уговаривать не будем...»

Но вот начался матч, и, как выяснилось, грузины, выглядевшие недавно бесспорными фаворитами, ничего не смогли сделать с маленькими юркими литовцами. Забив по голу, команды разошлись с миром. Причем если уж быть до конца объективным, то ничьей должны были

остаться довольны южане. На последней минуте матча в их ворота был назначен пенальти. Капитан литовской команды, несколько раз покрутив мяч, установил его на белой точке, бросил взгляд на вратаря, разбежался и... сильно послал мяч прямо ему в руки. В следующую секунду он схватился за голову и, казалось, хотел отделить ее от туловища — так раздосадован был тем, что подвел команду. Тут же прозвучал финальный свисток. Ребята, поприветствовав друг друга и судейскую бригаду, направились в раздевалку, а капитан громко ревел, словно дошкольник, у которого отняли любимую игрушку. Это было чуточку смешно. И в то же время мы понимали, что на наших глазах произошла футбольная драма. Капитан «Жуведры» на виду у трибун казнил себя за допущенный промах. И я невольно подумал, что это в общем-то очень здорово: такой спортсмен всегда будет верен флагу своего клуба, на такого парнишку всегда можно положиться.

Меня могут спросить: «Все это очень похвально, Михаил Павлович. «Кожаный мяч» — соревнование нужное и полезное. А каков, скажем, ее вклад в развитие нашего большого футбола, далеким резервом которого, собственно, и должен являться всесоюзный ребячий футбольный клуб?»

Вклад пока не очень велик. Но думаю, будет гораздо весомей. Уже сейчас я бы мог назвать нескольких игроков из команд высшей лиги, кто начинал свои первые шаги в футболе с выступлений за дворовые команды, оспаривавшие приз «Кожаного мяча». Упомяну хотя бы В. Гуцаева, А. Байдачного, Ю. Чеснокова, Ю. Пьяных, В. Шакуна, В. Федорова, с успехом выступающих за команды высшей и первой лиг нашего футбола.

Рассказывая о «Кожаном мяче», не могу не сказать, что сам по себе этот розыгрыш является наиболее яркой, наглядной пропагандой и агитацией за футбол, и не только среди мальчишек.

По общему мнению всех, кто видел игры с участием финалистов розыгрыша «Кожаного мяча», эти матчи по своему накалу, подготовленности команд-претендентов на высшие награды не только ничем не уступают матчам иных команд мастеров, но подчас и превосходят их своей красотой и зрелищностью.

Но не только это должно радовать нас, когда мы видим, как ловко, споро, со знанием дела, с азартом действуют будущие Федотовы, Бесковы, Карцевы, Яшины и Хомичи, Акимовы, Блохины и Колотовы.

Лично мне всегда приятно видеть, что, оставаясь одной из любимых игр, футбол привносит в жизнь нашей ребятни чувства товарищества, настоящего коллективизма — качества, столь необходимые каждому из нас в повседневной жизни! Не ошибусь, если скажу, что «Кожаный мяч» — наследник и продолжатель начатого его прадедами дела. Он в центре внимания и ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, Спорткомитета СССР, и Министерства просвещения Союза ССР, и Министерства жилищно-коммунального хозяйства РСФСР.

В руках по-настоящему опытных и — это главное — любящих и умеющих заниматься с мальчишками, спортсмены способны на многое. Достаточно сказать, что за все время существования клуба ребята посадили десятки тысяч деревьев и кустарников, собрали тысячи тонн металлолома и макулатуры, тонны лекарственных трав. Большая помощь оказана колхозам, совхозам, инвалидам войны и труда, школам. За один только юбилейный год (год десятилетия клуба) было построено и благоустроено 7500 футбольных полей и площадок.

Мальчишки по своей природе очень отзывчивы, они, словно губка воду, вбирают любое доброе начинание, откликаются делом на призыв, если к тому же призыв этот исходит от спортсменов, мнение которых для них особенно дорого и чтимо.

Считается, что время — лучший контролер прогресса.

И знаменитое «все течет, все изменяется» имеет прямое отношение и к спорту. Ныне «Кожаный мяч», оставаясь таким же юным, розовощеким и симпатичным, каким он представлен на своей эмблеме, заметно возмужал. Его популярность перешагнула рубежи нашей страны, у него появились друзья и последователи среди сверстников из социалистических стран. Школьники Болгарии, Венгрии, ГДР объявили о своем желании систематически встречаться на зеленом поле стадиона. Мы не сомневаемся в том, что контакты эти будут развиваться и крепнуть.

Оставаясь под впечатлением услышанного, машинально делаю пометки в блокноте, записав, между прочим, следующие строки: «Верю в то, что Михаил Павлович Сушков сделает еще немало для нашего футбола, и в первую очередь московского».

Словам этим, к большому моему сожалению, не суждено было сбыться. Уже после того как были набраны эти строки, пришло горестное известие о кончине Михаила Павловича Сушкова. Ушел из жизни большой спортсмен, известный актер, педагог и наставник юношества, кавалер ордена Дружбы народов. Прощаясь с Михаилом Павловичем, хочется еще раз сказать: «Большое спасибо Вам за все, что Вы сделали для советского спорта, для нашего футбола, для наших детей...»

ФУТБОЛ ЗА... ПАРТОЙ

Согласитесь, это всегда вызывает чуточку ироническую улыбку, когда видишь за партией взрослых людей, давно распрощавшихся со школой и вот теперь, спустя 15—20 лет, снова оказавшихся в роли учеников.

Класс, о котором пойдет речь, был особенным, непохожим на любой другой. Если говорить о его составе,

то без натяжки его можно было бы назвать собранием футбольных знаменитостей. Николай Дементьев и Алексей Леонтьев, Николай Морозов и Виктор Марьянко, Виктор Царев и Алексей Хомич — словом, что ни студент, то популярнейший игрок!

Представители многих ведущих команд, и не только их, покинув футбольное поле, решив не расставаться с любимым спортом, оказались студентами Высшей школы тренеров по футболу при Государственном центральном ордена Ленина институте физической культуры (ГЦОЛИФК), что тогда располагался в Москве на улице Казакова, а ныне находится в новом великолепном здании на Сиреневом бульваре.

Я с удовольствием вспоминаю эти годы учебы, ибо тоже был среди слушателей, правда, много уступая им в заслугах и чисто спортивных достижениях.

Поиграв в динамовских командах Еревана и Казани, а еще раньше в московском «Буревестнике», я подал заявление о приеме в школу. К тому времени (1950 год) за плечами уже был некоторый опыт журналистской работы, но я считал и продолжаю считать, что специальное педагогическое образование мне нисколько не помешает, а, напротив, позволит еще лучше узнать футбол, о котором я продолжаю писать и по сей день.

Вместе со мной за партией оказался и Юрий Ильич Ваньят, едва ли не самый известный в стране футбольный репортер, корреспондент газеты «Труд», до этого долгое время работавший в «Красном спорте» (прежнее название «Советского спорта»). Убежден, что и он, будучи всегда очень близок к спортивным кругам, понимал, что и ему не помешало бы пополнить свои футбольные знания.

То был не первый набор в школу тренеров, но, пожалуй, наиболее массовый по сравнению с несколькими предыдущими. И объяснялось это в первую очередь тем,

что известный подъем, характерный для послевоенного футбола, его качественные изменения требовали притока свежих тренерских кадров.

Тренировки типа «ты мне, Васек, накати мяч под левую, а я уж, будь спокоен, не промахнусь...» уходили в область преданий. Футбол становился на научные рельсы, и первые выпускники школы тренеров оказались в известном смысле первопроходцами. Они взяли на вооружение прочные разнообразные знания и стали смело применять их на практике.

И здесь нельзя не произнести с благодарностью имя главного зачинателя, организатора школы, блестящего педагога Михаила Давыдовича Товаровского. Всегда внешне подтянутый, тщательно выбритый, в отлично сшитом костюме, с красиво завязанным галстуком, Михаил Давыдович входил в аудиторию, являя собой пример для подражания.

«Запомните, друзья, — обращался он к классу, — ваши будущие подопечные очень внимательно, даже придирчиво, так будет точнее, буквально с головы до ног осматривают тренера, особенно при первом знакомстве. И если только неряшливо, небрежно одетый педагог вдруг начнет, чего доброго, говорить об аккуратности, его просто не станут слушать. Это одна из тех на первый взгляд мелочей, упустив которую наставник начисто, что называется одним махом, может перечеркнуть весь свой авторитет, бросить тень на свое громкое имя специалиста».

Кроме методики занятий, организации учебного процесса — в этих дисциплинах он просто не знал себе равных, — Товаровский читал нам курс тактики и стратегии футбола, сопровождая свой рассказ таким количеством примеров из военной истории, выбирая столь яркие, образные сравнения, что услышанное не просто хорошо усваивалось, но и надолго оседало в запасниках памяти, чтобы в нужный момент дать о себе знать, когда тре-

неру надо было проиллюстрировать игрокам какое-то отдельное положение, возникший на поле игровой эпизод.

Накопление сил на определенном участке футбольного «боя», ложные маневры, рывки, перемещения, разного рода тактические ловушки — обо всем этом должен знать, и не только знать, будущий тренер. Он должен уметь, каждый раз варьировать, стараться преподнести сюрприз соперникам, чтобы выиграть время и пространство, столь необходимые для проведения быстрой и неожиданной атаки.

Футбол в отличие, скажем, от шахмат, приводил один из своих любимых примеров Товаровский, не уступает им в обилии вариантов, разного рода продолжений и домашних заготовок. В шахматах, правда, есть десятки зафиксированных с помощью специальной нотации дебютов, типических положений и т. д. Футбол же — это, по существу, всегда новая партия, за исключением нескольких стандартных положений, поэтому-то он всегда загадка, и эта его непредсказуемость помимо других, чисто спортивных достоинств и делает футбол столь привлекательным зрелищем.

И если верно, что не имеет под собой почвы теория о так называемой ничейной смерти шахмат, как считают выдающиеся гроссмейстеры, то футбол и подавно застрахован от подобного рода бесконфликтности. А раз так, то кому, как не вам, лопманам футбола, учить игроков, как искать, прокладывать пути к воротам, по-снайперски поражать цели.

Сделаете это — можете считать, что именно отработали свой тренерский хлеб. Не сумеете привить им любовь к атаке — ибо голами и только голами, что бы там ни говорили, всегда был красен футбол! — значит своей главной задачи вы пока не выполнили!

Так не уставал рассказывать нам Товаровский о сложной, многотрудной, но интереснейшей профессии

футбольного тренера, в ту пору еще считавшейся довольно новой.

Я так много и столь подробно говорю об этом человеке потому, что в нашем футболе он, по существу, первым заложил здание футбольной педагогики. Начатое им дело продолжил в Ленинграде Николай Люкшинов, другой интересный педагог, один из последователей методики Михаила Давыдовича Товаровского.

Немало из системы построения учебного процесса почерпнул у Товаровского такой выдающийся, и не только в нашей стране, хоккейный тренер, каким был и по-прежнему остается Анатолий Владимирович Тарасов. Будучи натурой творческой, во многом самобытной, Тарасов взял не все, а то рациональное зерно, что типично вообще для спортивной педагогики, которая, во многом повторяя принципы классической педагогики, выработала и собственные приемы и методики, нужные и полезные именно в работе со спортсменами.

Словом, каждый из нас, учеников Товаровского, мог с полным правом сказать, что ему повезло на учителя.

Товаровский нередко моделировал так называемые стрессовые ситуации, предлагая каждому из нас в них разобраться и объяснить, почему, к примеру, тренер делает две замены игроков сразу, тогда как можно одного выпустить пораньше. Он всегда ценил инициативу студента, его какие-то нестандартные решения, если они, эти решения, не исходили из желания соригинальничать и достигали четко поставленной им цели.

Товаровский нередко повторял: «Вы занимаетесь творческим делом, и занимаетесь с людьми, многие из которых достаточно щедро обласканы спортивной славой, и, чтобы заставить «звезду» проделывать какие-то на первый взгляд простые и порядком надоевшие ему упражнения, надо иметь не так уж мало фантазии и выдумки. И когда необходимая форма подачи знакомого

материала найдена, а сам он, его методическая начинка остались прежними и занимающиеся охотно включились в выполнение упражнения, можете считать, что поставленная вами цель достигнута: вы без нажима и понукания, которые чаще всего вызывают отрицательную реакцию, заставили игроков делать то, что им вроде бы знакомо, но сделать как бы в новом ключе».

А как Товаровский разбирал матчи на макете!

На наших глазах фишки, заменявшие фигурки футболистов, передвигаясь по зеленому картону, занимали единственно правильные позиции, с которых было целесообразнее начинать атаку.

— Красные переместили свои силы на левый фланг. Что должны предпринять синие? — вопрошал Товаровский и, услышав ответ, казалось бы, вполне логичный, вытекающий из создавшейся обстановки, тем не менее находил еще более остроумный и в общем-то простой ответный ход за обороняющихся, которым-то и нужно было своевременно сделать искусственное положение вне игры, чтобы разрушить комбинацию.

В дальнейшем и работая тренером, и, несколько позже, перейдя на работу в печати, но, естественно, не порывая с футболом, я всегда вспоминал добрым словом лекции Товаровского, который, ярко, образно преподносил материал, выходил далеко за рамки учебного курса, программируя основные положения тренерской профессии.

Я, например, да, очевидно, не только я, довольно скоро убедился, что ходячая формула «хороший игрок — хороший тренер» в его обозримом будущем, когда он кончит играть и займется педагогикой, как показывает практика, не всегда выдерживает испытание на прочность и долговременность. На деле нередко оказывается, что наставником может стать не каждый вчерашний чемпион или рекордсмен.

Учить других дано не всем. Это, если хотите, призва-

ние. Вот почему все вчерашние рекорды, достижения и медали еще не гарантируют молодому тренеру таких же успехов на нелегкой педагогической стезе.

Вряд ли кто-либо станет отрицать, сколь важную роль в спортивной педагогике играют личность учителя, ореол его спортивной славы, популярности, которые как магнит притягивают к себе молодежь, мечтающую не только повторить успех своего наставника, но и превзойти его!

Очевидно, именно это обстоятельство на первых порах является самым главным, весомым аргументом вчерашнего чемпиона, решившего избрать тренерскую профессию, посчитав ее самой естественной для своего продолжения жизни в спорте. Но проходит определенное время, и новоявленный педагог начинает понимать, что ни личный опыт, ни прошлые заслуги как спортсмена не стали подспорьем в его новой деятельности. И тогда наступает разочарование. Привыкший быть на первых ролях в качестве спортсмена, молодой тренер нежданно-негаданно, для себя разумеется, попадает в число статистов. Хорошо, если он быстро поймет, что в чем-то переоценил свои силы и возможности и, что называется, «постучался не в ту дверь». Но нередко бывает, что, не желая признавать свою несостоятельность в новом качестве, упорствуя, такой педагог в конце концов превращается в серого середнячка, автоматически повторяющего из года в год устаревшие методики, принесшие когда-то лично ему успех, но совершенно непригодные для его сегодняшних учеников.

Как это важно уметь не вспоминать, как ты делал что-то сам, когда берешься обучать других, забывая, что то, что давалось тебе легко, с первой попытки, может оказаться не под силу твоим подопечным.

Вспоминаю, как дебютировал в роли тренера популярнейший футболист Александр Пономарев. Со стороны казалось, что он вот-вот не выдержит, не усидит на

трибуне и бросится туда, в самую гущу футбольной схватки. «Эх, ну что они делают! Да не туда, не тому надо было отдавать мяч, Сережа! Эх!..»

Потом, спустя два года после этого случая, Александр Семенович рассказывал мне:

«Я в то время на футбол глазами игрока смотрел, воспринимая все происходящее на поле, как говорится, через призму своего «я», не допуская и мысли, что ученики не смогут тотчас, с первой попытки повторить приемы, легкие лично для меня. У меня неплохо шел удар по летящему мячу. Его я выполнял носком. И когда удар получался, мяч буквально врезался в сетку. Ну конечно, попотеть на тренировках приходилось изрядно. Иной раз часа по два — два с половиной бил по мячу с редкими перерывами для отдыха. А вот молодежи этот удар пока не привил, как-то все не получается».

Так и сказал. И сознание того, что не получилось, не удалось передать ученикам то, что считал весьма важным и полезным для их футбольного совершенствования, долго, как мне казалось, не давало покоя этому трудолюбивому человеку и большому мастеру, чей спортивный талант так радовал всех любителей футбола, смотревших за умными, расчетливыми и всегда агрессивными действиями центрального нападающего московского «Торпедо», одного из лучших бомбардиров нашего футбола Александра Пономарева!

Иногда тренеров сравнивают с режиссерами, как спортивное зрелище — с театральным действием. Будучи не очень оригинальным, во многом стертым от частого употребления и, честно говоря, не очень точным по своей сути, сравнение это тем не менее подчеркивает ведущую роль тренера в формировании коллектива спортсменов и личности каждого из них.

Для зрителей тренер, как правило, находится за кадром, вне поля зрения их интересов, клубных симпатий и антипатий. Но равнодушные это, прямо скажем, кажу-

щееся. Оно нередко начинено «взрывчаткой», которая готова сработать мгновенно, стоит только популярной команде, спортсмену потерпеть неудачу.

В такие минуты (а спорт без поражений немыслим: кто-то всегда будет выигрывать, кто-то проигрывать) тренер, мягко говоря, превращается в «стрелочника», принимающего на себя девятый вал возмущения. Его, тренера, казнит общественное мнение, критикует пресса, обвиняют в игнорировании всевозможных совещательных органов, советов консультантов, тогда как всего лишь месяц назад ратовали за предоставление тренеру полнейшей автономии в управлении коллективом, командой. Сколько, например, нелегких минут может припомнить бывший наставник «Спартак» заслуженный мастер спорта Никита Павлович Симонян! Великолепный мастер, Симонян возглавил команду вскоре после того, как окончил свою блистательную карьеру игрока. И... сразу же столкнулся с трудностями, о которых мог, разумеется, догадываться, но которые преодолеть быстро, за один присест оказалось не так-то просто.

Помнится, дальновидный Михаил Давыдович Товаровский, узнав о том, что Никита Павлович дал согласие возглавить «Спартак», сказал: «Думаю, он несколько поторопился. Надобно было подождать год-другой, повременить Никите...»

В самом деле, как утвердить себя в новом качестве, в новой, очень нелегкой и сложной роли тому, кто еще совсем недавно играл бок о бок со многими из тех, кого он теперь должен тренировать, быть для них во всем примером?

А случилось вот что.

Кое-кто из игроков, наиболее опытных, стал поначалу забывать к имени тренера прибавлять и отчество, и не потому, что был плохо воспитан и не знал, как надо обращаться к наставнику, а потому, что еще не отвык называть его просто Никитой. Скажут, деталь, мелочь,

а между тем вот из таких мелочей складываются взаимоотношения команды и ее отдельных игроков с тренером.

Никита Павлович Симонян вырос в тренера, к словам которого внимательно прислушиваются игроки, ценя в нем большого специалиста, хорошего товарища, душевного человека.

К слову сказать, как и Григорий Федотов, Лев Яшин, Александр Старостин, Симонян помимо своего большого мастерства нападающего отличался и исключительной корректностью. Это был без каких-либо оговорок настоящий рыцарь спорта!

Помнится, побывав как-то у спартаковцев на разборе матча, который команда с большим трудом свела к ничьей, я услышал, как тренер Абрам Христофорович Дангулов, дав оценку игре каждого футболиста и команды в целом, посмотрев на Симоняна, сказал: «Никита, к тебе претензий в общем-то нет. И гол ты забил отменный, и партнерами руководил неплохо. Но скажи мне, пожалуйста, когда ты изживешь свой либерализм? Тебя же сбивают с ног, делают тебе «коробочку», а ты? Ты что, не в силах хотя раз осадить грубиянов, показать свой мужской характер?!» — «Отвечать костоломам их же монетой никогда не стану,— твердо ответил Никита и, улыбнувшись, добавил: — Лучше я им лишний гол забью...»

Пусть, однако, читатель не подумает, что Дангулов призывал к грубости. Нет, конечно. Но футбол — мужская игра, и в этом смысле тренер был по-своему прав. Постоять за себя надо уметь каждому. Но прав был и Симонян, предпочитавший наказывать грубиянов забитыми голами.

И вообще, кто знает, какими должны быть тренеры?

Таковыми же властными, подчас чуточку крутыми, но непременно творческими людьми, какими, например, во-

шли в историю нашего спорта заслуженные мастера спорта Анатолий Тарасов и Константин Бесков?

Или принять за эталон одного из наших самых мудрых футбольных наставников — Бориса Андреевича Аркадьева, человека в высшей степени интеллигентного, энциклопедически образованного?

Очевидно, выделить кого-либо одного было бы и неверно по существу.

Наверное, собирательный образ тренера, близкий к идеальному, можно составить, разве что пользуясь советами одной гоголевской героини, которая, выбирая жениха, рисовала себе его портрет, беря у каждого из претендентов на ее руку и сердце наиболее привлекательные черты внешности и характера.

Так или иначе, а примеров для подражания у наших сегодняшних кандидатов в тренеры (их, кстати сказать, с каждым годом становится все больше) не так уж мало.

Само по себе желание это весьма похвально, но, да простят меня преподаватели наших специальных вузов, не все из жаждущих стать наставниками спортсменов могут и должны взять на себя эту серьезную миссию.

Не знаю, какие уж тут нужны вступительные тесты, какой коллоквиум, чтобы в сегодняшнем абитуриенте рассмотреть студента, способного в дальнейшем работать тренером, но, очевидно, какие-то определенные критерии при отборе должны быть найдены, так как учитель — преподаватель физкультуры и тренер при всей, казалось бы, близости и родственности этих понятий — фигуры в спортивной педагогике далеко не идентичные.

Не берусь судить обо всех тренерах вообще. Что же касается футбольных, то убежден, что у каждого из них при наличии примерно одинаковых образовательного ценза, специальной подготовленности, опыта и других факторов, сближающих этих наставников, непременно должны быть и свои, присущие только одному ему про-

фессиональные секреты. И я не сомневаюсь, что ими владеет каждый думающий тренер, умеющий заглянуть в завтра своей команды и обозримое будущее всего футбола.

Настоящий наставник никогда не отступит от главной задачи урока, которая редко когда не выполняется полностью. Он достигает желаемого, сообразуясь с тем, насколько интересен ученикам процесс тренировки, их состояние.

Да и можно ли одинаково нагружать, скажем, двух футболистов, если один хорошо тренирован, как говорится, в форме, тогда как другой пришел на тренировку после только что сданного экзамена в институте, а бывает, и не сданного вовсе, либо после болезни.

Мне рассказывали, что Игорь Гривенников, который был лучшим среди наших спринтеров в матче пловцов США — СССР — Великобритания, а еще ранее установил всесоюзный рекорд в плавании на спине на сто метров, утверждает, что не замечает, как бежит время на тренировках у Нины Максимовны Нестеровой, тренера пловцов московского «Динамо», воспитавшей не одного чемпиона и рекордсмена.

Думается, сказанное Гривенниковым в полной мере может быть отнесено к любому виду спорта, в том числе и к футболу. А ведь это непросто — помочь ученику обрести спокойствие и уверенность в своих силах в момент наивысшего напряжения. В этом, к слову сказать, вижу я одно из главных качеств настоящего тренера, профессии увлекательнейшей, очень многотрудной, не передающейся по наследству, ни тем паче непременно тому, кто устанавливал рекорды, бывал на финише первым и входил в составы сборных команд страны.

Откуда же взялась эта профессия, совсем неизвестная, скажем, два-три десятка лет тому назад, а ныне без которой немисливо представить себе современный спорт вообще и футбол в частности?

Педагог, учитель, наставник... Какой из синонимов одного ряда годится, чтобы обозначить главную сущность профессии тренера, которая, вобрав в себя все предыдущие наименования труда человека, взявшегося обучать других, однако, по-прежнему сохраняет свое специфическое значение и стоит как бы особняком?

Если проследить корни тренерской профессии в футболе, то взявшийся за выполнение этой задачи непременно придет к тем первым капитанам команд, которые, надев нарукавную повязку, возложив на себя некие командирские, руководящие функции, и были, собственно, первыми тренерами, точнее, организаторами футбольного дела, отвечавшими за тренировки своих товарищей, раздобывавшими форму для команды, мячи и т. д.

Это были вожаки-общественники, нередко безвестные, но очень много сделавшие для развития футбола в Москве на многих ее стадионах, ныне не везде, к сожалению, сохранившихся на карте нашего многолюдного города.

Но память поклонников футбола со стажем их бережет. Стоит только произнести знакомые футбольным старожилам Москвы такие слова, как «Трехгорка», «Самарский переулок» или «Ширяево поле», эту футбольно-хоккейную вотчину московского «Спартака», как глаза вашего собеседника загораются веселым блеском и истории одна другой увлекательнее с упоминанием этих самых капитанов будут рассказаны со всеми подробностями, причем всякий раз в новых редакциях в зависимости от настроения рассказчика.

Даже сделав известную скидку на преувеличение заслуг этих футбольных первопроходцев, добровольно взявших на себя руководство командами, нельзя не высказать им благодарности за все сделанное ими для развития и становления московского футбола.

ЗАБЕЙТЕ ГОЛ, ПОЖАЛУЙСТА!

Это очень обидно — уходить с футбольного матча, так и не увидев самого главного — гола. А ведь именно для того, чтобы воочию, своими глазами увидеть, как все это произошло: форвард ударил по мячу, а вратарь, как ни старался, не смог отразить удар — мы спешим на стадион, презрев палящий зной и осеннюю стужу.

И вот уходим. Уходим, сожалея о зря потраченном времени, не испытав удовольствия, на которое имели право рассчитывать. Ведь, как ни говори, а футбол без голов — что суп без соли — пресен. А игроков, похоже, вполне устраивают нули на табло: «Лучше иметь синицу (то бишь очко) в руках, нежели журавля в небе...»

Да, форвардам наших сильнейших команд похвалиться в общем-то нечем. За очень редким исключением, они достаточно долго держат нас на голодном «голевом пайке», что довольно пагубно, кстати сказать, отразилось и на посещаемости стадионов. Шутники даже склонны утверждать, что тем не менее снижения результативности не наблюдается. Просто между нападающими и вратарями заключен этаким коллективный договор о ненападении на несколько лет в порядке эксперимента. Только вот не затянулся ли он?

Отвлечемся, однако, от футбольной статистики. Цифры при всей их доказательности не в силах дать эстетической оценки голу. Красивый и шальной, «бабочка» — результат грубейшего просчета защитников или вратаря — одинаково приносят победителям желанные два очка. Поэтому предъявлять какие-либо претензии к качеству забитых мячей, казалось бы, не имеет смысла. И все-таки вряд ли кто-нибудь станет оспаривать, что гол, явившийся итогом отлично задуманной комбинации, венчающий футбольную фразу, вызывает у атакующих законную гордость и, что не менее важно, бурную реакцию трибун! Эмоциональный заряд, идущий от зри-

теля к футбольному полю, придает игрокам новые силы и, следовательно, делает матч еще более интересным и боевым.

Вот, оказывается, что может сделать забитый в ворота мяч, гол-красавец, о котором потом долго еще будут говорить, украшая рассказ множеством деталей, подробностей, отчего он, гол, станет более уникальным. И потом еще одно обстоятельство, думается, немаловажно, когда мы ратуем за голы, отмеченные, так сказать, Знаком качества. Не говоря уже об эстетической стороне дела, красиво, уверенно забитый гол — это, если хотите, своеобразный аттестат футбольной зрелости форварда и вообще каждого футболиста!

Мне вспоминается, как Никита Павлович Симонян, в 1950 году лучший бомбардир страны, забив два гола в одном матче, спрашивал после Игоря Нетто: «Что скажешь, Игорь, о моем первом мяче?» И капитан спартаковцев Игорь Нетто ответил: «Первый, Никита, честно говоря, не очень удался, ты вратаря благодари, а вот второй — тот влетел в угол как пушечное ядро. Четко и точно «положил» ты его, ничего не скажешь...»

Я спросил тогда Симоняна, так ли ему важно то, что сейчас сказал Нетто. Центральный нападающий «Спартака» ответил: «Не знаю, как для кого, для меня важно! — И добавил: — Даже очень...»

Так вот, перебрасывая мостик в теперь уже достаточно далекое прошлое, невольно задумываешься: почему наш футбол, располагавший некогда блестящей плеядой мастеров атаки, сейчас почти не имеет их? Вопрос этот, думается, далеко не праздный и, разумеется, не новый. Но он все еще, к сожалению, не снят с повестки дня. Рекомендовать и советовать — удел специалистов футбола, тренеров. Мне же хотелось бы только обратить внимание на то, что, судя по всему, осмысление уроков минувших чемпионатов мира, в том числе и последнего, в Испании, в котором после двенадцатилетнего переры-

ва вновь участвовала сборная команда СССР, пока еще не коснулось, а если коснулось, то весьма незначительно, перевооружения в техничности наших ведущих команд.

Право же, было бы совсем неплохо, если бы наши тренеры перед тем, как начать очередные занятия, урок, показали юным игрокам в замедленной киносъемке те немногие учебные фильмы, где зафиксированы хрестоматийно-безупречные по координации движения Григория Федотова, посылающего мяч, словно по заказу, в любую точку ворот, хитроумный удар Константина Бескова, хлесткий «выстрел» Василия Карцева, знаменитый удар носком по летящему мячу Александра Пономарева, заметьте, по летящему, а потому врезающемуся в сетку с силой пушечного ядра, элегантно-строгий удар Никиты Симоняна, нанесенный под острым углом, но тем не менее почти всегда достигающий цели... Фильм этот сможет украсить и мастерство Бориса Пайчадзе, Алексея Гринина, Василия Трофимова, Эдуарда Стрельцова, Валентина Иванова...

Очевидно, можно привести немало причин, частично объясняющих миролюбие нападающих, словно забывших, для чего на поле установлены ворота: и футбол, мол, стал много жестче, чем раньше, и защитник пошел хитрее, не в пример прежним малоподвижным «бикам», умевшим разве что «свечу зажечь» да отбить мяч подальше от своих ворот...

В многочисленных разговорах о тактике, всевозможных схемах и системах, «бетонах» и «замках», кажется, настолько все запутано и усложнено, что впору заново открывать футбол.

В дебатах о новых веяниях, преподанных футбольному миру сначала бразильцами, затем англичанами, снова бразильцами, командой ФРГ, а теперь итальянцами, мы, сдается, забыли те самые азы, не овладев которыми нечего думать о каком-то движении вперед. Подтруни-

вая и подшучивая над «дедовскими» методами тренировки, многие наши игроки и тренеры нередко, по существу, повторяют их, ибо, согласитесь, тренировки в ударах по воротам мало чем отличаются от старых методов. Разница, может быть, только в том, что мастера прежних лет упражнялись в достижении четкого выполнения ударов по цели часами, в поте лица своего, что не всегда скажешь о многих наших молодых спортсменах.

Однажды я был свидетелем того, как наставник детской команды, тренер довольно именитый, давая установку своим воспитанникам, как тем играть против команды одного московского жэка, требовал: «Играем только «игрок в игрока». Тебе, Миша, особое задание: сам не играй (?), а Коле Сеницыну никакого простора!»

И Миша стал тенью Коли. Он зеркально повторял все его маневры, и даже тогда, когда у подопечного развязался шнурок на бутсе, Миша, словно частный детектив, «с сторожил» Колю Сеницына.

Мне стало грустно. Я мысленно прибавил Мише лет 8 и с опаской заглянул в его футбольное будущее, если оно, конечно, состоится, и увидел еще одного «железного» защитника, готового опекать, держать, сторожить, но не умеющего мыслить на поле и незнакомого с золотым правилом футбола: «Играют в него ногами, но забивают ногами и головой, а вот побеждают всегда лишь головой...»

...В матче этом не было зафиксировано ни одного гола, и мальчишки, собирая свои нехитрые футбольные доспехи, выглядели хмурыми, и, как мне показалось, не потому, что матч не выявил победителя, а потому, что играли они в какую-то совсем другую игру, лишь по недоразумению названную словом «футбол».

Никто из ребят так и не смог отличиться в обводке («Не держите мяч! Получил его — отдай партнеру в одно касание!»).

Так и ушли они с поля, лишь по несколько раз при-

коснувшись к мячу, свидания с которым ждали целых шесть дней.

Поэтому я, признаться, несколько не удивился, когда в разговоре с одним из тренеров детской хоккейной школы «Спартак» Валерием Фоменковым узнал, что мальчишки, во всяком случае в Сокольническом районе столицы, предпочитают клюшку футбольному мячу. Известно, что обе эти игры — футбол и хоккей — всеми любимы. Футбол, однако, пользуется все-таки некоторым преимуществом. И такое охлаждение к нему со стороны его самых горячих поклонников, думается, отражает не совсем благополучное положение дел с воспитанием пока еще дальнего резерва нашего большого футбола, а следовательно, не в последнюю очередь футбола московского, который, в последние годы утерев свои лидерские позиции, слишком медленно возвращает себе былую репутацию.

Это тем более огорчительно, что в Москве сосредоточены лучшие тренерские кадры и что вообще наша методика обучения не только не уступает лучшим зарубежным школам, но кое в чем даже превосходит их.

Но вот парадокс. Восхищаясь игрой зарубежных «звезд», а их мастерство действительно весьма высоко, мы забываем, что сам по себе талант, яркое дарование требует ежедневной, упорнейшей работы, неустанного совершенствования. А талантов, согласитесь, у нас не так уж мало. Они еще только-только берут разбег, чтобы покорить желанную высоту, и хочется верить, что она им окажется вполне по силам.

Не очень-то тактично давать советы специалистам. Но, думается, не одними объявлениями и обходом школ с записной книжкой ограничивается смысл слов «селекция» и «отбор».

Немало претензий можно по-прежнему предъявлять тренерам, когда речь заходит о воспитательной стороне их деятельности. Собственно, будучи педагогом по сути

своей профессии, любой из них ежедневно воспитывает своих учеников. Показ какого-либо упражнения либо предшествующее ему объяснение цели занятий — это, если хотите, один из элементов, правда обычно не осязаемого внешне, того же воспитания.

Трудно, наверное, до конца полностью раскрыть значение этого во многом собирательного слова-термина «воспитание». В самом деле, разве верная, объективная оценка содеянного спортсменом не есть одно из многих слагаемых воспитания? И когда слышишь, читаешь, как после победы своих питомцев футбольный тренер щедро выставляет каждому игроку по полновесной пятерке, а в случае неудачи с той же легкостью выводит двойку, мне почему-то сдается, что наставник этот очень скоро растеряет весь свой авторитет, если он у него был вообще, а значит, сделает команду неуправляемой, потому что как можно верить педагогу, столь легко бросающемуся из одной крайности в другую, будто и впрямь среди проигравших не может быть отлично прошедшего свою партию игрока, а в числе победителей не найдется один-другой иждивенец?

Доверие ученика и учителя должно быть обоюдным. Нет его — нет фундамента, плацдарма для прыжка на пьедестал, для взлета на его самую высокую ступеньку!

Московскому «Спартаку», выступавшему в 1977 году в первой лиге и сумевшему за один сезон возвратиться обратно в высшую, удалось это сделать столь удачно не в последнюю очередь благодаря отличному микроклимату, отношениям дружбы и товарищества в коллективе.

Слушая как-то установку Константина Ивановича Бескова, я почему-то вспомнил слова нашего земляка, некогда многократного чемпиона страны, замечательно-го десятиборца Александра Демина, сказавшего о своем любимом виде спорта — легкой атлетике, ее «венце» — десятиборье очень точно и образно и, добавлю от себя, невольно нарисовавшего свой автопортрет: «Деся-

тиборец, если он хочет быть всегда первым, должен в каждом состязании, в каждом старте десять раз придти в ярость!»

Сколько раз случалось такое с воспитанниками Бескова, судить не берусь, не считал. Но в том, что выходили они на каждый матч, отдавая все силы, все без остатка для победы, усомниться нельзя!

И, как бы перекликаясь, сохраняя связь времен, передавая эстафету спортивной славы, напутствуя всех наших спортсменов, проходят перед нашим мысленным взором те, кто своим спортивным подвижничеством, неистовством и боевым духом всегда служил и будет служить примером для молодой поросли советского спорта.

Таковыми остались в истории московского спорта ставшие легендой легкоатлеты братья Серафим и Георгий Знаменские, боксер Николай Королев, лыжник Дмитрий Васильев, конькобежец Яков Мельников и десятки других прославленных столичных спортсменов!

Как сейчас вижу вдохновенное лицо, горящие от азарта глаза одного из славных футбольных капитанов — Андрея Старостина и слышу его зычный голос: «Да будете ли вы, наконец, играть?! Гол! Нам нужен он как воздух! Слышите, форварды, вперед!»

Согласитесь, это все те же «десять раз придти в ярость», которых ох как подчас недостает иным нашим футбольным звездам!

Как же все-таки воспитать такого вот умеющего по-хорошему, по-спортивному злиться молодого чемпиона, готового тренироваться без понуканий и уговоров, отдающего всего себя достижению желанной цели?

Здесь призывами, даже очень хорошими и нужными, успеха не добиться.

Ясно одно: начинать следует сообща и в школе, и в пионерском лагере. Надо учить лучших из лучших в условиях, приближенных к соревновательным, где бы мог проявиться характер мальчишек.

Побывав как-то в гостях у нашего «всесоюзного старосты» ребячьего футбола, президента клуба «Кожаный мяч» заслуженного мастера спорта Михаила Павловича Сушкова, я перечитал немало писем юных спортсменов.

Очень разные, непосредственные, как и сами авторы, письма эти, говоря о радости и о громадном удовольствии мальчишек, на которых наконец-то обратили внимание взрослые дяди, отдав в распоряжение будущих Федотовых, Яшиных и Нетто лучшие стадионы, опытных судей, свидетельствовали о том, что кое-где состязания дворовых команд проводятся до сих пор буднично и серо, так, лишь бы поставить очередную «галку» о состоявшемся мероприятии.

А ребячьи сердца едва ли не самый чуткий барометр. Когда урок, занятие интересны, их не надо просить быть поактивнее, напротив, эту активность нередко приходится сдерживать!

Мы уже привыкли юных посланников нашего спорта называть юниорами, не вдумываясь в общем-то в смысл этого слова. А ведь оно, это слово «юниор», означает: «Юные исполнители ответственных ролей». Заметьте, не каких-нибудь, а именно ответственных, главных!

Но доверяя главные роли молодежи, надо продолжать ее по-отечески опекать и наставлять. Только в этом случае стажер сможет обрести необходимую уверенность в своих силах, без чего не стоит даже мечтать взойти на пьедестал футбольной славы, на самую его высокую ступень.

СПАСИБО ВАМ!

Не знаю, согласятся ли с автором этих строк футбольные тренеры, методисты, все, кто по роду своей деятельности призван обучать, но мне кажется, что уже первым занятиям, урокам, тренировкам непременно должна быть предпослана хотя бы

короткая вводная беседа, знакомящая молодых игроков с главными вехами истории московского футбола, его наиболее яркими представителями — игроками, тренерами, организаторами футбольного дела.

Они, эти энтузиасты, были пионерами, первопроходцами любимой народной игры. Их ежедневное горение, спортивный азарт, верность традициям своих клубов и всего столичного футбола остаются и поныне примером, достойным подражания для сегодняшнего поколения игроков.

Именно поэтому возникла мысль назвать все последующие очерки, собранные в предлагаемом читателю разделе книги, обобщающим главную их идею заголовком: «Спасибо вам!»

ГРОССМЕЙСТЕР АТАКИ

Говорили, что он родился в рубашке, не иначе, когда речь заходила о высоком, чуть сутуловатом пареньке, появившемся однажды в оранжевой майке игрока команды завода «Серп и молот» на ее левом фланге.

Крайний нападающий, игравший чаще всего точно по «своему желобку» почти в непосредственной близости от трибун, а если таковых не было, то от первых рядов скамеек, установленных на неказистых стадионах старой Москвы, всегда оказывался на виду, как теперь сказали бы, смотрелся «крупным планом».

Фланговому нападающему, форварду, как правило, стремительному, юркому, публика всегда в первую очередь адресовала и все свои восторги, если, прорвав оборону, «край» завершал атаку хлестким, метким ударом, либо прицельно «навешивал» мяч в центр штрафной площади. Ему же предназначались улюлюканье и свист, когда мяч летел выше перекладины ворот, по выражению стадионных остряков, «на свидание с богом».

Григорию Федотову чаще всего аплодировали. Долго и дружно. И не переставали удивляться, где это «Серпу» (так в футбольном просторечии именовалась популярная заводская команда) удалось раздобыть такого игрочка?!

Федотов и впрямь знал и умел в футболе все. И, честно говоря, просто не верилось, откуда взялась у девятнадцатилетнего паренька из Глухова, что под Ногинском Московской области, такая прыть, столь удивительная уверенность в своих силах?

Иной новичок, встретив соперника именитого, за плечами которого с десяток-другой выступлений за сборные команды Москвы и страны, семь раз подумает, прежде чем рискнет пойти на обводку столь высокого авторитета. Куда спокойнее, казалось бы, передать мяч партнеру, вызвав похвалу последнего: «Молодец, парень, игру видишь, маневр понимаешь, так будешь играть, глядишь, и сам в мастера выйдешь...»

Но Федотов не был бы Федотовым, если бы, уважая своих более старших, чем он, партнеров, цenia их опыт, тем не менее отказывался от соблазна сделать по-своему. Возможно, это «по-своему» на первых порах не всегда бывало единственно верным решением в создавшейся ситуации. Возможно... Но легко ли отказать себе в удовольствии показать конкуренту с «именем», что, несмотря на его громкозвучную славу, а быть может именно поэтому, он, Григорий Федотов, и дерзнет обыграть вставшего на его дороге защитника, считавшегося одним из самых цепких и непроходимых.

Показав всем своим видом, что он намерен передать мяч на выход кому-либо из партнеров, Григорий, усыпив бдительность соперника, в следующее мгновение оставлял его за спиной, устремляясь в прорыв, либо возвращался к исполнению первоначальной задумки, филигранно точной, выверенной до сантиметров передачей

мяча выводя на ударную позицию удобно расположившегося для его приема товарища.

Словом, крайний «оранжевых» не устал задавать конкурентам загадки одну сложнее другой, почти всякий раз выходя победителем из созданной им же самим футбольной ситуации. Причем проделывал он это с таким искусством, столь легко и артистично, что как-то дал повод очень популярному киноактеру и артисту Художественного театра, народному артисту СССР Анатолию Петровичу Кторову сказать во всеуслышание на трибуне стадиона «Динамо»: «Не знаю, полагается ли футболисту быть и артистом тоже, но то, что Григорий Иванович делает на футбольном поле, доставляет лично мне огромное удовольствие! Это, знаете ли, как в хорошем детективе, никогда не знаешь, каким может быть следующий ход главного героя. Давно и преданно болею за «Спартак», однако всегда стараюсь выкроить время, чтобы увидеть игру нашего общего любимца, мага и волшебника».

Такое откровенное признание в любви большого мастера сцены большому мастеру футбола было настолько искренне и непосредственно, что надолго осело в моем репортерском блокноте. Более того, могу смело засвидетельствовать, что, оказись оно, это высказывание, опубликованным, десятки тысяч поклонников таланта Григория Федотова поставили бы под ним свои подписи.

И вот ведь что, как мне сдается, не лишено любопытства и интереса. Где бы и что бы ни говорили о футболе, по любому, самому злободневному поводу либо без него, кому бы из игроков московских команд ни отдавали предпочтение говорившие, при упоминании только двух слов «Григорий Иванович» каждому было яснее ясного, что речь идет именно о Федотове, а не о каком-то другом футболисте с одинаковым, как и у него, именем и отчеством.

Да, парадокс! Человеку от роду девятнадцать лет,

по обычным житейским меркам он безусый юнец, а здесь, пожалуйста, не Гриша, не Григорий, а, заметьте, Григорий Иванович!

Вот какое уважение снискал у очень придирчивой, взыскательной, но всегда крайне справедливой и объективной московской публики паренек с Глуховского текстильного комбината, сразу же заявивший о себе столь неповторимым и громким голосом.

Даже самые заядлые футбольные гурманы, свидетели начала карьер многих молодых игроков, обещавших вроде бы стать «звездами», а на поверку оказавшихся огнем бенгальским, не более, даже они безоговорочно приняли появление на столичной футбольной арене Григория Федотова, нисколько не усомнившись в его великольном футбольном будущем.

Перо уже готово вывести фразу: «И не ошиблись в своих предположениях». Но я позволю себе повторить ее в конце очерка. Теперь же я введу читателя в лабораторию мастера, попробую рассказать о том, как он готовился к матчу, как тренировался, как относился к своим партнерам, товарищам по спорту и в жизни. В этом мне помогут те, кто играл рядом с ним и против него, кто учился у него, мои личные журналистские наблюдения, заметки и оценки моих коллег.

Да, есть несколько кинограмм, учебников, в коих запечатлены наиболее коронные приемы в исполнении Федотова. Они стали в лучшем, самом точном значении этого слова хрестоматийными. Все это так. Но при всей их нужности, необходимости разве красиво вычерченные схемы, отлично выполненные фотографии, пусть и цветные, способны даже вкупе воспроизвести портрет живого Федотова, майора Советской Армии, великольного спортсмена, отменного семьянина, товарища, человека, с которого, говоря словами поэта, право же, неплохо бы делать жизнь!

Конечно же, он был очень талантлив, и приходится

глубоко сожалеть, что «спортивный отрезок» его жизни, увы, не совпал по времени с выходом нашего футбола на широкую международную арену. Будь по-иному, не убежден, чьи бы слава, известность, популярность, если их бросить на весы, перетянули: легендарного бразильца Пеле или нашего Григория Федотова!

Федотов мог бы, наверное, не очень-то утруждать себя тренировками. В самом деле, к чему проливать пот, делать по многу раз то, что получается — и как получается! — с первого раза! Не лучше ли сохранить запасы энергии для предстоящего матча, чтобы в нужный момент выплеснуть всего себя без остатка, поставить победную точку, забить гол?!

Но даже предположительно так говорить об этом истине удивительном спортсмене, если не хочешь омрачить память о нем, нельзя. Нет, все, кто хорошо знал Григория, играл рядом с ним и в команде завода «Серп и молот», и впоследствии — в «Металлурге», и еще больше в славной дружине ЦДКА, центральным нападающим которой и главным дирижером много лет был Григорий Федотов, никогда не поверили бы, скажи им, что их кумир и товарищ по спорту провел тренировку вполнакала, спустя рукава.

...Сумерки уже спустились над уютным стадионом в Сокольниках, опустело футбольное поле, и только две фигуры, одна высокая, несколько согбенная, и парнишка лет двенадцати, не более, остались в штрафной площади.

Юный болельщик, добровольно взявший на себя обязанности голкипера, встал в ворота и не уставал накачивать мяч нападающему, который, не подправляя, без предварительной обработки, как говорят футболисты, с ходу посылал его в ворота, каждый раз меняя силу и направление полета.

— Можешь не делать больше бросков, — говорил юнцу Григорий Иванович, видя, что тот уже взмок. Го-

ворил, хотя знал, что этим своим замечанием он еще больше раззадорил Володю, парнишку настырного, как, впрочем, все сокольнические мальчишки, что жили в районе Ширяева поля, где мечта о футбольной славе была едва ли не главной в жизни юных обитателей одного из самых спортивных районов Москвы.

— А теперь, Володя, давай потренируемся в ударах с одиннадцатиметровой отметки,— говорил в конце этой своеобразной тренировки Федотов и, отсчитав одиннадцать шагов от воображаемой линии ворот в поле, устанавливал мяч на нужной отметке.

— Согласен, дядя Гриша. Только, чур, уговор: бить не более десяти раз. Сначала вратарем будете вы, затем я. Так пойдет? — ставил условия Володя.

Возражений не последовало. Федотов дважды отбил мяч, 5 раз пропустил, ну а трижды Владимир послал мяч «за молоком», что, кажется, вконец испортило ему настроение.

В свой черед Федотов осечки не дал. Все 10 раз поража л цель, несмотря на отчаянные броски вратаря! А наблюдавшие за этой своеобразной дуэлью сверстники Володи более, надо полагать, из чувства зависти, нежели со зла, не преминули заметить:

— Да он с ним, как кошка с мышкой, играет, а Володя уже возомнил, что из него и впрямь вратарь получится...

— Зачем же вы так своего дружка корите? — заступился за добровольного партнера Федотов.— У Володи, кстати, неплохая реакция. А то, что ему ни разу не удалось защитить свои ворота после одиннадцатиметровых ударов, так разве за это вратарей ругают?

Похвала Григория Ивановича оказалась не такой уж беспочвенной. Владимир впоследствии стал вратарем команды Института стали и сплавов. Большого футболиста из него, правда, не получилось — такое не каждому дано. Но отменный слесарь Владимир Ильич Ефре-

мов, бригадир специализированной мастерской известного института, хорошо помнит ту свою встречу со знаменитым Федотовым. «Его трудолюбие и умение добиваться поставленной цели,— говорит он,— послужили для меня отличным уроком в жизни, и уже за одно это я не могу не быть благодарным Григорию Ивановичу, поклонником игры которого я оставался все время, хотя, не стану лукавить, считаю себя давнишним приверженцем московского «Динамо»!»

В самом деле, вроде бы единичный факт в биографии одного человека, соприкоснувшегося со спортом, знаменитым футболистом, испытавшего на себе влияние яркой, выдающейся личности, каким был Федотов, а какова сила отдачи; влияния, примера, позволившего тому, другому, не спортивной звезде, просто любителю культуры физической, стать полезным обществу в другом, полубившемся ему деле.

И связь здесь самая что ни на есть прямая и крепкая. Ибо разве стопроцентное попадание мяча в ворота, коего столь упорно на каждой тренировке добивался Григорий Федотов, так же, впрочем, как стократное повторение, казалось бы, давно усвоенных приемов, не есть то же самое, что известная в обучении летчиков команда инструктора, отданная стажеру в учебном полете: «Внимание, делай, как я!»

Владимиру Ильичу Ефремову не удалось научиться обращаться с мячом так, как это умел Григорий Федотов. Зато про Ефремова не зря говорят, что у него «золотые руки». В том, что стал он мастером своего дела, да еще столь высокого класса, в немалой степени «повинен» спорт, и в частности футбол, без коего он не мыслит себе жизнь и поныне.

А вот как вспоминал свои встречи с Григорием Федотовым один из наших самых выдающихся защитников, игрок сборных команд Москвы, РСФСР и страны заслуженный мастер спорта Александр Петрович Старостин:

«Впервые я столкнулся с Федотовым весной 1936 года в матче «Спартак» и «Металлурга». Уже тогда во всей его фигуре, еще по-юношески нескладной, в подходе к мячу, в стремительном беге и блестящем ударе — во всем угадывался игрок с будущим!

Он тогда доставил мне, защитнику «Спартак», немало неприятных минут, а я был уже искушенным «волком». Несмотря на бдительную опеку, Федотов в неповторимом прыжке забил мяч в наши ворота!

Так он начал свой блестящий путь. За сезон Григорий выдвинулся на первый план.

Его любили за характер и конечно же за мастерство. Он был не только непревзойденным тактиком. Если требовала обстановка, Федотов, не задумываясь, шел с мячом сам на предельной скорости, не боясь, а ища встречи с защитниками. И делалось это не от самоуверенности, а, напротив, от убеждения, что в данной ситуации именно такой ход будет наиболее правильным. А его удары? Они по праву получили название федотовских!

Никогда и никто не видел, чтобы Григорий Федотов умышленно грубил. А ведь против него играли всегда жестко, если не сказать больше. «Держите Федотова!» — вот что требовали от своих защитников тренеры, чьи команды играли против команды Федотова. Но не находилось ни одного защитника, кто бы мог наглухо закрыть его. «Опекуну» всегда давали кого-нибудь в помощь. И все же, несмотря на столь тщательную опеку, Федотов всегда умел разорвать кольцо окружения и либо сам забивал гол, либо создавал партнерам такую идеальную ситуацию для завершающего удара, что не поразить цель было практически невозможно.

Будучи прирожденным солистом по своим данным, талант исполнителя, для коего не существовало никаких сложностей, Григорий никогда не был спортсменом-эгоистом, пекущимся в первую очередь о личном успехе. Он не гонялся за славой. Она сама его нашла и увенчала лаврами.

Как же нелегко было за ним уследить! Даже когда он бывал без мяча и вроде бы и не помышлял об атаке, его нельзя было выпускать из поля зрения. Вот он, расслабившись до предела, будто решил перевести дух, дав отдохнуть и себе и своим «сторонам», нехотя передвигается по полю. Но как иллюзорно такое безразличие! Иногда хотелось крикнуть, предупредить своих коллег-защитников: «Не верьте ему, он усыпляет вашу бдительность!»

Внешне выключив себя из игры, Федотов, однако, зорко следил за всеми маневрами своих и чужих игроков и уже готовил для себя выгодную позицию. И вдруг мяч попадает к нему. Как преобразился человек! Мяч у него, но он на него не смотрит, он его чувствует, он смотрит на партнеров и решает, почти всегда безошибочно, что делать. Я не помню случая, чтобы Федотов отбил мяч

просто так, дабы от него освободиться. Его передачи были всегда осмысленными. Он, как никто, находил брешь в защите противника.

Сколько спортивного такта было в этом грозном бойце! Никогда Федотов не бил по мячу после свистка, никогда умышленно не тянул время, никогда не отбрасывал мяч, чтобы заставить конкурента пробежать лишних 20 метров. Не было случая, чтобы Григорий, проходя мимо упавшего противника, не помог ему подняться. Это был настоящий спортивный рыцарь.

А каким чутким, отзывчивым и знающим наставником был Григорий Иванович, перестав играть и начав заниматься педагогической работой в ставшем ему родным домом спортивном коллективе армейских футболистов, том самом, где он почти всю жизнь играл!

Его авторитет, спокойный тон бесед с молодежью, умение показать отточенную технику привлекли к нему симпатии, уважение и внимание молодых. Они гордились тем, что их тренирует сам Федотов. И по праву!

А этот, казалось, совершенно спокойный, улыбающийся человек страшнейшим образом переживал все неудачи и успехи молодых. Он их любил не меньше, чем они его. Но он был строгим судьей и беспристрастно выносил приговор игроку, не выполнившему его указаний.

Последний раз нам, москвичам, посчастливилось увидеть Григория Ивановича на играх ветеранов футбола. С каким восторгом зрители встретили Федотова! Ему было уже за сорок, и он немножечко потяжелел, но мы увидели прежнюю, присущую ему одному федотовскую манеру игры, его передачи, его мягкий, легкий и очень экономный бег. И наконец, он порадовал нас, показав свой федотовский точный удар, забив гол, последний гол в своей яркой и, увы, столь короткой и прекрасной жизни!

Его преждевременная кончина явилась тяжелой утратой для всего советского спорта, и на память невольно приходит стихотворение Михаила Гусева:

ОН ЗДЕСЬ, НА ЗЕЛЕНОМ ПОЛЕ

«Умер... Федотов... Майор...»
Застыл над газетой в горе я.
Из траурной рамки в упор
Смотрят глаза Григория.

Мне скажут, возможно, с насмешкою:
«Ода на смерть футболиста?»
Не надо этого смешивать
С криками, давкой и свистом.

Это не то. Мне просто
Вспомнился стадион,
И парни высокого роста
Играют в футбол. И он.

Вы помните ведь, не правда ли,
Это чувство огромное,
Чувство весенней радости,
Единственное, стадионное?

И бурного марша фразы?
Да, на трибуне, поверьте,
Никто никогда, ни разу
И не подумал о смерти.

И вот эти строчки скучные:
Ушел, отыграв, отработав.
В это поверить трудно:
Умер Григорий Федотов.

Да нет же! Федотов с нами,
Здесь — на зеленом поле,
Здесь — на спортивном знамени,
Здесь — в советском футболе.

Радостью, солнечным светом
Зовут площадки и корты.
Жизнь! Именно в этом
Сущность нашего спорта.

И если прямо в ворота,
Мяч на ходу обработав,
Форвард бьет с поворота,
Скажем:

— Это Федотов!

Вот так его все любили и продолжают помнить. И не только помнить, но и по-прежнему восхищаться его непревзойденным мастерством!

И не случайно, надо полагать, когда репортеры, составляя всякого рода анкеты, спрашивают нынешних футбольных «звезд» о том, кого бы они хотели иметь партнерами, с кем играть рядом, то в 9 случаях из 10 называется имя Григория Федотова!

Всеволод Бобров, например, прямо назвал его своим учителем. «Он умел видеть в партнере друга и помощника, а не конкурента. Он как-то незаметно по-отечески наставлял меня. Не словами — больше делами. Великолепный партнер и педагог, которому я очень многим обязан!»

Другой наш футбольный виртуоз, игрок московского «Спартака» и сборной команды страны Игорь Нетто, высказался также не менее определенно и точно: «Наблюдая за игрой Федотова, я нередко ловил себя на том, что вдруг хотел подыграть ему как партнеру, осуществить одну из хитроумных комбинаций, на которые был такой мастер Григорий Иванович!»

Рассказывая о выдающемся мастере спорта, пишущий, даже хорошо знавший его, часто видевший на футбольном поле и вне стадиона, вправе, я полагаю, спросить сам себя: «Только ли мемориальной строкой вошел этот поистине изумительный гроссмейстер атаки, добрейшей души человек, отменный товарищ Григорий Иванович Федотов в историю московского и отечественного футбола?»

Известно, что его сын Владимир, ныне тоже майор, пошел по стопам отца и выступал за команду ЦСКА, демонстрируя чисто федотовское понимание игры, недюжинные способности футбольного тактика.

Можно предположить, хотя это вовсе не обязательно, что появится на футбольном поле и внук Федотова и одновременно внук Константина Ивановича Бескова, дочь которого, Любовь Константиновна, супруга Владимира Федотова. Так что в жилах 11-летнего Гриши Федотова, названного так в честь своего знаменитого деда, достаточно «футбольной крови». Но, повторяю, сказанное не более как пожелание, не более...

Что же касается самого Григория Федотова, то он был и по-прежнему остается самым высоким эталоном для подражания! И потому все, кто видел его искрометную игру, либо только слышал о ней, так чтут память этого кудесника футбола!

«На Федотова» ходили, как ходили когда-то на спек-

такли с участием Василия Качалова в Художественный театр. Более того, всей своей блистательной спортивной биографией майор Советской Армии Григорий Иванович Федотов как бы доказал, что, давая много радости окружающим, большое счастье получать взамен их признательность, ответную волну теплых чувств.

Именно поэтому он оставил по себе столь добрую память, и даже не видевшие его московские мальчишки «играют в Федотова», когда впервые знакомятся с футбольным мячом.

ЧАСОВЫМ ОН ПОСТАВЛЕН У ВОРОТ...

О вратарях, думается, можно рассказывать бесконечно. И нет в таком утверждении вроде бы ничего спорного, потому как, если есть среди 11 рыцарей поля футбольного самый-самый, то вряд ли кто-либо возразит, что это вратарь!

В самом деле, разве в основном не на нем фокусируется наше зрительское внимание на протяжении всех 90 минут игры, разумеется, если это настоящий футбольный «бой», истое благородное соперничество, где каждая из сторон стремится поразить цель, забить гол, венчающий коллективные усилия команды.

Мы аплодируем каждому удачному, хитроумному ходу нападающих, не перестаем удивляться стойкости и мужеству защитников, и все-таки, согласитесь, стоит только в дело вступить вратарям, как из могучей стадионной груди исторгаются громкие возгласы: «Взял! Намертво!»

Или, напротив, «го-о-ол!» — несется с трибун победный клич тех, чья команда наконец-то «распечатала» ворота! Что поделать, рождение гола — это всегда небольшое чудо, ради которого, собственно, люди и приходят на стадионы. И все-таки сотворили его, это чудо, не

один, а чаще всего несколько игроков, участников комбинации, а последний в цепочке лишь завершил ее прицельным ударом, поставил точку в отменно разыгранной футбольной партитуре.

Конечно, завершивший атаку ударом, достигшим цели, или, как теперь принято говорить, бомбардир, молодец!

Как же тогда назвать голкипера, оказавшегося один на один с прорвавшимся в его владения форвардом и сумевшего отразить сильнейший удар, спасти свои ворота?

Наверное, вдвойне молодцом!

Заметим, однако, одну немаловажную деталь.

И нападающий, и вратарь чаще других игроков команды бывают героями матчей, и в этом смысле, надо полагать, зритель прав, деля поровну свои симпатии и аплодисменты, приветствуя удачу двух, едва ли не ключевых и по сей день игроков футбольной дружины.

А если матч проигран? Здесь, согласитесь, больше других упреков приходится на долю вратаря, если, разумеется, он повинен в пропущенных голах. Но даже если он сделал все, что мог, неприятный осадок от поражения остается у него самого, хотя вслух его, вратаря, вроде бы и никто не корит.

Выходит, и в этом случае нервной энергии вратарь расходует куда больше остальных своих партнеров.

Нападающего же в подобной ситуации разве что пожурят за неиспользованные возможности открыть счет. Ну не забил...

А вот не пропусти вратарь — глядишь, была бы все-таки ничья...

И опять же вроде бы все верно, ибо игра вратаря всегда на виду, прямо-таки как на ладони, и его ошибки редко когда удается исправить полевым игрокам.

И невольно подумаешь, какими же нервами надо обладать такому спортсмену, от мастерства которого в го-

раздо большей степени, нежели всех других игроков команды, зависит, скажем так, процент удачи на всегда тернистом пути к успеху!

Не знаю, как вам, читатель, мне же в бытность работы футбольным репортером доводилось частенько следить за игрой вратарей, расположившись позади их ворот, неподалеку от находящегося в постоянной засаде весьма реактивного клана фотокорреспондентов, стремящихся не прозевать тот самый заветный кадр, который, украсив первую полосу своего журнала или газеты, одновременно сможет стать и «фитилем» всем другим конкурентам.

Меня, естественно, интересовало другое, и сейчас, задним числом, я могу лишь сожалеть за себя и своих коллег, что мы в то время не имели, как сейчас бы сказали, звуковой оргтехники, магнитофонов, чтобы записать, скажем, монолог таких вратарей, как Иван Рыжов, Валентин Гранаткин, Анатолий Акимов, Алексей Хомич, Владимир Никаноров, не говоря уже о всемирно известном Льве Яшине, в моменты, когда атака приближалась к их вратарским владениям и хозяева штрафной площади диктовали обороняющимся, где в первую очередь надо перекрыть главные подходы к воротам, чтобы облегчить им, вратарям, защиту ворот.

Представляете, какой озвученный футбольный спектакль можно было бы воспроизвести для сегодняшней молодежи, более того — в учебных целях, поставив, например, пластинку либо включив запись матча исконных соперников — футболистов столичных клубов «Спартак» и «Динамо» в момент, когда великолепное динамовское нападение — да, было когда-то оно и у этой некогда знаменитой команды не в пример нынешнему — вело методический обстрел спартаковских ворот и длинноногий Анатолий Акимов, прозванный так, очевидно по этой причине, стадионными остряками «фитилем», руководил той самой своей любимой командой, в которой он вырос, став

одним из самых ярких, интересных вратарей советского футбола!

Или еще пример, который, правда, в словесном, описательном выражении может несколько проиграть, ибо будь тот игровой эпизод записан на видеоманитофон (их тогда вообще еще не было), он прозвучал бы иначе. Но, думается, и в устном пересказе, со слов безвременно ушедшего из жизни Алексея Петровича Хомича, вратаря-легенды, он выглядит достаточно юмористически, хотя, справедливости ради, сама эта история не была таковой для ее участников, и в частности для самого Хомича.

А случилось вот что. На стадионе в Петровском парке шел матч между московской и киевской динамовскими командами. Всегда крайне предусмотрительный Алексей Хомич обычно никогда не вставал в ворота, не надев кепки, а в тот раз оставил ее в раздевалке. День был очень жаркий, солнце, особенно в первом тайме, светило довольно ярко. Боясь быть ослепленным, Хомич, повернувшись к сидевшему на скамеечке запасных своему дублеру Вальтеру Саная, попросил того дать его кепку. В спешке Хомич не заметил, что кепка Саная на два номера больше, чем его, и, надев ее, сразу же погрузился в темноту. Почти в то же мгновение мяч со свистом пролетел где-то рядом, трибуны заулюлюкали. «Мимо!» — радостно пронеслось в сознании, и, чертыхаясь, Алексей сбросил кепку и так рыкнул на Вальтера, что тот, когда все закончилось благополучно и москвичи довели матч до победы, хохоча и извиняясь перед товарищем, не преминул, однако, заметить, что, ей-богу, те англичане, что прозвали Хомича вратарем-тигром во время знаменитого турне московских динамовцев по стадионам Великобритании, были не так уж не правы.

Шутки шутками, но вратарям в игре чаще всего бывает не до шуток. Думаю, что не всем известно, сколько трудоемки вратарские тренировки, хотя на первый взгляд непосвященному может показаться: а что, собственно, ему

там в воротах — стой себе, дожидайся, когда наступит твой черед вступать в игру. Вышагивай себе между стойками...

Ох как глубоко заблуждаются те, кто так думает, по незнанию, надо полагать.

Я много раз видел, как тренировался один из наших лучших вратарей — знаменитый Анатолий Акимов, чье великолепное мастерство до сих пор можно считать эталоном отношения большого спортсмена к своему делу! Примерно четверть тренировочного урока он проводил вне ворот, а в конце занятия нередко участвовал в двухсторонней игре, чаще всего на укороченном поле, но с переносными воротами обычных размеров, выполняя, как правило, роль центрального нападающего. Такой выбор был не случаен. Находясь «в шкуре нападающего», вратарь как бы проникал в тайники психологии своего главного противника, сам проигрывал различные модели атак, ударов по воротам с различных точек в штрафной площади.

— Такая смена амплуа очень помогала мне, — рассказывал Анатолий Михайлович, — помогала угадывать возможное направление атак, упреждая действия конкурентов, ибо я хорошо знал все особенности игры форварда, его коронные приемы, как мы обычно говорим, а такие есть почти у каждого мастера, если на протяжении многих матчей внимательно присмотреться к манере игры. Их невозможно скрыть, во-первых, потому, что они почти всегда приносят успех бомбардиру, а раз так, то зачем же от них отказываться, ведь от добра добра не ищут.

Добавлю от себя, что более внимательного зрителя, нежели Анатолий Акимов, трудно себе представить. Как сейчас, у меня перед глазами его записная книжечка, куда, сидя на трибуне, Акимов, словно заправский репортер, заносил все, что попадало в его поле зрения, в первую очередь нападающие, их любимые приемы и

т. д. Красным карандашом была подчеркнута фраза: «Как бьет одиннадцатиметровый, куда, в какой угол, на какой высоте?»

Подсмотрев через плечо эту его запись, я спросил у Анатолия: «А это, собственно, к чему? Ведь сами говорили, что, если мяч пробит точно и сильно, взять его практически невозможно». Акимов ответил:

— И все-таки какой-то мини-шанс сохранять нам, вратарям, не возбраняется. А вдруг что-нибудь у нападающего стряслось, не то настроение, короче, сбит прицел, почему же, уловив эту его сегодняшнюю нервозность, не обратить ее в свое преимущество в дуэли, где 99,9 процента успеха на его стороне? Игра в его величество случай, скажут мне? Пусть скажут, главное — уберечь ворота. Получится — хорошо, не получится — ругать за пропущенный гол с «одиннадцатиметровки» нашего брата вратаря никто никогда не станет. А вот если всеми правдами и неправдами возьмешь такой мяч?!

Что бывает в таких случаях, собеседник уточнять не стал, но я не могу не вспомнить, как блистательный коллега Акимова вратарь изумительных способностей и просто-таки удивительной реакции Владислав Жмелков действительно совершил спортивный подвиг, отразив в сезоне 1938/39 года семь пенальти!

Но вернемся к игре Анатолия Акимова, игре во многом оригинальной, во многом непохожей на игру его коллег, причем не только московских. Не могу не привести случай, когда в напряженнейшем матче с московскими торпедовцами Акимову удалось парировать архинеожиданный удар знаменитого тогда Александра Пономарева, исполнявшего один из своих любимых ударов — через себя в падении. Акимов, словно соперник сказал ему о своих намерениях, оказался ни на сантиметр ни дальше, ни ближе и, верно выбрав позицию, четко «закольцевал мяч», посланный не только сильно,

но, казалось бы, из совершенно непредсказуемой позиции.

Непредсказуемой, как читатель, должно быть, догадался, для кого угодно, но не для Акимова, отлично знавшего все уловки и хитрости лидера торпедовских атак!

Состязание «снаряда» и «брони», то есть нападения и защиты, было, есть и остается главным содержанием футбола, как, впрочем, любой спортивной игры, где наличествует непосредственное единоборство, где соперников не разделяет сетка, что мы наблюдаем, например, в волейболе и теннисе.

Так вот, говоря о «футбольной броне», точнее — о ее прочности, нелишне подчеркнуть, что чем выше класс вратаря, тем, естественно, надежнее весь оборонительный бастион команды.

Все, казалось бы, логично. Должность вратаря весьма ответственна и увлекательна. А между тем при выборе футбольных амплуа, особенно это проявляется у новичков, чаще всего возникает желание стать форвардом, забивать голы и гораздо в меньшей степени — оберегать ворота от набега нападающих.

Немало вакансий возникает, когда надо подобрать кандидатуры на места защитников.

Почему? Только ли потому, что успех нападающего, то бишь забитый гол, сразу делает дебютанта заметным на трибунах, и форвард, удачно поразивший цель, закладывает, так сказать, первый кирпичик в здание своей возможной в обозримом будущем популярности?

— Что вообще надо знать и уметь, какими данными обладать, чтобы, однажды став в ворота, и в дальнейшем не отказаться от своего желания защищать их? — спросил я как-то Хомича.

— И знать надо немало, а уметь, пожалуй, и того больше, — последовал четкий ответ Алексея Петровича,

ставшего к тому времени уже фотокорреспондентом, но никогда не забывавшего своей вратарской жизни.

Мы ехали по редакционному заданию. Я писать, он снимать. Писать надо было о коллективе физкультуры Московского мясокомбината, том самом, где, кстати сказать, начинал свой путь в большой футбол и Хомич. Так что лучшего попутчика и консультанта трудно было и пожелать.

...Когда-то здесь стояли пустыри, и мы, огольцы из Дубровского поселка и прилегающих улиц и переулков, гоняли в пыли тряпичный мяч и были безмерно счастливы, если нам удавалось посмотреть матчи взрослых команд, оспаривавших первенство Москвы. А вот теперь здесь — стрела-проспект, красавец-проспект!

Волгоградский проспект, по которому мчит наш светлый «жигуленок», и впрямь хорош. И Алексей Петрович Хомич, хозяин машины, уверенно держа баранку, продолжает монолог-воспоминание на тему «что было — что стало...».

Хомич отменно помнил и знал всех вожakov и знаменитых впоследствии чемпионов и рекордсменов, начинавших свои карьеры в коллективе мясокомбината. Так что первые абзацы предполагаемого очерка были у меня, что называется, на слуху.

— Николай Сологубов-то? Наш, с комбината! И Владимир Никаноров тоже отсюда, с Крестьянской заставы, в большой спорт вошел.

И, слушая собеседника, я невольно подумал: «Вот ведь как бывает — вышли два мальчика из одного заводского коллектива физкультуры. Один, Алексей Хомич, стал вратарем команды московского «Динамо», а его друг и напарник Владимир Никаноров занял место в воротах другой не менее знаменитой команды — ЦДКА. А если подсчитать, сколько еще способных игроков с мясокомбината осели в других московских и не только московских клубах. И не просто сосчитать, а собрать их

вместе и выставить под одним спортивным стягом. Пожалуй, получился бы совсем неплохой ансамбль, способный бросить вызов любому именитому футбольному клубу!»

— Николай Сологубов, защитник, ас мирового любительского хоккея, был много лет капитаном команды ЦДКА и сборной СССР. А если назвать всех, кто сдружился со спортом на комбинате, перечислять придется до глубокой ночи,— шутит Хомич.

О себе он умалчивает: писано-переписано, рассказано-переговорено. Все, кому доводилось встречаться с ним — на работе ли, в товарищеском ли кругу,— могут засвидетельствовать, что Алексей Петрович никогда не жаловал местоимения «я», предпочитая ему любимое «мы»: «Мы победили, мы оплошали, мы дрались за победу, но соперники в тот раз оказались сильнее нас. Как-то сыграем с ними во втором круге?..»

После триумфального турне по Англии в 1945 году, когда московские динамовцы, победив несколько профессиональных команд страны — родины футбола, развеяли миф о их непобедимости, причем, что весьма немаловажно, у них дома, и с честью пронесли по стадионам Великобритании знамя советского спорта, даже весьма скупая на похвалу иностранным спортсменам, тем более советским, правая буржуазная пресса на сей раз не скрывала своего восхищения игрой динамовцев, особо выделяя мастерство их вратаря Алексея Хомича, назвав его за великолепные броски и прыгучесть «тигром».

...Испытание славой. Не каждый способен справиться с ним.

Алексей Хомич справился!

Только начинавший жизнь в спорте Хомич, как, впрочем, и все его друзья по команде, одержав блистательную победу, значение которой трудно переоценить, остались простыми, скромными парнями, хорошо сознававшими, что тот, первый успех — всего лишь аванс на

будущее и что отныне с них, динамовцев, спрос особый.

Заслуженный мастер спорта, дважды чемпион страны коммунист Алексей Петрович Хомич закончил Высшую школу тренеров, потом заочно Институт физической культуры, сняв вратарские перчатки, взял в руки репортерскую «лейку», с которой уже не расставался до конца своей яркой, впечатляющей жизни!

«Вратарь не ушел в запас»,— говорили про Хомича его многочисленные поклонники, видя его уже среди фотокорреспондентов за воротами.

С этой новой для себя позиции он не только по-новому смотрел за действиями своих молодых коллег, но увидел любимую игру глазами фотожурналиста, а это, как он вскоре понял, далеко не одно и то же и очень даже разнится от взгляда специалистов, игроков и тренеров.

И в воротах он, кстати сказать, иногда появлялся в прежней роли. И все, кому доводилось смотреть на Хомича с ежиком поседевших волос, когда он снимал свою старенькую вратарскую кепку, вряд ли могли уловить уж очень большую разницу между прежним и нынешним стражем ворот. Тот же отменный выбор позиции, «мертвая хватка» мяча, смелые, стремительные выходы из ворот навстречу форвардам — словом, свою вратарскую марку спортсмен держал высоко.

А вот на новой стезе фоторепортера, успевшей стать любимой профессией, оказалось немало рифов, гораздо больше, чем он мог предположить.

Чего уж лукавить, его первые снимки брали сперва в редакциях больше за звонкое футбольное имя дебютанта: все-таки снимал-то сам Хомич! Плохо скрытое снисхождение злило его. «Да ты не хвали понапрасну-то. Снимок — дрянь, не резкий и по композиции не получился, а ты: «Молодец, старик, прогрессируешь!» — сказал как-то без обиняков Алексей одному такому «доброжелателю».

Наверное, и не подсчитать, сколько километров плен-

ки и бумаги извел он, прежде чем стало получаться задуманное. Учился дотошно, упорно. Спрашивал, сравнивал и снимал, снимал, снимал! Закончил двухгодичные курсы фотокорреспондентов при Центральном Доме журналиста.

Словом, стал отменным профессионалом!

Об этом, впрочем, лучше всего рассказывают снимки за подписью «А. Хомич», опубликованные на страницах множества изданий, в первую очередь еженедельника «Футбол — хоккей» и газеты «Советский спорт», внештатным корреспондентом которых был фотожурналист Алексей Хомич.

В футболе у него осталось немало учеников и последователей, и среди них самый главный и горячо любимый — Лев Яшин. Рассказом об этом удивительном спортсмене и человеке мне и хочется закончить главу.

...В 41 год редко кто из футболистов не вешает бутсы на гвоздь. А он продолжал играть. И так играть, что кое-кто из скептиков, решивших было списать его в футбольный обоз, поспешил отказаться от своих оценок.

И никому не дающее отсрочки время, казалось, оставалось, залюбовавшись тем, как вратарь ловил, отбивал мячи, вставая непробиваемой стеной на их пути.

Таким мне запомнился Лев Яшин, великий, не побоюсь произнести это слово, спортсмен, заставивший своей игрой показать, каких высот ныне достигло вратарское искусство.

Яшин оставил свой пост № 1 в футболе и в сборной СССР, и в команде его родного московского «Динамо» как истинно большой спортсмен красиво и вовремя, хотя мог бы, наверное, сыграть еще один-два сезона. Да, но не правильнее ли передать свои перчатки более молодому, поделиться с ним своим богатейшим опытом?

Будучи приверженцем своего клуба («Динамо» вырастило и воспитало его), Яшин принадлежал и продол-

жал принадлежать всему футболу. Его любили и любят почитатели всех клубов, и не только в нашей стране. Уважение всегда сквозило в действиях даже самых агрессивных настроенных форвардов, когда они играли против Яшина.

Нет, он не требовал к себе какого-то особого, нежного отношения. Футбол — игра атлетов, настоящих мужчин, и толчок, если он выполнен в пределах правил, никогда не обидит мастера. Но даже если соперник искал обострений, полагаясь лишь на грубую силу, Яшин никогда не позволял отвечать себе тем же. Напротив, столкнувшись с ним не по своей вине, бывало, без иронии скажет: «Спокойно, парень...» А если сам виноват, непременно извинится: «Прости, Славик, не зашиб я тебя?» И хотя Славiku порядком досталось: динамовский вратарь как-никак не тростиночка, мужчина солидный, нападающий не в обиде на него. К тому же Лева так дружелюбно улыбнулся, что всякая мысль об отмщении (бывает в горячке и такое) сама собой улетучивается из головы.

Яшина всегда называли хозяином штрафной площади футбольного поля, и он, как никто другой из вратарей в современном футболе, всегда оправдывал свое звание. Когда это диктовалось обстановкой, он сам смело становился полевым игроком, не боясь покинуть свои вратарские владения и даже отбить мяч головой не для аплодисментов публики, нет, а потому, что именно в создавшейся ситуации, находясь далеко от ворот, Яшин, сыграв он рукой, заработал бы штрафной, который еще неизвестно чем мог бы закончиться.

И потом, разве не разумнее предотвратить гол, вмешавшись в борьбу с нападающим, и, улучив момент, когда тот потеряет контроль за мячом, забрать его у него из-под носа, чем беспомощно ждать приближения форварда, оставаясь в воротах, защитить которые в возникшей ситуации подчас невозможно: вышедший один на

один нападающий волен «расстрелять» в упор своего противника.

Считается, что классный вратарь мыслит, точнее, принимает решения быстрее всех остальных игроков. Схема мысль — действие не должна давать осечек, иначе беды можно не избежать. Именно поэтому на тренировках Яшин не уставал повторять по нескольку раз одно и то же: «Быстрой! Не примеривайся, бей с ходу, без подготовки! В игре рассуждать некогда будет!»

И партнеры не обижались. Они знали, какая громадная нагрузка ложится на плечи вратаря в матчах: и нервная, и физическая, и любая другая, во сто крат превышающая, наверное, все вместе взятые усилия остальных игроков команды.

И не потому ли спустя день после матча команда, забираясь на полók бани, дольше всех не может выгнать оттуда вратаря, не желающего покидать атмосферу парной, обжигающий воздух которой отлично открывает поры, заставляет дышать уставшие мышцы, возвращая им необходимую свежесть, эластичность и силу!

А завтра снова подготовка к матчу с соперником очень сильным, гораздо сильнее, чем предыдущий.

...Какие-то слова доброго напутствия, хотя знаешь их вроде бы наизусть, все равно все-таки нужны. Оброненные как бы между прочим, но непременно «на улыбке», они, эти слова, способны зарядить игрока, затронуть струнки спортивного самолюбия, заставить найти, казалось бы, уже исчерпанные до конца силы и, переломив ход поединка, вырвать победу или уйти от поражения.

Яшин, всегда очень ценивший иногда совсем короткий разговор тренера с игроком, еще больше уверовал в пользу такой беседы, став впоследствии начальником команды московского «Динамо».

Раньше он разве что по рассказам знал, хотя и видел не раз, как переживал тренер неудачу команды, как

это непросто — руководить коллективом, в котором сам недавно играл.

«Легче, наверное, взять три пенальти подряд, нежели пять минут выдержать разговоры с Н.», — полусерьезно говорил Лев Иванович Яшин старшему тренеру команды Константину Ивановичу Бескову, приступив к своим обязанностям начальника команды. Тот только, помнится, улыбнулся в ответ: мол, осваивайтесь в новой для себя роли, Лев Иванович...

Он уже начал было привыкать к своим новым обязанностям, когда приближавшаяся дата его последнего матча, его прощальной игры заставила возобновить тренировки почти в том же объеме, что и раньше. И хотя он никогда не бросал заниматься физическими упражнениями, продолжает заниматься ими и сейчас, работая в Управлении футбола Спорткомитета СССР, лишние килограммы, накопленные за время, что он ушел из ворот, давали о себе знать.

Но как показали первые тренировки, его мастерство еще не пошло резко на убыль и, войдя в форму, он сможет выдержать натиск своих гостей — футболистов команды «звезд мира», каждый из которых наверняка, кроме знаменитых русских матрешек и палехских шкатулок, захочет увезти из Москвы себе на память хотя бы один гол, забитый в ворота Яшина!

— Согласен подарить им что-нибудь другое по личному выбору, а ворота пусть на сей раз останутся «сухими», — пошутил в раздевалке Яшин.

А на поле в воротах он был, как всегда, в свои лучшие вратарские времена, собранным, внимательным и взял столько сложных мячей, что, отыграв тайм и передав свои перчатки одноклубнику Владимиру Пильгую, вызвал бурю восторгов на трибунах, откуда долго еще несло: «Лева, не уходи! Оставайся!»

В самом деле, а не рано ли? — подумалось, я уверен,

не одному мне, когда, простившись с публикой, Яшин исчез в туннеле.

Но я сразу отогнал от себя эту мысль, вспомнив один из последних разговоров со Львом Ивановичем: «Вы знаете, уйти вовремя — это, поверьте, тоже труднейшее дело. Грустновато, конечно, но ведь с футболом-то я все одно не расстанусь...»

Так оно и случилось. Яшин по-прежнему живет в футболе, и это, согласитесь со мной, прекрасно!

— О таких, как наш Лева,— заметил как-то один из приверженцев московского «Динамо»,— надобно писать стихами.

Эта реплика невольно пришла на память, когда мне довелось прочесть посвящение Льву Яшину поэта, актера и певца в одном лице — Владимира Высоцкого. Вот оно:

ВРАТАРЬ

Льву Яшину

Да, сегодня я в ударе, не иначе.
Надрываются в восторге москвичи,
а я спокойно прерываю передачи
и вытаскиваю «мертвые» мячи.
Вот судья противнику пенальти назначает,
репортеры тучею кишат у тех ворот.
Лишь один упрямо за моей спиной сучает —
он сегодня славно отдохнет!

Извиняюсь,

вот мне бьют головой...

Я касаюсь,

подают угловой.

Бьет десятый, дело в том,
что своим «сухим листом»
размочить он может счет нулевой.

Мяч в моих руках — с ума трибуны сходят,
хоть десятый его ловко завернул,
у меня давно такие не проходят,
только сзади кто-то тихо вдруг вздохнул.
Обернулся, слышу голос из-за фотокамер:
«Извини, но ты мне, парень, снимок заporол.
Что тебе нушний раз потрогать мяч руками,
ну а я бы снял красивый гол».

Я хотел его послать —

не пришлось:

еле-еле мяч достать

удалось.

Но едва успел привстать,

слышу снова: «Вот опять!

Все ловить тебе, хватать,

не дал снять».

«Я, товарищ дорогой, все понимаю,

но культурно вас прошу: подите прочь!

Да, вам лучше, если хуже я играю,

но поверьте — я не в силах вам помочь».

Вот летит девятый номер с пушечным ударом,

репортер бормочет: «Слушай, дай ему забить.

Я бы всю семью твою всю жизнь снимал задаром...»

«Это все-таки футбол,—

говорю,—

нож по сердцу — каждый гол —

вратарю».—

«Да я ж тебе как вратарю

лучший снимок подарю,

пропусти, а я отблагодарю».

Гнусь, как ветка, от напора репортера,

неуверенно иду наперехват...

Попрошу-ка я тихонечко партнеров,

чтоб они ему разбили аппарат.

Вот опять он поет: «Это ж, друг, бесчеловечно.

Ты, конечно, можешь взять, но только, извини,—

это лишь момент, а фотография навечно.

А ну не шевелись, потяни!»

Пятый номер в двадцать два

знаменит.

Не бежит он, а едва

семенит,

В правый угол мяч, звеня,

значит, в левый от меня,

залетает и нахально лежит.

В этом тайме мы играли против ветра.

Так что я не мог поделаться ничего.

Снимок дома у меня два на три метра

как свидетельство позора моего.

Проклинаю миг, когда фотографу потрафил,

ведь теперь я думаю, когда беру мячи:

«Сколько ж мной испорчено прекрасных фотографий...»

Стыд меня терзает, хоть кричи.

если не вкладывать гораздо больше, чем раньше, настойчивости, ежедневного труда на тренировках.

Хорошо знавшие его не переставали удивляться и разводить руками, видя, с каким упорством, остервенением занимается буквально в поте лица своего тот, у кого все, что он делал на футбольном поле, выходило с первой попытки, легко и играючи. Казалось, не слушающийся других кожаный мяч, замороженный каким-то только Стрельцову известным волшебным словом, прилипал к его бутсам, когда Эдуард вел его, выбирая удобный момент для выполнения прицельного удара либо передачи мяча партнеру!

И все-таки не так-то просто, как могло бы показаться людям несведущим либо плохо осведомленным, состоялось возвращение Эдуарда Стрельцова в большой футбол, в лидеры атак его родного «Торпедо», одной из интереснейших наших команд, чью игру всегда отличали необычайная легкость, изящество в действиях всех ее одиннадцати игроков разных способностей, характеров, но объединенных одним-единственным желанием — победить! Причем победить — и это очень важно, чтобы полнее представить «Торпедо» тех лет, — непременно красиво!

Думаю, не ошибусь, если даже сейчас, много лет спустя, назову почерк автозаводцев каллиграфическим, их «футбольное письмо» ясным и понятным любому зрителю.

Но Эдуард Стрельцов был не просто ведущим игроком. Закоперщик, лидер есть в любой команде. Стрельцов же очень выделялся и в среде наших самых одаренных футболистов. И не случайно, не красного слова ради его бессменный партнер Валентин Иванов, говоря о Стрельцове, как-то заметил, что «он, Стрельцов, как мне иногда кажется, и сам-то не представляет, какой он футбольный глыбище!».

Высокий, мощный, с хорошо развитой мускулатурой,

Эдуард поначалу занимал выжидательную позицию и только-только начинал движение, повернув голову в сторону партнера, ведущего мяч. Он мог показаться неповоротливым и даже чуточку мешковатым. Но вот мяч адресован ему, и, будто распрямленная пружина, Стрельцов срывается с места, устремляясь в самую горячую точку атаки, искусно прикрывая мяч корпусом, смело идя на сближение с защитником. Мгновенно оценив обстановку, не выпуская из поля зрения перемещения своих партнеров, заметив, у кого из них наиболее предпочтительная позиция для приема мяча и дальнейшего обострения атаки, он никогда не жадничал, стремясь сам поразить цель. Напротив того, зная, ощущая, что называется, «своими боками», сколь жестко, иногда излишне жестко, опекают его, Стрельцова, Эдуард еле заметным, изящным движением пяткой отбрасывал мяч назад либо в сторону бегущему параллельным курсом партнеру, и именно оттуда, из глубины развивающейся атаки, не всегда просматриваемой вратарем, следовал резкий, хлесткий удар по мячу кого-либо из торпедовцев.

Эта одна из наигранных и, казалось бы, хорошо знакомых, изученных конкурентами вдоль и поперек комбинация тем не менее нередко оказывалась весьма успешной главным образом потому, что каждый раз каким-то одним-двумя ходами решалась по-новому. Инициатором таких сюрпризов бывал, как правило, Стрельцов.

Вспоминая выступления Эдуарда Стрельцова, ловишь себя на мысли, что в его игре, по существу, не было слабых мест. Он был одинаково опасен и в связке с Валентином Ивановым, связке, едва ли не уникальной по своей сыгранности и взаимопониманию в нашем футболе, и как солист, умевший самостоятельно решить исход матча.

У меня перед глазами до сих пор стоит гол, забитый Стрельцовым вратарю сборной команды Польши с дистанции 25—30 метров! Мяч влетел в левый от вратаря

угол ворот столь мощно и четко, словно бильярдный шар в лузу.

Уж казалось бы ничему не удивлявшиеся игроки ЦСКА, сами отменные мастера своего дела, смотревшие игру неподалеку от ложи прессы, даже они не удержались от восхищения, а наиболее экспансивный из них — Вячеслав Соловьев, вскочив с места, воскликнул: «Нет, вы видели, ребята?!»

Вот такой «игрочище-глыбище» радовал глаз самых тонких ценителей футбола, своеобразных гурманов спорта, съезжавшихся порой из отдаленных районов Москвы в Лужники или на «Динамо», чтобы специально посмотреть на мастерство Стрельцова. Не погрешу против истины, сказав, что «на Стрельцова», как ранее «на Федотова», Москва ходила, как ходили завзятые театралы специально смотреть спектакли с участием своих любимых актеров.

Причем вот ведь что удивительно: ему аплодировали даже тогда, когда лидер «Торпедо» поражал ворота, скажем, «Спартак» или «Динамо», которым симпатизировало большинство присутствовавших на стадионе и тем не менее по достоинству оценившее все грани большого таланта Стрельцова. Этим к себе отношением как к любимцу публики он очень напоминал Всеволода Боброва, футболиста редкого таланта, да к тому же великого хоккеиста тоже.

Надо ли говорить, сколько радости доставляли такие вот бенефисы Стрельцова, а значит и всей команды, поклонникам автозаводцев, ибо он всегда играл для команды в первую очередь, подчиняя все свои задумки главной цели — победе коллектива, который его взрастил и сделал Стрельцовым!

А на следующий день после победы «Торпедо» в цехах завода-гиганта как-то по-особенному весело кипит работа, будто получен срочный заказ, и даже хмурые

футболоненавистники (их, правда, считанные единицы) не скрывают приветливых улыбок.

А как переживают на ЗИЛе неудачи своих футболистов! Конечно, легче всего упрекать, иной раз и ругнуть в сердцах на чем свет стоит. Но ведь от ругани проку мало. А вот поговорить с игроками по душам очень даже полезно. Такие беседы-встречи с командой на заводе, как правило, устраивают перед началом и в конце сезона.

...В зале ударников, что рядом с парткомом, яблоку упасть негде.

— Что-то, Эдуард, мы тебя в матче с динамовцами Минска на поле не заметили, а ведь диктор твою фамилию вроде бы объявлял? — Роман Петрович Лыгин, потомственный автозаводец, ныне пенсионер, говорит громко — пусть все слышат, переводит взгляд с Эдуарда в зал и снова на него, словно проверяя правильность своих слов. — Не дают играть, слишком плотно опекают? Так ведь за слабым игрочишкой смотреть в оба никто не станет. Стрельцова «угостили», а он сдержись, потому как, может, тебя нарочно на ответную грубость толкают. Глядишь, обидчика твоего судья с поля и попросит. Да мне, что ли, старику, учить вас!..

По рядам прокатился смехок. Эдуард заметил, как слесарь-водитель Женя Архипов и мастер по холодильникам Юра Бударин что-то горячо доказывали своим соседям. С Юрой и Женей Эдуард два года играл в команде ОТК, тогда им достались и первенство и кубок завода. И вот их бывшего капитана, а ныне общественного тренера продраивают, что называется, с песочком перед всем заводским людом. Правда, не его одного, но разве от этого легче?

Игроки нахохлились, клещами слова из них не вытащишь. Но так было недолго.

— Конечно, мы можем и должны играть лучше. Действительно, кое-кто из нас самоуспокоился, возомнив, что

чемпионское звание дается навечно. Такое, чего скрывать, бывало,—сказал собранию коммунист Валентин Иванов, старожил команды.

Не первый год Эдуард играет с ним рядом. Всякое случалось в их спортивной жизни. Но если вспомнить, проанализировать причины неудач — а у кого их не бывает,—то одной из главных всегда оказывалось равнодушие. Микроб безразличия поражает либо слабых душой («все равно не выиграем»), либо слишком самоуверенных («тоже мне противники!»), если вовремя не атаковать его, он, как ржавчина, разъест, разрушит самый дружный коллектив.

Поэтому никто из ребят не обиделся на критику. «Ничего, дорога длинная, наворачиваем...»

Наверстывать, однако, было не так-то просто. Не было полузащитника Валерия Воронина, вратаря Анзора Кавазашвили (играли за сборную страны на мировом первенстве), лечил ногу Козьмич. Такой вакуум заполнишь не скоро. И вечерами на спортивной базе «Торпедо» в Мячкове тренеры Виктор Семенович Марьенко и Владимир Иванович Горохов «колдовали» с составом команды на очередной матч, прикидывая силы и возможности дублеров. Перед фамилиями молодых нападающих Гены Шалимова и Валеры Боровика то возникали, то стирались вопросительные знаки. А вопрос, кого ставить, так и не сходил с повестки дня.

В комнате тренеров нередко засиживался и Эдуард, неперменный член «военного совета».

На макете футбольного поля кипит горячее сражение «Торпедо» — «Динамо» (Киев). Вот после короткого раздумья Марьенко решительно передвинул игрока-фишку в район штрафной площади, откуда Стрельцов должен будет увести на фланг центрального защитника киевлян, освободив путь к воротам своему партнеру Владимиру Щербакову.

— Вряд ли он оголит центральную зону,— говорит

Эдуард, машинально передвигая «Соснихина» вправо...

Долго еще, за полночь, тренеры будут тихо, не разбудить бы ребят, разыгрывать партитуру предстоящего матча, искать наиболее эффективные пути к победе. Она нужна всегда, а в предстоящем матче с киевлянами необходима как воздух. Торпедовцы проиграли им в Киеве 0:2. Затем автозаводцы споткнулись еще не однажды, тогда как шаг их главных соперников оставался победным до конца первого круга чемпионата. На 11 очков опережал чемпионов лидер, который своей великолепной игрой «вбил» заявочный столб на футбольное золото.

Предстоял спор не просто за очередные два очка. Предстоял спор тренерской мысли, дуэль равных по классу игроков.

«Ничего случайного, не выверенного в нашей игре нет»,— как бы утверждал выступлениями своих питомцев тренер киевлян Виктор Маслов. Тот самый Виктор Александрович Маслов, что мог считать себя, и это было правдой, одним из главных создателей «Торпедо», команды, в которой он сам проиграл немало лет. Кому-то, а ему-то были хорошо известны все плюсы и минусы в игре автозаводцев...

«Неудачи не сломили воли ребят, они не разучились действовать мощно, легко и красиво!» — таким мог бы выглядеть ответ торпедовцев.

Для них предстоящий поединок был еще и серьезным экзаменом перед матчем со знаменитым миланским «Интернационале», с которым неблагосклонный, поистине слепой жребий свел их в первом же туре розыгрыша Кубка европейских чемпионов.

Зрители не обманулись в своих ожиданиях. Они увидели матч, полный огромного внутреннего напряжения, соревнование, где действия каждого игрока были строго подчинены общему замыслу. Первая половина игры осталась за москвичами (1:0).

Киевляне контратаковали почти весь второй тайм и,

казалось, были близки к ничьей. Но незадолго до конца великолепный сольный проход Стрельцова отнял у них последнюю надежду.

Получив мяч, Эдуард сделал рывок, не останавливаясь, обыграл сначала Соснихина, затем другого защитника и, выманив из ворот Виктора Банникова, несильно послал мяч в сетку.

Все это было выполнено хладнокровно, с блеском большого мастера.

— Эдька, дай я тебя расцелую! — Загоревший, отдохнувший после лечения травмы, Козьмич не скрывает радости. Он прямо с аэродрома на матч. — Хлопцы, здорово сыграли, так и будем держать!

Валентин здороваются с ребятами, которых давно не видел и по которым порядком соскучился.

— Всем спасибо за игру! — благодарит команду Марьенко. — Баня, как всегда, в одиннадцать утра. Прошу не опаздывать...

А завтра по приезду в Москву Эдуард, как и все его друзья по команде, принадлежит дому.

...На Автозаводской ему встретился заведующий кафедрой начертательной геометрии завода-втуза ЗИЛа Юрий Семенович Александровский, поздравил с успехом, попутно заметив, что был рад узнать об успешно сданных Стрельцовым зачетах.

— Ведь догонять трудно не только динамовцев Киева, не так ли?

Конечно, так. Непросто это — начинать учебу, когда тебе уже двадцать девять и ты часто отлучаешься из Москвы.

Но разве остальным ребятам с вечернего отделения легче? Нет, никто ему диплом инженера-автомобилиста на блюдечке с голубой каемочкой не преподнесет, сколько бы неотразимых мячей он ни забил самым искусным вратарям.

Эдуард это знает.

...Зеленый мягкий, приятный для глаза свет от настольной лампы падает на страницу учебника, но от этого английский текст не становится легче. Битый час уходит на перевод одного коротенького рассказа. А когда наконец «лондонский туман» несколько рассеялся, Эдуард облегченно вздохнул и сказал:

— Нет, ты только подумай, Рая. Так просто и здорово играть в футбол и иметь такой чертовски сложный язык! Вот нация!

— По-моему, тебе нужно систематически заниматься. Потренируйся, составь себе график.

Раиса Михайловна Стрельцова лучше, чем кто-либо, знает, сколько самых неотложных дел у ее мужа. Вот и сегодня уже два раза звонил Юра Бударин, спрашивал, придет ли Эдик на тренировку цеховой команды. Хотелось ответить: «А может быть, вы дадите ему отдохнуть?» Но, вздохнув, проговорила: «Ну куда же он денется от вас!.. Разве он может доверить кому-то тренировку своих учеников?»

К Эдуарду Стрельцову вместе с гражданской зрелостью пришла и зрелость большого футбольного мастера. Его выступлений (и не только на футбольном поле) всегда с интересом ждал зритель. О нем тепло отзывались товарищи по команде, соперники.

А знаменитый тренер «Интернационале», известного итальянского клуба, специально приехавший в Москву посмотреть игру «Торпедо», на вопрос, кто ему больше всех запомнился из нападающих автозаводцев, ответил: «Все играли интересно, с фантазией. Ну а ваш Стрельцов уже несколько лет значится в моей картотеке наиболее выдающихся футболистов мира».

Проницательный и опытный Эррера, работавший со многими футбольными звездами первой величины, не бросал слов на ветер. Сказанное им не выглядело дежурным комплиментом в тот его приезд. Более того, Эррера с удовольствием предоставил бы Стрельцову место

центрального нападающего в своем клубе, знай он, что получит согласие, заметил гость в конце своей короткой пресс-конференции...

Футбольная эра Эдуарда Стрельцова, к сожалению, укороченная им самим, тем не менее оставила очень заметный след в истории отечественного футбола, послужив одновременно и предметным уроком тем из молодых, кто, будучи отмечен футбольным талантом, немного делает для того, чтобы развить его, заставить заблестать всеми гранями.

Одареннейший Стрельцов, думается, мог бы сделать много больше, чем сделал на футбольном поле, где он так ярко блистал, радуя всех своим неповторимым искусством большого мастера.

Людская молва живуча и тысячеуста. Стрельцова помнят многие. И сейчас, когда происходит очередной набор в футбольную школу «Торпедо», где одним из педагогов работает Стрельцов, дедушки, бабушки, папы и мамы, приводя своих ребят на вступительные экзамены, как бы между прочим спрашивают друг у друга: «Не слышали, много ли нынче он отберет себе?» Он — это Эдуард Стрельцов, ныне с удовольствием обучающий быстроногих мальчишек обращению с футбольным мячом.

Этот мяч, многое давший и самому Стрельцову, бывал и его строгим экзаменатором, советчиком и другом, беспристрастным судьей.

В общении с футболом к Стрельцову пришло лучшее понимание жизни и своего места в ней. И уже за одно это можно быть, согласитесь, благодарным судьбе, сведшей его с футболом.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ НА ПОЛЕ

Всякий раз, когда видишь, как трое футбольных судей неторопливо направляются к центру футбольного поля, а затем, понимаясь переглянувшись, словно сказав

друг другу: «Негоже так вот, вполтемпа, начинать футбол», переходят на небыстрый бег и, наконец, останавливаются на одном и том же месте в ожидании появления главных действующих лиц — команд-соперниц, хочется заранее поаплодировать арбитрам, отпустить им авансом, что ли, толику симпатий, чего, право же, заслужили эти общественники — энтузиасты футбола, безвозмездно и охотно отдающие все свое свободное время любимой игре.

Вряд ли кто станет возражать и нужно ли доказывать, сколь велика роль и ответственность спортивного судьи, вошедшего в прямоугольник футбольного поля, чтобы рассудить, кто прав или виноват в спортивном соперничестве, сделать все от него зависящее, чтобы матч, что ему доверили реферировать, стал для зрителей подлинным праздником, чтобы они никогда не забыли дороги на стадион.

«У хорошего арбитра есть и на спине еще одна пара глаз», — гласит одна из футбольных поговорок. И лучше, наверное, и не квалифицировать настоящего мастера-судью, умеющего разглядеть в целостной, но, бывает, довольно пестрой картине футбольного боя грубые отклонения от правил игры. И не только заметить, но быстро и решительно, невзирая на авторитеты и звания, наказать нарушителей футбольного кодекса, проявивших неуважение к сопернику, зрителям, многие из которых отложили все свои первоочередные дела, чтобы только увидеть своими глазами долгожданный матч, а вместо этого ставшие свидетелями грубой потасовки.

Но и рефери-перестраховщика трибуны никогда не примут. Кодекс кодексом, перед футбольным законом все равны: и чемпион, и новичок, впервые надевший бутсы. Но кому, спрашивается, нужен футбол беззубый, когда, якобы упреждая грубые выходы, судейская сирена все время останавливает игру, не давая футболистам возможности атаковать смело, настырно, резко, но вполне

в пределах правил! И приходится сожалеть, что не ушел домой раньше, а стал невольным очевидцем того, как, напуганные излишней строгостью рефери, стороны формально доигрывали матч, не искушая судьбу за 5—10 минут до его окончания, матч, в котором вроде бы было все правильно, не оказалось ни одного сколько-нибудь серьезного нарушения и арбитр ни разу не обращался к штрафным санкциям, но в котором начисто отсутствовали боевой дух, спортивная злость, страсть, без коих футбол, согласитесь, не имеет права называться футболом.

Хороший судья почти незаметен на поле. Лишь изредка короткой трелью свистка напоминает он о себе. А это значит: темпераментная борьба вошла в нужное русло, и никакие случайности не выведут ее из рамок спортивной этики. И капитаны футбольных дружин, еще не остывшие после горячей схватки, благодарно пожмут руку арбитру, сумевшему справедливо, ни на йоту не отступив от правил, рассудить спорщиков.

И когда трибуны рукоплещут, благодарят участников матча за доставленное удовольствие, в этом приветственном гуле нельзя не услышать и одобрение в адрес человека в черной рубашке, сделавшего все, чтобы состязание оставило в душе каждого, кто его видел, глубокий и добрый след.

Наивно полагать, что в течение 90 минут матча судья, помимо своих прямых обязанностей, должен проводить воспитательно-разъяснительную работу: толковать игрокам о пагубном влиянии разного рода подножек, «коробочек», взывать к их совести, увещевать.

Арбитр находится в самой гуще спортивной борьбы, в которой сталкиваются характеры горячие, вспыхивающие, уравновешенные, словом, самые различные. Одному игроку достаточно деликатного внушения, другого надо заставить (именно заставить) перед лицом переполненных трибун принести мяч, откинутый, дабы «потянуть» время, подальше.

Все это видят тысячи людей. И по-разному относятся к действиям рефери. Зрителю с трибун многое подчас кажется непонятным. Он готов оценить благородство спортсмена, когда тот, извиняясь за грубость, подает сопернику руку и помогает ему подняться, а вместо благодарности пострадавший вот-вот готов пустить в ход кулаки. Трибуны возмущены, они не знают, что очень вежливый с виду игрок за несколько секунд до этого шипами бутсы мысленно «припечатал» к земле ту самую руку, которую он сейчас хочет пожать. И сколько еще таких ситуаций, когда судья должен быть и тверд, и мужествен, чтобы остаться верным истине вопреки тысячеустому «давлению» трибун и недовольству ряда игроков и тренеров.

Вряд ли возможно точно определить, где начинается и где кончается воспитание футболиста. Подскажет судья игроку, что майку не мешало бы поправить, а гетры подтянуть,— вот и проведена эта самая воспитательная работа, в которой, кстати, мелочей нет и не может быть.

Разумеется, бесконфликтность не показана футболу. Он весь соткан, если так позволительно выразиться, из ситуаций почти стрессовых, он весь порыв, борьба с первыми и до последних минут матча, конечно, когда встречаются соперники принципиальные, дорожающие своей спортивной честью, исповедующие футбол открытый, не привыкшие отсиживаться в траншеях оборонительных редутов.

И тем не менее никакие глобальные задачи, никакая мечта стать чемпионами или призерами не должны заслонять от соревнующихся того, что в майке другого цвета против тебя и твоих партнеров действуют твои же товарищи по спорту, и стремление быть первым не должно ослеплять, притупляя законы рыцарского единоборства и честного отношения к сегодняшнему конкуренту.

Давние поклонники футболистов ЦСКА, очевидно,

помнят, что когда-то перед началом каждого матча, независимо от ранга соперника, армейцы вручали каждому игроку по букету цветов. То была великолепная традиция, ныне почему-то начисто забытая. А ведь спорт вообще, а футбол в частности, подразумевает спортивное товарищество. И очень хорошо, когда арбитр после каждого инцидента просит соперников пожать друг другу руки, хотя, справедливости ради, пора бы им это делать самим, не дожидаясь такого посредничества.

Но о каком товариществе может идти речь, если грубая игра все еще не искоренена окончательно из практики наших чемпионатов! И не только в высшей лиге, но и во всех остальных подгруппах и становится чуть ли не спутником едва не каждого матча.

Немалый вред нашему футболу приносила и еще продолжает приносить, правда, теперь, похоже, в несколько меньших размерах, чем ранее, так называемая тактика мелкого фола (не очень значительных на первый взгляд нарушений, резких толчков, задержек соперников руками и т. д.), взятая на «вооружение» иными нашими клубами с молчаливого согласия и попустительства некоторых судей. А ведь небольшие проступки, как правило, влекут за собой и более серьезные.

И разве можно считать в подлинном смысле слова воспитателем тренера, если он, забыв об уважении к соперникам, дает задание своему футболисту «выключить» (конечно же любыми средствами) из игры своего подопечного? И очень печально, что среди нарушителей немало вчерашних выпускников детских и юношеских спортивных школ, в которых за очень редким исключением наставники с первых дней обучения не приучают своих воспитанников уважать конкурентов.

Нетрудно представить, с каким послужным списком придут сегодняшние мальчишки в команды взрослых, захватив с собой дурные привычки из футбольного детства и отрочества.

Сорняки грубости произрастают, увы, нередко с легкой руки некоторых либерально настроенных судей, тянущих наш футбол назад. А ведь между прогрессом футбола и мастерством его арбитража существует самая прямая зависимость.

Сегодня уже мало иметь десяток-другой квалифицированных рефери, а в масштабах одной Москвы это, что называется, капля в море. Пора бы подумать об открытии в нашем городе сети специализированных школ-семинаров, причем постоянно действующих, с четкой учебной программой.

Кто может попробовать себя в футбольном арбитраже? Какими качествами должен обладать такой абитуриент?

Очевидно, тот, кто решит испытать себя в этой нелегкой роли, должен быть человеком предельно внимательным, уравновешенным, принципиальным и, когда нужно, непременно решительным.

Надо ли говорить, как важен авторитет судьи и для него самого, и, если смотреть дальше, для всего нашего футбола.

Этот авторитет следует всячески оберегать, но, согласитесь с подобной посылкой, сначала надо его приобрести, завоевать.

Спорить с этим, очевидно, никто не будет. Но вот парадокс. Случается, что, желая помочь арбитру, поддержать его престиж, ему невольно оказывают нечто вроде медвежьей услуги его же товарищи из Всесоюзной коллегии судей. Казалось бы, в это трудно поверить. Но, увы, это так. Как же еще можно расценить узаконенную невесть кем и когда систему отвода «нежелательных» для команд судей, особенно если речь идет о встречах главных претендентов на первенство и кубок? Выдвигаются десятки порой самых немыслимых причин для того, чтобы любой ценой заполучить для проведения матча удобного той или иной стороне арбитра.

Всесоюзной коллегии взять бы и отбить столь решительный натиск «заинтересованных лиц», не обращая внимания на отдельные руководящие звонки, создав тем самым прецедент — напоминание иным любителям планировать победы в кабинетах, применяя приемы, не совместимые с этикой советского спорта.

Применительно к статуту футбольного арбитра он и только он, рефери матча, единственный и никому не подчиняющийся толкователь правил. Его слово — закон!

Конечно же и судья волен ошибаться. Он может неправильно определить, скажем, положение «вне игры». Либо допустить какой-то другой промах. Иногда его просчеты могут повлиять и на окончательный исход матча, причем очень важного, во многом определяющего распределение призовых мест. История нашего футбола знает случаи, когда огрехи спортивного арбитража дорого обошлись иным претендентам на медали, перечеркивая, по существу, итог многолетней работы всего коллектива.

Вспоминая такие «кляксы» из практики наших даже наиболее квалифицированных рефери, все чаще задумываешься над тем, как если не искоренить напрочь — об этом можно только мечтать, — то хотя бы свести к минимуму огрехи в футбольном арбитраже, который, кстати сказать, как и сам футбол, претерпевает довольно заметные изменения.

Кто-то из статистиков подсчитал, что игрок за матч пробегает в среднем около 13 километров. Но так было примерно два десятка лет назад. Как же возросла эта цифра сегодня, когда футбол стал, по существу, тотальным и паузы даже для кратковременного отдыха, передышки ныне в играх практически почти нет. Стало быть, возросла физическая и психологическая нагрузка и у арбитров.

Если несколько лет назад судья, готовясь к матчу, мог ограничить свою подготовку легкой пробежкой, выполне-

нием комплекса общеразвивающих упражнений, то сейчас после такого «тренинга» он не только не сможет поспеть в самые горячие точки футбольного сражения, а просто не выдержит напряжения игры уже в первом тайме.

«Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны», — гласит известная поговорка. Давать советы легче, нежели их выполнять. В этой нехитрой в общем-то истине убеждаются и сами арбитры, когда становятся слушателями подготовительных курсов, разного рода специализированных сборов при подготовке к очередному сезону.

Наблюдая иной раз за действиями блюстителей футбольного правопорядка во время их спортивного соперничества, нельзя было удержаться от улыбки, когда нарушивший правило арбитр, понутив голову, покидал поле, оштрафованный своим же коллегой. Но видно, такова уж природа самого футбола, что он иногда ставит тебе ножку там, где ты не ждешь подвоха.

А как помногу они тренировались! И делали это опять-таки приближенно к футболу, точнее — к своему, чисто судейскому движению и маневрированию на поле, выборе позиции, с которой, во-первых, лучше просматривался в деталях весь игровой эпизод и, во-вторых, арбитр, не мешая борьбе соперников, имел бы возможность быстро стартовать в нужном ему направлении при резком изменении игровой обстановки.

Если бы сторонний наблюдатель поприисутствовал на индивидуальных занятиях судьи международной категории, преподавателя кафедры футбола Ивана Лукьянова, то, не зная, что перед ним готовится к очень серьезному, центральному матчу сезона — финалу Кубка СССР по футболу наш известный арбитр, он скорее всего принял тренирующегося разве что за десятиборца.

Легче, наверное, перечислить, чего не делал на поле, насытив свой урок элементами техники из многих видов

спорта и, в частности, из легкой атлетики, Лукьянов, не жели назвать по порядку всю его тренировочную программу.

Задавшись целью написать о нелегком и таком ответственном деле, как футбольный арбитраж, я имел немало бесед со многими нашими известными судьями, спрашивая их: сложнее ли стало осуществлять реферирование, чем, скажем, 10—15 лет назад?

— Много сложнее,— отвечали мне.— То есть никакого сравнения быть не может!

И это, замечу попутно, говорили арбитры, имеющие за спиной очень большую практику, такие, как Н. Латышев, И. Широков, В. Архипов, В. Моргунов, В. Барашков, Л. Геккер и другие.

— Не те нынче скорости на футбольном поле, что прежде. Это во-первых, и потом, что, пожалуй, самое главное, неизмеримо возросла ответственность, и не столько за сам исход встречи, она не меньшей была всегда. Я говорю об ответственности, что легла на плечи арбитра за воспитание спортсмена, вынесшего на суд зрителя свое мастерство, культуру своего спортивного поведения,— вот что выходит на первый план в футбольном арбитраже,— заметил Николай Гаврилович Латышев, старейшина нашего судейского футбольного корпуса, вот уже много лет возглавляющий Всесоюзную коллегию судей.— Хорошими судьями, как, впрочем, и футболистами, не рождаются. Ими становятся. Трудно порекомендовать какие-то специальные тесты, согласно которым можно безошибочно определить, у кого из желающих попробовать реферировать больше к этому способностей.

Очень помогает в таких случаях, знаю это по себе, добрый, но и достаточно придирчивый, взыскательный взгляд со стороны опытного арбитра, который, не подслащивая пилюлю, скажет тебе честно и прямо о просчетах

и ошибках. И не только заметит их — это еще полдела, но и подскажет, как избавиться от них, и т. д.

Авторитет к арбитру приходит не вдруг. Во всяком случае один удачно проведенный тобою матч еще ни о чем не говорит.

Не посчитайте меня нескромным человеком, но, уже имея на своем счету сотни проведенных встреч, в том числе и немало международных, я, не скрою, почувствовал себя едва ли не новичком и ужасно волновался, когда после примерно четырехлетнего изучения моего судейства руководители ФИФА, видевшие меня в деле на чемпионате мира в Швеции, спустя четыре года — в Чили доверили мне реферировать сразу четыре (!) — случай в общем-то редкий — матча, в том числе финальный Бразилия — Чехословакия. Надо ли говорить, как я был счастлив и какое волнение охватило меня!

Признаюсь, дело прошлое, если бы я сидел на трибуне, то мои симпатии в финале были бы на стороне чехословацких футболистов. Был момент, когда в штрафной площади бразильцев мяч попал в руку защитника Сантоса. Классический случай, как говорят арбитры: не рука нашла мяч, а мяч нашел руку. Поэтому я не назначил пенальти.

Я не собираюсь открывать ничего нового, и мой совет, если он, естественно, может кому-то быть полезен, сводится к напоминанию уже хорошо известного, но почему-то явно забытого положения: каким бы ни было решение арбитра, никогда не оспаривайте его, все равно делу не поможете. Наоборот, можно вконец усугубить положение. Примеров тому десятки. На том же последнем чемпионате мира в Испании, не говоря уже о наших внутренних соревнованиях.

В самом начале очерка, предваряя рассказ об арбитах, я позволил себе похвалу в их адрес, сделав, так сказать, обобщенный комплимент всему судейскому цеху, и, думаю, не погрешил против истины.

Но вот какая сила тянет, точно могучий магнит, большинство этих людей, хорошо знающих, что им достанется больше шипов, нежели роз, на футбольное поле, мне до сих пор не всегда до конца ясно. Бытует, правда, в футбольном мире мнение, что, мол, сегодняшние рефери — это, как правило, всего-навсего вчерашние игроки-неудачники: «Не вышло из меня большого мастера, дай по-пробую себя в арбитраже».

Думаю, однако, что это как раз тот случай, когда «стричь» всех под одну гребенку нельзя, дабы не совершить ошибки. Так как уже одно то, что сегодняшний судья отменно знаком с практическим футболом, надо расценивать как его несомненное достоинство, не беря во внимание степень его игрового мастерства. К слову сказать, пример некоторых наших арбитров среднего поколения, таких, как игравший в «Торпедо» Ю. Савченко, тому подтверждение. Это во-первых.

Далее, что немаловажно. Вступая в судейский корпус, каждый, кто решит посвятить себя этому в общем-то довольно хлопотливому занятию, должен хорошо сознавать, сколь много времени, энергии, наконец, будем откровенными до конца, нервов отнимет у него судейство. Надо спросить самого себя: смогу ли? Не лучше ли найти какое-то другое применение для своей энергии?

Я спросил как-то об этом Николая Гавриловича Латышева, помня, конечно, что он, кроме того, что отменный рефери, кандидат технических наук, доцент кафедры Московского станкоинструментального института.

— Не собираюсь прослыть особо оригинальным и повторю то, что говорил в таких случаях не раз и не два. И что, возможно, сказал бы на моем месте любой, кто связан с футболом столь долго, как я. Футбол всегда был для меня в первую очередь великолепным аккумулятором энергии, дававшим и продолжающим давать мне огромную эмоциональную зарядку. Как декан и педагог я не могу отделать себя полностью от беспокойного пле-

мени студентов. Разные они, эти современные молодые люди. Но чтобы ими руководить, поверьте, кроме, естественно, глубоких, прочных знаний очень важно уметь, я бы сказал, нестандартно мыслить; педагогу надо иметь еще и немалую физическую закалку. Ее-то я продолжаю черпать в футболе. И хотя давненько оставил практическое судейство, двигаюсь по-прежнему много, на работу и домой хожу пешком, а выходные дни процентов на 50 отдаю спорту.

Вот таким динамичным, беспокойным в лучшем смысле этого слова остается судья международной категории, член комитета судей ФИФА, председатель Всесоюзной коллегии судей Николай Гаврилович Латышев.

Вспоминая наш с ним разговор, не могу не отметить тот факт, что Николая Гавриловича серьезно беспокоило то, что, несмотря на известное оживление, некоторый прогресс в футбольном арбитраже, приток молодых сил в него еще явно недостаточен, и буквально по пальцам одной руки можно пересчитать тех, кто способен провести на должном уровне матча самого высокого накала и значимости.

А нам нужны, очень нужны всему нашему футболу, и московскому в первую очередь, новые Латышевы, Широковы, Архиповы, Моргуновы, Дмитриевы, ибо двадцать третий на поле, как иногда именуют арбитра в футболе, фигура в нем не только заметная по своему положению, но выступающая в известной ситуации полпредом нашего спорта, когда кого-либо из советских арбитров приглашают, а это бывает не так уж редко, реферировать международные матчи достаточно высокого ранга.

Когда такое случается, мы, забыв про наши клубные симпатии, наблюдая по телевидению за поединком двух национальных сборных, превращаемся во внимание и слух, увидев, как замер в красивой позе человек в черной рубашке, продемонстрировавший четкий, решительный жест, советский арбитр, представляющий наш футбол-

ный корпус, и не без основания гордимся, слыша аплодисменты в его адрес:

— Молодец! Высоко держит марку. Значит, не зря пригласили на такое судейство. Оправдал и наше доверие тоже.

ФУТБОЛЬНЫЙ ЗВЕЗДОЧЕТ

Теперь его знают многие, во всяком случае те, кто так или иначе причастен к футболу. Я уже не говорю о специалистах, тренерах, игроках. Без его помощи в нашем солидном футбольном хозяйстве было бы куда меньше порядка, тогда как на первый взгляд весьма скромная, не очень заметная деятельность этого интересного, оригинального по-своему человека приносит немалую пользу всему отечественному футболу и, естественно, московскому в первую очередь!

Настало время назвать героя очерка, хотя, возможно, кое-кто из читателей, знакомый с людьми спорта, уже догадался, что речь пойдет о Константине Сергеевиче Есенине, которого в шутку называют в футбольных кругах звездочетом, имея в виду его склонность к систематизации всякого рода футбольной статистики, фиксации всех сколько-нибудь заметных событий в этом увлекательнейшем виде спорта.

А впервые он заявил о себе как о подающем надежды статистике в 1938 году. Тогда редакция газеты «Красный спорт» обратилась к своим читателям, предложив им ответить, как, по их мнению, закончатся четвертьфинальные, полуфинальные и финальные матчи на Кубок СССР по футболу. В конкурсе приняло участие несколько тысяч добровольных прогнозистов. А единственным, чей ответ был правильным, оказался Константин Сергеевич Есенин.

Таким был дебют. Он, надо полагать, окрылил победителя, и с тех пор жизнь его как бы разделилась надвое.

И той, второй ее половиной безраздельно завладел футбол!

С чего же начать?

Сообщить о его необыкновенном трудолюбии, усидчивости, наконец, отменной организации своих занятий, без коих вряд ли можно достичь осязаемых результатов?

Принято считать, что статистик, а Константин Сергеевич, инженер по образованию, известен широкой общественности как футбольный статистик, человек, якобы лишенный каких-либо эмоций. В лучшем случае внешне это очень спокойные люди, неторопливо, с паузами ведущие беседы об интересующих их предметах.

Таким или примерно таким видится окружающим исследователь, в нашем случае властелин цифр, пока не узнаешь его поближе...

Когда же свидание состоится, то все твои предыдущие, чаще всего книжные, надуманные представления о людях такого толка, как Константин Сергеевич Есенин, рассыпаются как картонный домик.

Через стекла очков на тебя несколько испытующе и очень внимательно смотрят доброжелательные глаза собеседника, конечно же понимающего, с какой целью, зачем пожаловал к нему коллега-журналист, и одновременно как бы говорящие прищелцу: «Неужели кто-то до сих пор считает, что то, чем мне приходится заниматься вот уже не один десяток лет, всего лишь хобби сезонного характера?..»

Я так не думаю, но тем не менее, зная Константина Сергеевича достаточно долго, будучи неплохо знакомым со многими его работами, не перестаю удивляться, хотя, повторяюсь, убежден, что модное слово «хобби» никак не отражает и сотой доли того, чем бескорыстно занимается Константин Есенин! Более того, узнав его покороче, увидев, как он работает, снова и в который раз постигаешь одну из, казалось бы, азбучных истин: сам

труд, процесс любого творчества, если он в радость, делает человека всегда интересным для окружающих!

Сказанное во многом относится к Константину Есенину. И тем не менее при всем моем глубоком уважении к нему, его заслугам и сделанному им поначалу, подчеркиваю это, может возникнуть впечатление в общем-то несерьезности занятия, которому отдано много сил и времени.

В самом деле, так ли уж это важно знать, кто, когда, где, кому вколотил гол, сколько раз вратарь отбил пенальти, а защитники (увы, бывает и такое) забивали мячи в свои ворота, видимо, не дождавшись, когда это за них сделают нападающие, но, естественно, в ворота соперников? Коротко говоря, надо ли огород городить, придумывать несуществующие проблемы там, где их вроде бы и не должно быть?

Оказывается, надо! И необходимо это довольно широкому кругу людей, и не только тем из них, кто имеет самое прямое, непосредственное отношение к футболу. Для последних же с виду невыразительно скучный парад цифр может сказать о многом.

Опытный, проницательный тренер, например, изучив футбольную арифметику, сравнивая, скажем, колонки цифр, отражающих результативность нападающих команды-соперницы, с которой вскоре предстоит играть его команде, немало почерпнет для себя. Давая установку на матч, такой наставник непременно обратит внимание своих защитников на то, за кем из конкурентов надо будет смотреть «в оба», кого опекать особенно бдительно.

А разве совсем небольшое число пропущенных мячей не говорит о крепости обороны и надежности вратаря?!

Разумеется, два приведенных примера слишком откровенны, что ли, чтобы на основании только их значимости, а она при всей своей простоте, очевидности все же есть, полностью судить о полезности статистики.

Есть примеры куда более сложные, чем взятые нами.

Очевидно, подход к футбольной цифре должен быть дифференцированным. В одном случае она может рассказать о какой-то слабости команды, в другом — о достоинствах ее игроков, ни разу за сезон не удаленных с поля, а это, в свою очередь, может навести на мысль об отменной морально-волевой подготовленности команды, умении ее футболистов блюсти игровую дисциплину. Более того, если суммировать подобную информацию за сезон, то можно получить данные о коллективном характере команды, степени устойчивости ее волевой мускулатуры.

Выходит, цифра не такая уж «молчаливица», как это может показаться человеку не пытливого, не любопытного в самом хорошем значении этого слова.

И когда слышишь из уст Константина Сергеевича, что он, перелистывая свои альбомы с самыми невероятными, на непосвященный взгляд, таблицами, выкладками, читает их как увлекательнейшую прозу, веришь ему! Веришь, потому что начинаешь понимать: приведенная им цифра может служить, да так оно зачастую и бывает, первым толчком к каким-то воспоминаниям. Иногда один голый результат, вне контекста вроде бы и ничего не говорит. А вынесенный за скобки, например, итог матча на первенство СССР между московскими динамовцами и ЦДКА — 3:2 в пользу армейцев сразу вызывает из запасников памяти захватывающую картину такого драматического футбольного боя равных, достойных друг друга соперников, какого не знала история нашего футбола!

Я хорошо помню этот матч во всех подробностях и вижу его участников, будто это было вчера. Вижу, как, срезав мяч в собственные ворота, схватился за голову великолепный центральный защитник Иван Кочетков, как он же, не растерявшись, ринулся вперед, увлекая за собой партнеров; помню удар в штангу динамовских ворот Вячеслава Соловьева, еще один, оказавшийся победным

удар вездесущего Всеволода Боброва и огорченное лицо Алексея Хомича, отменного вратаря динамовской дружины.

Вот о чем могут поведать цифры, если допустить, что при определенных обстоятельствах они перестают быть просто символами.

Константин Есенин старается дать их в таком обрамлении, снабжает такими простыми и точными комментариями, что цифры обретают какое-то новое, особое значение в рассказе о каком-либо значимом событии футбола.

В последние годы, кроме систематических публикаций на страницах советской печати, в первую очередь «Футбола — Хоккея» и «Советского спорта», Константин Сергеевич стал одним из постоянных участников футбольного телевизионного обзора и другой популярной передачи — радиостанции «Юность». Его спрашивают, с ним случается, его просят сделать прогноз и т. д.

Случаен ли сам по себе столь широкий выход скромного футбольного статистика в большую прессу, на экран телевидения, к радиомикрофону?

Думается, он вполне закономерен. Более того, уже сам факт подобных приглашений говорит о правомерности таких прогнозов, основанных не на гадании на кофейной гуще, а на точно выверенных данных за несколько лет и потому вполне могущих стать отменным строительным материалом для разного рода предположений, которые могут и не совпасть со стопроцентной точностью, но которые, и это Есенин доказывал неоднократно, бывали очень близки к итоговому результату либо имели не очень значительные отклонения.

Скажу больше, есенинский прогноз, назовем его так, независимо от результата того или иного футбольного матча заставляет тех же тренеров почаще прибегать к анализу, сопоставлению и обобщению многих фактов, что само по себе будит мысль, заставляет шире взглянуть

на многие типические явления футбольной жизни вообще.

Поэтому даже с этой, чисто утилитарной, точки зрения размышления такого рода настоящего статистика, чья работа выходит далеко за рамки механического наизывания цифр для создания законченной картины очередного чемпионата, трудно переоценить.

Но сегодняшний Константин Есенин — это уже далеко не тот несколько чудаковатый молодой человек, частенько наведывавшийся в редакции московских газет, в их отделы информации, освещающие, как правило, и спорт тоже. Ныне он вряд ли предложит кому-либо опубликовать таблицы, в которых приведены данные о том, сколько мячей влетело, скажем, в футбольные ворота, что находится в восточном секторе стадиона «Динамо», либо в западные, куда они были посланы нападающими «Спартака», когда команда встречалась с хозяевами поля, и т. д. Не предложит, ибо теперь, спустя много лет, накопив опыт, встречаясь неоднократно с поклонниками игры на заседаниях клуба любителей футбола, проводя лекции, Есенин понял, что такого рода статистика, кроме того, что она сама по себе не очень занимательна, просто ничему не учит. А раз так, то зачем же забивать драгоценную газетно-журнальную площадь заведомо никому не нужными сведениями?

Я читаю редакционную почту на протяжении многих лет, и меня не перестает удивлять, вызывает противоречивые чувства и мысли, когда мелким, убористым почерком автор какой-то новой системы подсчета очков, развивая мысли и желая, надо полагать, внести свою лепту, скажем, в улучшение календаря матчей всесоюзного чемпионата, продельывает поистине гигантскую по объему работу.

Первая реакция моя как читателя такова: сколько же времени надо было потратить на анализ и обоснование своего предложения, как нужно верить в его необходи-

мость, чтобы, допуская, что оно может быть отвергнуто, тем не менее продолжать усовершенствовать свой труд, доводя его до необходимой кондиции?!

Но, с другой стороны, если взглянуть на таких чужеродных, одержимых статистикой несколько в другом свете, то оказывается, что их старания в общем-то редко когда пропадают даром, ибо кое-что, наиболее разумные советы и предложения, опять-таки через прессу доходит до сведения тех, кто непосредственно занимается нашим немалым и, замечу попутно, беспокойным футбольным хозяйством.

Внешне однообразный труд статистика, неспособный, казалось бы, увлечь натуры пылкие, стремящиеся сразу же докопаться до истины, тем не менее воспитывает немало очень нужных в повседневной жизни качеств. Замечено, что люди, предрасположенные к длительному поиску, находящие для себя радость в небольших открытиях, как правило, предельно пунктуальны, обязательны и аккуратны.

Думаю, излишне подробно объяснять, откуда берутся все эти качества...

Но что-то найдя, открыв с помощью цифр, дальнейшего анализа и сопоставлений какое-то явление, касающееся того же футбола, более того, обнародовав его, тот же Константин Есенин считает, что он только-только нащупывает наиболее вероятный путь к истине. Пока он предложил свою рабочую гипотезу многим, что называется, выпустил «джинна из бутылки», еще неизвестно, какова будет реакция на предложение.

Кое-что из нововведения может быть принято, что-то отвергнуто, может быть, в конце концов, отмечена на корню вообще сама идея — и такое случается, и к такому исходу надо быть готовым.

Если новшество имеет какую-то общественную значимость, как, скажем, лимит ничьих, предложенный тем же

Есениным, чтобы исключить из практики нашего футбола так называемые «договорные ничьи», когда заведомо известен результат матча и его участники преподносят зрителю некую пародию на игру в футбол, вызывая раздражение трибун, стыд за известных футболистов, разыгрывающих нечто похожее на культивируемые в старое время турниры борцов на цирковой арене, где организаторам было заранее известно, что победит Красная маска, так как борец, выступающий в Черной, уже получил часть причитающегося ему гонорара за проигрыш менее сильному, а полностью получит за поражение при окончательном расчете с антрепренером.

Так вот, выдвинутое Есениным предложение вызвало столько разноречивых толков, мнений, породило, в свою очередь, столько контрпредложений, контрдоводов, что превратилось в самую настоящую животрепещущую проблему, требующую своего скорейшего разрешения.

Как известно, Федерация футбола СССР, Управление футбола Спорткомитета в экспериментальном порядке ввели в практику правило, гласящее, что после 8 ничьих (а сейчас 10 ничьих в высшей лиге и 12 в первой) команде, получившей их в ходе чемпионата, при каждой следующей ничьей очки не начисляются.

По-разному была воспринята эта поправка к правилам проведения чемпионата. Одни тренеры считали, что нельзя только такого рода чисто организационной реформой перевести наш футбол на атакующие рельсы, что сам характер ничейных исходов матчей далеко не одинаков, что надо в каждом отдельном случае скрупулезно разобраться, использовали ли соперники все имеющиеся у них возможности для взятия ворот, или, не искушая судьбу, поровну разделили очки, пройдя неудобного конкурента, надеясь, что, может, в следующей игре фортуна окажется более снисходительной к ним, и т. д.

Другие наставники футбольных дружин, располагающие стабильно сильным составом, не тревожась за свою

судьбу, ибо маловероятно, чтобы при относительной неудаче команда могла оказаться за чертой участников чемпионата в высшей лиге, поначалу вроде бы не придавали большого значения нововведению. Но когда их турнирное положение вопреки предположениям несколько пошатнулось и надо было играть только на выигрыш, дабы не выступать вхолостую, имея за плечами уже шесть-семь ничьих, здесь в полной мере проявились способности команды переламывать ход столь неудачно начавшегося для нее матча, выявился ее атакующий потенциал.

Значит, и для традиционных лидеров в новых условиях стало много труднее планировать стратегическую задачу — выигрыш призовых мест, чемпионских медалей. Раньше главные конкуренты на первенство могли разойтись миром, сыграв между собой гроссмейстерскую ничью. Ныне, имея неодинаковое количество очков и разных по силе соперников, с которыми еще предстояло встретиться и у которых тоже положение оказалось достаточно серьезное, чтобы играть на ничью, претендентам на чемпионское звание надо было выкладываться полностью, надеясь только на себя, не считая возможные потери или приобретения соседей по таблице.

Словом, известное оживление в игре наших лучших команд наступило, хотя было бы неверным утверждать, что введение лимита ничьих стало панацеей от всех зол. К сожалению, в нашем футболе еще хватает недостатков, и это лишний раз подтвердило неудачное выступление сборной команды СССР на чемпионате мира в Испании. Но то, что командам, исповедующим сугубо оборонительный футбол, продвижение к цели медленно, вполшага, дабы добыть хотя бы одно спасительное очко и остаться в высшем классе, жить стало много труднее — факт неоспоримый. И в этом смысле лимит ничьих, не являясь кардинальным решением проблемы улучшения организации игры, роста результативности лучших

команд, а значит, зрелищности самого футбола, тем не менее сыграл и продолжает играть положительную роль.

Проблема, выдвинутая на повестку дня с легкой руки либо пера, скажем так, думающего, серьезного статистика, вызвав разноречивые толки и мнения, настолько увеличила почту самого Константина Сергеевича, что он как-то пошутил: «Хоть обзаводись личной секретаршей».

Легче, наверное, сказать, откуда ему не пишут, чем перечислить все адреса его корреспондентов. И как это ни хлопотно, он рад такому потоку вопросов, ибо, отвечая на письма, нередко видишь собственные ошибки, промахи и бываешь благодарен доброжелательным критикам. Более того, в иных письмах находишь полемический заряд, тебя вызывают на дискуссию, на спор, а спор, если это не просто обмен уколами, дабы в чем-то уличить оппонента, бестактно указать на допущенный промах, всегда проясняет неясное, приносит обоюдную пользу.

Думаю, что сегодня, если говорить только о московских статистиках, можно уже считать, что начинание Константина Есенина имеет немало последователей, преданных футболу, как и он, их негласный старейшина, безраздельно отдающих любимому занятию все свободное время.

Проследившая кропотливейшую многолетнюю работу Есенина-статистика, как-то забываешь обо всех других его делах и, пожалуй, едва ли не главным — тщательном собирании рукописей и уникальных изданий своего знаменитого отца — великого русского советского поэта Сергея Есенина, всего того, что окружало его при жизни.

Не унаследовавший поэтический дар родителя, Константин Сергеевич, однако, человек с несомненной творческой жилкой. Перо журналиста Константина Есенина легкое и яркое. В этом убеждаешься, читая его комментарии и обзоры. Кстати сказать, в них не всегда главенствующая роль принадлежит цифре. Нет. То есть совсем без нее статистика обойтись не может, она как бы покор-

но следует за словом, подкрепляя своим присутствием вывод, который от такого соседства становится еще более весомым и убедительным.

Человек доброго, отзывчивого сердца, Константин Сергеевич с удовольствием даст справку товарищу, поможет советом, объяснит природу допущенной ошибки, более того, упредит ее, найдя неточность в еще неопубликованной рукописи коллеги, дабы она не просочилась на страницы газет и журналов.

Бывает, однако, что спрашивающий раздражает его. И главным образом не самой просьбой, а ее характером. Есенин, например, считает, что профессионально пишущий о футболе журналист просто не имеет права не знать каких-то очевидных истин, что известны даже школьникам.

Будучи человеком организованным, ценя свое и чужое время, он, следуя золотому правилу — каждой бумажке свое постоянное место, завел своеобразную картотеку, где сгруппированы письма, как он заметил, по интересам. «В каждом гнезде своя тема», — разъяснил мне ее нехитрое устройство хозяин комнаты, в которой на многочисленных этажах стеллажей хранится едва ли не все, что так или иначе связано с историей нашего отечественного футбола.

Здесь немало авторских книг, справочников, вырезок из газет и журналов. Еще больше места занимают, как классифицирует свои статистические залежи их автор, полуфабрикаты, ждущие очереди попасть в новую книгу. Та, о которой не перестает мечтать сам Константин Сергеевич, должна, по его мнению, называться «История советского футбола», труд солидный, скорее всего коллектива авторов. А главным его вдохновителем и одним из самых компетентных авторов, можно предположить, будет Константин Сергеевич Есенин!

Возражений против такого предложения, вероятно, не последует...

ГОВОРИТ И ПОКАЗЫВАЕТ МОСКВА...

Эта телефраза, своеобразная звуковая заставка перед телепередачей, стала настолько привычной для каждого из нас, что мы как-то не задумываемся, принимая уведомление диктора, за которым, мы этого очень хотим, должно непременно последовать что-то особо интересное, увлекательное, то, ради чего, собственно, и хочется включить телевизор!

Если это вечернее время, в восьми случаях из десяти нам предложат спортивные сюжеты, а среди них, в зависимости от сезонности, почти половину составят телерепортажи о футбольных и хоккейных матчах.

Так принято сейчас. А когда-то слов «показывает Москва» не было. То есть быть они конечно же были, но существовали вне «эфирного времени», говоря языком радио- или тележурналистов.

Тогда, когда главным средством массовой информации было только радио, услышав: «Внимание, говорит Москва, говорит Москва!», мы обращали взоры к черным картонным тарелкам репродукторов и... превращались в слух! Если же речь шла о спорте, то вскоре в комнату врвался такой знакомый, чуть с хрипотцой голос комментатора, что ошибиться было невозможно — это он, Вадим Синявский!

Могут, правда, возразить: как же можно было ошибиться, когда в то время, а это середина 40-х годов, практически один Вадим Синявский и занимался спортивным радиорепортажем?

Так-то оно так. И все-таки не совсем так.

Узнаваемость Синявского была особая. Даже до конца его яркой жизни, удивительно насыщенной событиями, причем очень большой значимости и не только спортивными. Военный корреспондент, блистательный спортивный репортер, журналист Синявский обладал неповторимым, присущим только ему голосом в эфире, отличным от

других. Когда к микрофону стали все чаще подходить Николай Озеров, Наум Дымарский, Владислав Семенов, а если говорить о футболе, то тоже его ученик заслуженный мастер спорта динамовец Виктор Иванович Дубинин, еще позднее заслуженный мастер спорта баскетболистка Нина Еремина, и тогда голос Синявского, его темпераментная, огневая манера вести радиорепортажи оставались сугубо оригинальными, выдавая почерк пионера нашей спортивной радиожурналистики.

Собственно, все названные выше его коллеги и не названные тоже и поныне считают себя учениками Вадима Святославовича Синявского.

«Он был нашими глазами и ушами», — сказал как-то о Синявском известный легкоатлет, чемпион Европы динамовец Николай Каракулов. И это было правдой.

У меня в ушах, будто это было вчера, звучит торжественно-победный голос Вадима Синявского, прорвавшийся к нам в армейскую казарму из далекой туманной Англии в 1945 году, когда московские динамовцы держали там экзамен на футбольную зрелость и блестяще выдержали его, победив в нескольких матчах лучших представителей английского профессионального футбола и, что особенно примечательно, на их же полях, что явилось в буквальном смысле слова сенсацией. 19:9! — таков общий итог этого исторического спортивного турне, развеявшего миф о непобедимости родоначальников футбола и доказавшего воочию силу советского футбола, его прогрессивную направленность.

Пресса единодушно отметила коллективную игру нашей команды, прозванной именно за это ее качество «Динамо-машиной», противостоять которой у английских профессионалов не нашлось сколько-нибудь сильного ответного хода.

И когда после временной потери связи с Москвой в эфир наконец-то прорвался знакомый миллионам слушателей голос Вадима Синявского: «Поцелуйте Василия

Карцева, друзья! Мне трудно передать словами, какой важный и красивый гол забил он», — ликование у нас в роте не было границ! Нетрудно представить, какова была реакция и всех, кто в разных уголках нашей необъятной страны слушал в те счастливые для всего нашего спорта слова Синявского.

Ведь все прекрасно понимали, что эта победная напряженнейшая серия матчей была больше, чем обычный спортивный успех. Они, эти победы московских динамовцев, образно выражаясь, «прорубили окно» в футбольную Европу, утвердили силу отечественной футбольной школы, силу советского спорта.

Есть такое понятие — «зримая проза». Под ним подразумевается умение пишущего с помощью слов создавать яркие, запоминающиеся картины, ситуации, когда читателю остается только чуточку напрячь воображение, чтобы перед его мысленным взором возникло определенное действие, событие, которое он увидит со всеми подробностями и которое оттого станет еще более понятным, конкретным, вызывая у него как бы дополнительные ассоциации, интерес.

Таким даром словописы в полной мере обладал Вадим Синявский, рассказывавший о футболе так, что, сидя дома, у приемника, слушатель видел в мельчайших подробностях все происходящее на стадионе «Динамо», будто он и впрямь находился на его трибуне.

Но сказать о Синявском, что он был лишь отменным мастером своего дела, — значит либо ничего не сказать, либо сказать далеко не все об этом удивительном человеке и журналисте, чей вклад в развитие советского футбола вообще, московского в частности просто трудно переоценить.

Синявский своими репортажами не только ярко, убедительно, увлеченно агитировал за футбол, пропагандировал его в массах. От него нельзя было услышать, к примеру, такой фразы: «Приходите, друзья, на стадион,

право же, не пожалеете о зря потраченном времени». Нет! Тем не менее его репортажи привлекали множество людей не столько к футбольному боению, так сказать, очному, сколько отрывали многих из них от неинтересного времяпрепровождения, отдыха под аккомпанемент костяшек домино, от сидячего образа жизни, пробуждали естественное, но нередко забытое желание двигаться, ощущать мышечную радость от ежедневной утренней прогулки, небыстрого бега...

Добавлю для тех, кто, возможно, не знает, что Вадим Синявский одним из первых стал пропагандировать утреннюю гимнастику по радио. Это уже потом у него возникла идея о футбольных репортажах, столь успешно воплощенная им на практике.

Футбол для него был первой и главной любовью. Но Синявского считали своим и представители всех других видов спорта, не исключая и, казалось бы, такого явно не динамичного, сидячего, как шахматы, где вроде бы негде развернуться темпераменту спортивного репортера.

Но разве можно представить себе шахматный турнир тех лет без Вадима Синявского? Разве не он, ведя интереснейшие диалоги с кем-либо из мастеров или гроссмейстеров, чаще всего с гроссмейстером Александром Толушем, анализировал в специальных шахматных выпусках отложенные партии, неизменно произнося в конце обзора: «А теперь, товарищи, прошу взять карандаши и ручки и записать отложенную позицию. Итак, первый ход белых. Они пошли конем на Ф (Фекла) шесть, черные ответили выпадом слона на Ц (Цапля) три. В такой позиции партия была отложена и будет доигрываться завтра в Центральном шахматном клубе...»

Если хотите, Синявский был своеобразным спортивным энциклопедистом. И шло это не от его журналистской всеядности. Нет! Он просто не мог, не мыслил свою жизнь без спорта, вне его бурлящей эмоциями атмосферы, ко-

торая нужна была ему самому как воздух и которую он сам умел великолепно создавать своим волшебным словом. Спасибо ему за это!

Мне иногда казалось, что он никогда не пользовался отпуском. Поездки по стране и за рубеж, подготовка к новым репортажам, встречи с рабочими московских заводов и фабрик, с любителями спорта в домах творчества. Легче, наверное, сказать, где не бывал этот просто-таки изумительной энергии человек, способный за день сделать столько, сколько с лихвой хватило бы как минимум на двоих-троих людей явно делового склада.

Никогда не забуду, как Синявский... слушал Синявского.

Более строгого, придирчивого критика, чем он, трудно себе представить! «Сережа, попрошу поставить на магнитофон это место пленки. И прокрути еще разок, пожалуйста», — бросал он совсем юному еще лаборанту в студии. Прослушав необходимый ему кусок репортажа, он укоризненно качал головой, говорил сам себе, будто стоя перед воображаемым зеркалом: «И вам не стыдно, товарищ Синявский, не жаль было ушей ваших слушателей, когда вы засорили эфир такой нелепой фразой? Двойку с минусом и то многовато выставить тебе, старина, за такие «шедевры»!»

Зато каким по-настоящему счастливым делалось его лицо от удачной находки, когда в его характерно-пулеметной репортерской скороговорке вдруг прорывалась удачная импровизация, окрасившая в нужную тональность весь кусок репортажа, сделанного как бы на одном дыхании!

Такая импровизация рождалась зачастую непроизвольно, по какому-то наитию. Бывало и так. Но редко когда она появлялась на абсолютно пустом месте. Ей всегда предшествовали предварительная работа, осмысление возможной ситуации и приблизительная реакция комментатора на не запланированные ходом матча собы-

тие, эпизод, которые, возникнув, тем не менее не могли не найти своего отражения в репортаже.

Легкость, находчивость, умение пользоваться радиокрасками — все эти предварительные заготовки возникали, разумеется, не вдруг. До поры до времени они как бы лежали в запасниках его памяти, чтобы в нужный момент сработать незамедлительно и вовремя.

Синявский, кроме великолепного знания спорта, всех его видов, отлично знал его людей, дружил со многими выдающимися чемпионами и рекордсменами, знал психологию спортсменов, какие-то любопытные подробности их жизни, мог при случае к месту во время репортажа поздравить, например, с днем рождения спортсмена. И все это не перебарщивая, просто, в нужной тональности, без какого-либо намека на рекламную шумиху.

Работающие на создание радиообраза спортсмена детали отбирались Синявским очень тщательно и искусно вплетались им в единую ткань репортажа объективно и без нажима. И слушатель никогда не замечал словесных швов, фальши в предлагаемой ему сценке, всегда принимая дошедшее до его слуха как импровизацию, что в общем-то у Синявского бывало, так как он больше всего ценил в искусстве репортажа импровизационное начало, если оно, конечно, не уведило человека с микрофоном от его прямых обязанностей — вещать об увиденном, не отходя от фактов и не искажая общей картины матча.

Синявский был человеком очень популярным. О нем ходило по Москве немало разноречивых слухов и историй, подчас граничащих с анекдотическими. Нет смысла их пересказывать, но наиболее остроумные из них принадлежали, как свидетельствовали его друзья, самому Синявскому, о чем он, правда, всегда умалчивал, не занимаясь такого рода саморекламой.

Многие, в том числе и его некоторые близкие друзья, почему-то приписывали Синявскому одностороннее, скажем так, боление за команду московского «Динамо».

Что ж, не стану лукавить, какая-то, причем не такая уж малая, доля истины в таком утверждении была. Но, во-первых, Синявский никогда не скрывал своих привязанностей, будь то команда либо спортсмен, и, думаю, вряд ли найдется человек, кто бы смог привести хотя бы один-единственный случай, когда Синявский покривил душой, выдавая желаемое за действительное, хваля команду, известного чемпиона только по инерции, за прежние заслуги. Не было такого.

Он и сам никогда не жил на проценты с былой славы. А популярность его, повторяю еще раз, была необычайной.

Уча других, передавая молодежи свой богатейший опыт, Синявский не переставал учиться сам. Он умел радоваться чужому успеху, а это, согласитесь, довольно редкое качество. Не каждый способен посвятить другого в тайны своей профессии, прекрасно понимая, что тот другой, известный спортсмен, подойдя к микрофону раз, другой, третий, где-то на сотой попытке сможет обрести свой голос и в конце концов просто затмить учителя.

Синявский никогда не боялся конкуренции, напротив, он находил в творческом соревновании стимул для роста своего мастерства и мастерства коллег.

Он первым благословил и стал, что называется, крестным отцом в радиожурналистике Николая Озерова, приветствовал появление оригинального футбольного комментатора из Грузии Котэ Махарадзе, умеющего в мягкой, южной манере, с известной толикой грузинского акцента, когда репортажи ведутся им по-русски, интересно рассказывать о футболе, создавая свежую звуковую гамму для слушателя.

Многим обязан Синявскому и его ленинградский коллега Виктор Набутов. В прошлом отменный вратарь местного «Динамо», Набутов нашел свою, оригинальную форму ведения радиорепортажей. Зная футбол, как говорится, изнутри, по собственному опыту, он, казалось

бы, имел моральное право пользоваться местоимением первого лица. И если в его первых радиоработах нет-нет да и проскальзывало «ячество», то в последующих он сумел изжить этот недостаток, освободиться от некоторого самолюбования в эфире. Что же касается его манеры радиорассказчика, то она у Набутова была в меру ироничной и мягкой, сдобренной шутивными отступлениями и остроумными репликами в адрес участников игры, каждого из которых — черточки характера, любимые приемы, разного рода суеверия и т. д., могущие вызвать улыбку у слушателя,— Виктор знал великолепно и при случае умел, что называется, попадать в яблочко!

— Больше всего,— вспоминал как-то Набутов,— я боялся, чтобы кто-то меня не упрекнул в копировании манеры Синявского работать у микрофона.

— И все-таки в твоём любимом городе тебя, как я уже неоднократно слышал от твоих земляков, называют ленинградским Синявским. Как ты на это смотришь? — спросил я Виктора.

— От приятных сравнений отказываться вроде бы грешно. Не ропщу и продолжаю купаться в лучах чужой славы,— отшутился он. И уже серьезно добавил: — Вадим — радиобог! Общий наш, спортивных радиорепортеров, учитель. Но я,— он наклонился ко мне,— только по секрету, на правах старого знакомства, не теряю надежды на то, что, приехав однажды в Москву, услышу из уст ваших болельщиков что-нибудь вроде такой фразы: «Синявский? Да это же наш московский Набутов!»

Выдав «на-гора» очередную байку, которая, судя по всему, пришлась ему по душе, он снова оказался в своей родной стихии, этот почти всегда улыбающийся балагур и прекрасный товарищ, умевший создавать у окружающих приподнятое настроение.

Слушать его можно было часами. И в этом смысле они с Вадимом Синявским были, что называется, молочными братьями. И как-то не верилось в то, что за пле-

чами Набутова блокадные дни и ночи его родного Ленинграда, который он, моряк и воин, защищал, храбро сражаясь с коварным и сильным врагом.

А в 1942 году он был участником знаменитого блокадного матча, когда, несмотря на кольцо окружения, в Ленинграде играли в футбол!

И не только в Ленинграде.

Драматически, с поистине трагической концовкой вошел в историю не только нашего футбола, но и как акт мужества и героизма в летопись Великой Отечественной войны подвиг футболистов киевского «Динамо», вышедших на матч против команды фашистских захватчиков в оккупированном Киеве.

Зная, что в случае победы им грозит смертная казнь, динамовцы, однако, не спасовали, не пошли на сделку с совестью и, показав настоящее мастерство, обыграли фашистов!

Глубокой осенью 1943 года, после освобождения столицы Украины от немецких захватчиков стало известно о подвиге киевских футболистов, казненных гитлеровцами.

Мы вспомнили с Виктором Набутовым, каким великолепным вратарем был Николай Трусевич, как бил штрафные почти с центра поля, «выстреливая» мячом словно из пушки, Александр Кузьменко... Какие были спортсмены!

— Кстати,— добавил Виктор,— советую прочесть повесть Александра Борщаговского «Сильные не умирают!». Это о них, киевских футболистах. И хотя фамилии в книге изменены, нетрудно узнать в вымышленных персонажах их реальные прототипы.

Мы помолчали. И Виктор продолжил свой рассказ о Синявском:

— Вадим тогда вел репортажи с фронта, там и потерял глаз. Воевал храбро, так же, как ярко жил.

— Да, Синявский есть Синявский, старик, и этим все сказано!

Тот наш разговор с Виктором Набутовым я всегда вспоминаю, когда речь заходит о Вадиме Синявском.

Будучи прирожденным радиожурналистом, Синявский сразу понял, что с началом эры телерепортажей его манера закадрового рассказчика уже не годится, что телерепортажи требуют другой техники подачи материала, и наблюдающему за игрой зрителю у домашнего экрана многое было ясно и без подробностей, большинство которых стало ненужными. Очевидно, именно по этой причине Синявский остался верным радио и почти не занимался телерепортажами.

Тем не менее влияние его по-прежнему велико. И это заметно ныне в работе у микрофона новой плеяды репортеров, таких, как Георгий Саркисянц, Владимир Маслаченко, Владимир Перетурин, Валентин Скарятин, а теперь еще и великолепный в не столь давнем прошлом мастер футбола Сергей Сальников, уступающий, правда пока, в опыте названным его коллегам, но ищущий свою манеру телерассказчика об игре, в которой он много лет блистал, показывая образцы филигранного технического умения и тактической зрелости.

Теперь в каждой из наших республик есть свои Синявские, свои радио- и тележурналисты. Не все они слышали Синявского, но, убежден, все невольно следуют традициям нашего спортивного радиопервопроходца. Его лучшие репортажи стали хрестоматийными. До сих пор приходится слышать от коллег, работающих на радио и телевидении: «Помнишь, как Вадим (именно так, не называя фамилии) вел репортажи с первой Спартакиады народов СССР, с первой Олимпиады, где участвовали советские спортсмены? А какими остроумными бывали его работы, где действующими лицами оказывались несколько знаменитостей, таких, как Всеволод Бобров, конькобежки Мария Исакова, Римма Жукова, Зоя Холщевникова и многие другие!»

Все эти работы Синявского получили бы сейчас непре-

менно Знак качества! Не знаю, сохранились ли пленки с его лучшими репортажами, если нет, то можно только сожалеть, что те, кто захочет работать у микрофона, не будут иметь столь замечательного учебного пособия, какими бы могли стать репортажи, увлекательные радиорассказы о футболе и спорте вообще большого мастера, каким был и всегда останется в памяти его многомиллионной аудитории слушателей Вадим Синявский!

ДОЖИВЕМ ДО... ВТОРНИКА

Люди по-разному читают газеты.

Иные за две автобусные остановки до работы успевают пробежать глазами все ее полосы, причем для последней, четвертой, ухитряются выкроить минутку-другую даже в утренние часы пик! Потому как именно там по соседству с разнообразной информацией «прописался» отчет о футбольном матче, и не прочитать его истый любитель спорта просто не имеет права.

Расхожее выражение «о вкусах не спорят», возможно и верное для многих случаев жизни, применительно к футболу абсолютно неприемлемо. И не удивляйтесь и не протестуйте, пожалуйста. Отнимите у поклонников футбола их право высказывать свою точку зрения на любимую игру — и трибуны быстро опустеют, зеленое поле зарастет бурьяном, а футболисты объявят всемирную забастовку, ибо матч при полной тишине может повредить им барабанные перепонки: лишившись привычных раздражителей, они лопнут от ничегонеделания.

Понимаю, что несколько сгустил краски, но не настолько, чтобы не заметить: «Не говорить о футболе нельзя!»

А писать? Писать можно?!

Вот тут, в этом месте рассказа, автору видится не один, а как минимум несколько вопросительных знаков.

Помните, наверное, старинное присловье: «Что написано пером, того не вырубишь топором».

Писать о футболе — факт, сотни раз проверенный, — хотят многие, очень многие. Я знал одного весьма способного инженера, который как-то в разговоре не преминул заметить, что называется, на полном серьезе, что не задумываясь оставил бы свой служебный кабинет, отказался от разного рода привилегий в обмен на то, чтобы писать в «Советском спорте» хотя бы вторым номером, как он выразился, отчеты о матчах, пусть даже не центральных, а рядовых!

Что это, графоманство? Погоня за сиюминутной популярностью? Желание непременно увидеть свою фамилию, венчающую рассказ о футболе?

Не ищите в описываемой ситуации однозначного ответа. Его просто не может быть! Единственно, что проглядывает в таком едва ли не повальном стремлении к рецензированию, так это, по-моему, желание почти каждого видевшего матч узнать, что данная им оценка, разумеется, беспрекословно точная и объективная, будет доведена до сведения многих тысяч!

На худой конец, такой страждущий писать готов иной раз боготворить репортера не столько за то, что тот ярко, сочно, правдиво написал, а за то, что он, репортер, написал именно то, что думал, предсказывал читатель («А я что говорил, ребята?!»). «Сверим часы», — как бы предлагает он автору отчета, вчитываясь в его текст.

Я намеренно несколько затянул экспозицию рассказа о своих коллегах, спортивных журналистах Москвы, и в первую очередь о тех, кто пишет о футболе, для того, чтобы читателю стало ясно, каким непростым делом занимаются люди с блокнотами в руках, перекладывающие каждый по-своему на язык газеты наиболее значительные, весомые события, происходящие в прямоугольнике футбольного поля.

Их не так уж много. Все они очень разные. Но сбли-

жает их одно — преданная любовь к футболу, его людям, коих они великолепно знают и о которых пишут каждый в меру своих способностей, но, как правило, правдиво и честно.

Маленькая, всего в 30—40 строк заметка. Казалось бы, что можно рассказать на таком «носовом платке»? Оказывается, можно, если написана она интересно, живо, по-журналистски «вкусно» и, это главное, со знанием дела. Простые, азбучные истины. Верно. А тон? Как он много значит, каков он? Не перехлестнул ли репортер в своем рвении подбавить перцу в отчет? Во всяком случае ему он показался и в меру объективным, и чуточку злым, но не более того.

Тогда почему же, увидев свой отчет в газете в руках рабочего парня, что-то запальчиво объясняющего соседу в вагоне метро, репортер начинает сомневаться: может, он и впрямь пересолил в критическом абзаце, зазря обидел игрока, а значит, и команду тоже?

И пойдут письма в редакцию: «Как же это можно, не разобравшись в том, кто действительно виновник происшедшего, так-то с плеча? И где ваш сотрудник мог увидеть такое?..» Словом, получилась клякса.

Нечасто они случаются, но когда случаются — хоть убегай из редакции. Вроде бы никто тебя не корит в открытую, а в глазах осуждение: «Что же ты, брат, мы тебе доверяем, а ты вот как нашу марку в дегте вывалял!»

Я это к тому, что, очевидно, не все представляют себе, а если и представляют, то все-таки не очень ясно и точно, как много значит печатное слово для футболистов и тренеров. Объективное, яркое, с точно обозначенным акцентом, слово журналиста может помочь тренеру в работе, и в первую очередь в воспитательной. И напротив, захваливание, неумное славословие приводят к тому, что на критику товарищей и наставников провинившийся игрок отвечает нередко тем, что показывает всей команде хвалебную статью о себе да еще с портретом: «Вот вы меня

здесь прорабатываете, а обо мне вон как Николай Сидоров написал. А он зря не похвалит!»

Попробуй после такого дифирамба докажи новоиспеченной «звезде», что, не будь усилий всего коллектива, никогда не забить бы ему тех трех голов, что приписал репортер, вольно или невольно, способностям лишь одного форварда.

Коротко говоря, перо и футбольный мяч связаны какой-то невидимой, незримой нитью. И связь эту невозможно разорвать, чтобы не разрушить союз, скрепленный в первую очередь обоюдным интересом сторон. Тех, кто игрой яркой, темпераментной завораживает нас на трибунах, и других, кто не менее ярко и тоже не бесстрастно, с огоньком восстановит нам в деталях вчерашний матч теперь уже на газетной полосе.

А сколько материала, как мы, газетчики, говорим, фактуры остается за кадром, в записных книжках! Сколько историй — самых разных: смешных, с грустинкой — могут, к примеру, поведать блокноты одного из старейшин нашего футбольного репортерского цеха обозревателя газеты «Труд» Юрия Ильича Ваньята, подписывающего свои заметки и обозрения, как правило, «Юр. Ваньят».

Итак — рассказ о футбольных репортерах. И Юр. Ваньят в этом списке должен быть представлен первым и по старшинству, и по праву журналиста, вот уже много лет остающегося одним из лидеров.

Его главное качество профессионала — отменное знание описываемого предмета, своевременность выступления, точное попадание в «яблочко» проблемы, ставшей настолько «горячей», что она просто требует выхода на газетную полосу. Можно, разумеется, не всегда согласиться с тем, как написаны его отдельные репортажи, вкусовые оценки всегда были и остаются. Но никто, я в этом убежден, никогда не отвергнет, не забракует ничто содержание статей, написанных пером Юр. Ваньята.

Должен оговориться: сказанное мною о каждом собрате по перу ни в коем случае не какая-то официальная табель о рангах, поэтому автор не связывает себя в изложении каким-то порядковым перечнем с указанием непременно номера, под каким мог бы значиться тот или другой журналист. И тем не менее, продолжая рассказ, не могу не назвать одно имя, имеющее не просто блестящую репутацию, но вот уже более двадцати лет радующее самое разнообразное и строгое читателя и не перестающее удивлять также всех без исключения его коллег. Я говорю о нем столь уверенно, не опасаясь подсластить абзац превосходной степенью, ибо речь пойдет о Льве Филатове, до недавнего времени работавшем редактором еженедельника «Футбол — Хоккей».

Какой он редактор — лучше судить по самому изданию, которое, надо полагать, со мною согласятся многие, стало в один ряд с лучшими аналогичными изданиями в мире.

Филатов-журналист много сложнее, многоплановее. Он умеет каждый раз так говорить о футболе, как никто о нем в общем-то не говорил. Думается, определения «свой почерк», «свой голос» при всей их смысловой близости все-таки не полностью передают своеобразие его письма. Будучи очевидцем очень многих крупных турниров, нескольких чемпионатов мира, имея полное право писать от первого лица, Филатов очень тактично пользуется местоймением первого лица, никогда не занимаясь «ячеством», столь раздражающим, если к тому же пишущий сообщает читателю о вещах широко известных, напоминая ему, что «Волга впадает в Каспийское море, а лошади кушают овес...».

Филатову подвластны все жанры. Он нередко показывал образцы чисто репортерской работы, передавая отчеты в номер для «Советского спорта», а спустя несколько часов, «отдышавшись», диктовал широкие обзорные статьи для своего еженедельника, что называется, по горяче-

му следу, оставив в своих творческих запасниках еще немало наблюдений. Вернувшись из командировки, разобравшись в этих запасниках теперь уже в спокойной обстановке, он писал, обобщая увиденное, с публицистическим поворотом, радуя читателя возвратом к любимой теме.

Если порыться в старых газетных подшивках и выписать на отдельный лист статьи, репортажи, фельетоны, обзоры, очерки и очерковые зарисовки, подписанные именем журналиста Ильи Бару, можно, без преувеличения, составить довольно солидный сборник, большая часть которого будет отведена футболу. Но дело, разумеется, не столько в количестве, сколько в качестве публикаций, каждая из которых независимо от размера и повода, по которому она была написана, представляет, не побоюсь перефразировать, как правило, украшение номера газеты или журнала, пригласившего Илью Витальевича написать для них!

Согласитесь, не часто случается, когда одного, подчеркиваю, одного журналиста хотят заполучить для сотрудничества сразу две-три редакции! Сказанное полностью относится к Илье Бару.

Помнится, я собирал материал для репортажа о предсезонной подготовке футболистов московского «Динамо». Уже после тренировки, когда я все записал, ко мне подошли несколько молодых парней из дублирующего состава и спросили: «Извините, пожалуйста, вы случайно не Илья Бару?» Я ответил отрицательно, но, честное слово, первый раз, наверное, искренне позавидовал своему коллеге, позавидовал, как говорится, белой завистью, ибо что может быть приятнее для пишущего человека, чем сознание, что его читают, что написанное его пером кому-то нужно, что, наконец, он не даром ест свой журналистский хлеб! Не ошибусь, сказав, что по своему дарованию публициста, именно в этом качестве особенно, Бару пока не имеет себе равных в нашей спортивной журналистике.

Его, как и Филатова, без каких-либо натяжек можно называть писателем, и это будет сущей правдой.

Бару всегда узнаваем, какой бы псевдоним себе ни выбрал, хотя, как правило, подписывается своим именем, не прячась за выдуманные, и главным образом потому, что ему не приходится краснеть за свою работу. Как-то в одной из них, написанной для «Футбола — Хоккея», при верстке выпала фамилия автора, а им был Илья Бару, с теплотой и знанием дела рассказавший о братьях Дементьевых — Петре и Николае, двух великолепных мастерах. И что же? Несколько читателей позвонили, а с десяток, не меньше, сообщили письмами о своей догадке в редакцию, назвав фамилию автора.

На первый взгляд малозначимый факт. А он между тем говорит о многом, и в первую очередь о мастерстве самого автора, приучившего читателей к своей манере письма и, добавлю, научившего тех из них, кто мечтает попробовать свои силы в журналистике, работать пером так, чтобы вышедшее из-под него западало в душу, а если говорить о том же футболе — звало на стадион.

Остается добавить, что Илья Витальевич Бару много лет работает внештатно, а с недавних пор стал членом группкома московских литераторов.

Не оригинальности ради предлагаемая вниманию читателя глава о репортерах названа «Доживем до... вторника».

Ведь, кроме «Правды» и «Известий», выходящих ежедневно, и «Вечерней Москвы», выходящей в понедельник, все газеты попадают к читателю во вторник. И если «Правда» и «Известия», естественно, могут сообщить о новостях спорта первыми, вечерняя газета — на следующий день, но приведя уже известные подробности, то всем остальным репортерам, чьи заметки появятся только на третий день после воскресного матча, надо проявить немало выдумки в подаче материала, чтобы, повторив уже известное (речь идет о результате состязаний),

подать свои репортажи так, чтобы они читались почти как сиюминутные зарисовки с интересными деталями и обыгryшами каких-то наиболее значимых эпизодов.

Словом, происходит и, думаю, всегда сохранится некое негласное соревнование «футбольных перьев». Мне почему-то всегда хотелось заглянуть в исписанные торопливыми почерками листки репортерских блокнотов. Что в них? Какими будут их завтрашние репортажи, станут ли они достойными матча лидеров, который мы только что наблюдали?

А здесь еще появился очень серьезный соперник — телерепортаж. Зритель, сидя дома перед экраном телевизора, знает уже все подробности. На долю же репортера-газетчика выпадает не только напомнить о происшедших событиях на футбольном поле. Журналист как бы приглашает читателя, нередко вчерашнего зрителя, продолжить начатый разговор, предлагая ему свою точку зрения на увиденное и как бы вызывая на спор.

Мнение пишущего, как и любое вообще, может быть далеко не однозначным и, разумеется, не единственным. Но если репортер сумел-таки вызвать интерес у читателя пересказом того, что тому уже известно, значит, он выполнил свою задачу. Причем надо быть достаточно большим выдумщиком, не повторяться, ибо в противном случае удачно найденная краска, свежий, интересный поворот рискуют превратиться в штамп, перестанут быть дополнительным раздражителем для читателя.

Но иногда удачно найденная форма, как, скажем, «Снеговик», эмблема хоккейного турнира на приз «Известий», вылепленный ее спортивным обозревателем Борисом Федосовым, появившись однажды, становится долговечной. А избранная журналистом манера разговаривать с читателем от имени «Снеговика» позволила ему, оставаясь в рамках привычного, каждый раз расцветивать монологи своего героя, делая это на хорошем литературном уровне и сохраняя в небольших по размеру

заметках необходимый информационный заряд и шутиливо-ироничную интонацию.

Вспомнив про «Снеговика», невольно подумал: а почему бы не завести подобные футбольные талисманы и для спортивных полос других газет, вложив в их уста какие-то остроумные интервью, прогнозы футбольной погоды на неделю, критические залпы в адрес грубиянов, словом, задавать десятки возникающих по ходу чемпионата вопросов, в том числе и читателям, проводя своеобразное анкетирование, чтобы выяснить отношение общественности к какой-либо злободневной футбольной теме.

От ошибок, разумеется, никто не застрахован. Но ошибки человека с пером — особые ошибки. Они, хотите вы того или нет, создают неправильное общественное мнение, принося довольно ощутимый вред игроку, команде, спортивному обществу.

Очевидно, золотое правило «семь раз отмерь, один раз отрежь» родилось едва ли не в первую очередь для тех, кто по роду своей работы является одним из творцов хорошего настроения, а журналисты, согласитесь, могут причислить себя к таким людям, создавая необходимый микроклимат доверия между участниками соревнования и трибунами, если говорить о футболе.

Взявший в руки газету или журнал безгранично верит написанному, верит, еще не начав знакомиться с содержанием статьи, если к тому же она подписана известным мастером спорта или авторитетным журналистом.

Магия имени... От нее никуда не денешься. Я, например, да разве я один, всегда с удвоенным вниманием читаю все, что идет за подписью Виктора Понедельника. На первых порах, появившись в печати, его работы, содержательные сами по себе, отражали более всего взгляд вчерашнего футбольного лидера, выступавшего немало лет за команду ростовского СКА и сборную команду страны. Анализ увиденного им бывал зачастую несколько прямолинейным, критические пассажи жестки и безапелляционны,

словом, многое мерилось им по чисто личностным меркам, и такое можно было понять. Поварившись же в журналистском котле, узнав всю кухню в хорошем смысле этого слова своей новой, точнее — первой профессии, Виктор Понедельник, сын собственного корреспондента «Известий» в Ростове-на-Дону Владимира Никитовича Понедельника, смело пошел по стопам отца, став ныне ведущим футбольным обозревателем «Советского спорта».

Примерно таким же был путь в журналистику другого известного мастера, Алексея Ивановича Леонтьева, ныне газетчика с легким пером, со своим взглядом на игру. Бывший вратарь московского «Спартака», он, руководя действиями своих партнеров по обороне, не выпускал из своего поля зрения и все, что происходило в атакующих цепях соперников, упреждая их агрессивные выпады. Не знаю, думал ли Алексей Иванович когда-либо стать репортером и профессионально писать о футболе, но то, что его способность, диктуемая вратарскими обязанностями, ему пригодилась в последующей журналистской работе, сомнений не вызывало ни у него самого, ни у читателя, давно оценившего в нем тонко разбирающегося и ярко пишущего о футболе обозревателя.

Найти свое место в жизни нелегко вообще. И хорошо, если рядом с тобой работает мастер, отменно знающий, кроме своего дела, и человековедение, способный определить почти безошибочно, выйдет ли толк из парнишки, либо забежал он в редакцию случайно, услышав от знакомых, что есть такая шибко престижная профессия — журналист.

Думаю, в этом смысле очень повезло работающим вот уже немало лет в «Советском спорте» Олегу Кучеренко и в «Футболе — Хоккее» Геннадию Радчуку, Валерию Винокурову, Валерию Березовскому. Их «крестным отцом» был журналист очень яркой индивидуальности — темпераментный, горячий, увлекающийся Мартын Иванович Мержанов. Будучи первым редактором и, по существу,

в известной степени одним из основателей еженедельника, ставшего впоследствии весьма популярным, Мержанов сумел определить, кто на что способен из названных парней, и конечно же помог их становлению. Работать с ним, судя по рассказам, было не всегда легко. Он мог взорваться, иной раз накричать на сотрудника, а затем вызвать его, принести свои извинения и уже очень спокойно, по-деловому продолжить разговор, как он любил говорить, полезный для обеих сторон.

Теперь, вспоминая добрым словом этого мастера, бывшего к тому же и известным военным корреспондентом, видишь, что он не ошибся в главном — все его «крестники» действительно нашли свое место в футбольной журналистике. Я добавил бы к ним и Виктора Асаулова, удачно вписавшегося в дружный коллектив еженедельника «Футбол — Хоккей», и корреспондентов «Советского спорта» Юлию Сегеневича и Геннадия Ларчикова.

Но есть у всей нашей пишущей братии еще одна немаловажная задача. Я бы назвал ее проблемной-невидимкой. Но невидимкой до поры до времени. До тех пор, пока газетчик, перестав быть автором, берет в руки редакторский карандаш и вдруг, читая чужой материал, обнаруживает в нем десятки слов-сорняков, стертых и невыразительных, как медные пятаки. «Где, в каком таком заповеднике вы их раздобыли, молодой человек?» — говорит он волнуясь, переминаясь с ноги на ногу дебютанту, возвращая рукопись. И порядком смущенный дебютант, не понимая, разумеется, что он совершает почти непоправимую оплошность, выдавливает из себя: «Так многое из того, что вы здесь отвергли, я прочитал в вашей газете...» — «У нас?» — хмурит брови редактор. И объясняет незадачливому автору что тот, очевидно, спутал газеты, что у них таких «перлов» в полосах быть не может.

А случилось знакомое. Прочтенное и, увы, усвоенное словечко-однодневка, близкое к жаргонному выраже-

нию, выпорхнув из родного гнезда, погуляв по белу свету, словно бумеранг, возвратилось обратно, теперь уже приютившись в рукописи газетного новобранца, уснастившего свой опус именно такими словами, амнистированными много ранее неизвестным редактором.

Но в целом, и это приятно отметить, небольшой и дружный отряд журналистов, пишущих на футбольную тему, заметно вырос в творческом отношении. И тон здесь, что особенно приятно отметить, задают московские журналисты Л. Лебедев («Правда»), Б. Федосов («Известия»), Н. Долгополов («Комсомольская правда»), В. Пахомов и В. Шевцов («Вечерняя Москва»), М. Глебов («Московская правда»), Л. Трахтенберг («Московский комсомолец»), Ю. Гусинский, А. Львов и А. Петров («Спортивная Москва»). А если вспомнить ветеранов спортивной печати, то нельзя не упомянуть среди других и С. Индурского, ныне редактора «Вечерней Москвы». По-прежнему радуют своим активным вторжением в футбольную жизнь Л. Горянов («Спортивная жизнь России») и ставший писателем, но не порвавший с футбольной тематикой А. Кикнадзе.

Хорошо, что живы традиции, обобщен полезный опыт наших отличных мастеров, какими были в первую очередь А. Виттенберг (литературный псевдоним А. Вит) и его бессменный соавтор В. Владимиров. Оба они весьма успешно работали в области международного футбола, передав эстафету своих дел А. Соскину, который, продолжив начатое ими, стал попутно и составителем футбольных справочников, поделив на этом поприще лавры с Ю. Лукашиным и отчасти с Б. Хавиным и Г. Соколовым.

Читатель давно привык к оперативным информациям футбольных обозревателей ТАСС А. Левинсона и АПН В. Кирилюка, успешно работавшего в «Красной звезде» В. Гаврилина, ныне главного редактора газеты «Советский спорт».

Как и у представителей любой профессии, у газетчи-

ков есть свои права и обязанности. Обязанности объяснять излишне: пиши хорошо, интересно, и исполнишь свой долг.

С правами бывает несколько сложнее.

В самом деле, стоит кому-то из пишущей братии даже из-за интересов своеобразной профилактики пожурить какого-либо ведущего игрока, как сразу раздаются голоса сердобольных защитников: «Как же так, Иванову с Петровым через неделю в финале Кубка выступать, а им здесь газетчики устроили публичную казнь, уличив в грубости и в пререкании с судьей?..»

Вот и скажи после этого, что профессия футбольного репортера не таит в себе подводных рифов... Но стремление писать честно и правдиво — главный закон всей нашей партийной печати, а значит, и спортивной тоже. И об этом надо не только всегда помнить, но и так делать на практике. Каждый раз, когда готовишься сообщить читателю что-то очень интересное в очередной вторник, когда, утомленный ожиданием, несмотря на то, что результат матча ему уже конечно же известен, он ждет подробностей своего любимого зрелища, предвкушая удовольствие от еще одной встречи с футболом.

МЯЧ ИДЕТ ОТ БРАТА К БРАТУ

Сколько уже написано о них, сколько изустной молвы ходит до сих пор, хотя никого и ничего не шадящее Время, донельзя спрессовав события, отдалив их от нас, должно было бы если не начисто изъять из памяти, то хотя бы как-то приглушить, что ли, популярность всех четверых. Ан нет! И хорошо, что не приглушило...

И вот ведь что удивительно.

В истории советского спорта и в нашем конкретном, московском, случае немало спортивных семей, даже футбольных династий. Взять, к примеру, знаменитых Артемьевых. Но когда речь заходит о футбольных перво-

проходцах нашего города, семью Старостиных по-прежнему называют одной из первых!

Что это — дань традиции? Сила привычки, отзвук рассказов и футбольных легенд?

Трудно дать однозначный ответ на эти вопросы. Но факт остается фактом. Влияние футбольной династии Старостиных, разумеется, не такое, как ранее, когда весь их семейный квартет играл, и как играл! Тем не менее оно еще сохранилось, тем более что старший из братьев, Николай Петрович, по-прежнему у руля футбольной дружины, а средний, Андрей Петрович, возглавляет отдел спортивных игр родного общества, его центрального совета.

Что касается их прежней популярности, то и ей есть определенное объяснение, ибо не так уж часто приходится видеть, как на правом фланге атаки оборону соперников таранит Николай, игрок, по нынешним понятиям, реактивный, способный убежать от любого «сторожа» и мощным ударом забить гол. За его спиной, в центре защиты прочно обосновался «непроходимый Андрей», а справа от него — младший брат, Петр, игравший полузащитником, и, наконец, еще один брат, второй по старшинству, великодушный защитник, по-рыцарски корректный Александр!

С 1932 по 1934 год, когда Старостины выступали за столичную команду «Промкооперация», предшественницу нынешнего «Спартака», этот квартет составлял основу футбольной дружины, снискавшей симпатии многих читателей любимой народом игры.

Сначала спартаковцев на поле выводил капитан команды Николай Старостин. Правда, капитанство его было сравнительно недолгим, так как вскоре, закончив играть, он стал председателем московского городского совета общества «Спартак».

Затем капитанская повязка перешла к Александру, ставшему в дальнейшем капитаном сборных команд

Москвы, РСФСР и СССР. А когда и ему пришла пора уступить место более молодым, белая повязка оказалась у среднего брата Андрея.

Конечно же футбольный «Спартак» — это не только братья Старостины. Рядом с ними играли, добывая славу родному клубу, великолепные мастера, такие, как Станислав Леута, Владимир Степанов, Георгий Глазков, Алексей Соколов, Виктор Семенов, два знаменитых вратаря — Анатолий Акимов и Владислав Жмельков, защитники Василий и Виктор Соколовы, Серафим Холодков, отличные хавбеки Олег Тимаков и Константин Малинин. Словом, то было целое созвездие футбольных талантов, оставивших о себе добрую память в сердцах любителей спорта.

И все же братья Старостины являлись в команде коллективным запевалой, задававшим тон спартаковской игре и, что еще немаловажно, оказывавшим заметное влияние на своих партнеров и вне стадиона.

Рискну утверждать, что боевитость эта, характеризующая в последние годы с чьей-то легкой руки как «спартаковский дух», тоже идет от той далекой поры, когда на поле выходили Старостины. Они никогда не признавали компромиссов в поединках, играя, точнее, сражаясь, как принято говорить в таких случаях у шахматистов, до последней пешки, до голых королей!

На визитной карточке «Спартака» тех лет было начертано: «Стремлюсь к победе, на меньшее не согласен!» И если команда уступала сопернику, то, во-первых, истинно достойному, оказавшемуся сильнее в том матче. Но никогда не забывали при этом побежденных поздравить победителей, дружески пожать им руки!

Такими рукопожатиями спартаковцы неизменно обменивались со своими извечными соперниками — динамовцами столицы, независимо от исхода встречи между ними. А матчи эти всегда, в любом розыгрыше бывали гвоздем сезона, яркой демонстрацией лучших сил москов-

ского футбола, бывшего тогда главным законодателем футбольных мод в стране!

Виртуоз-дриблер, левый крайний нападения Сергей Ильин, этот, как ласково его называли болельщики, футбольный колобок, король голов Василий Павлов, прозванный так за свою удивительную результативность, его тезка с пушечным ударом Василий Смирнов, хитроумный тактик Михаил Якушин и всегда активный Алексей Лапшин — такой ансамбль мастеров атаки непросто было сдержать. И в том, что спартаковцам это нередко удавалось, опять-таки во многом заслуга тех же Старостиных, составлявших основное ядро обороны «Спартака».

Тогда, собственно, и сборная команда Москвы состояла из динамовцев и спартаковцев. Первые поставляли, как правило, нападающих, вторые — защитников.

Непременные конкуренты на футбольном поле, игроки обеих популярных команд оставались добрыми друзьями вне стадиона. Более того, если говорить о Старостиных, представительница этой славной спортивной семьи Клавдия Петровна Старостина отдала руку и сердце замечательному полузащитнику московского «Динамо» Виктору Ивановичу Дубинину, впоследствии интересному тренеру и теоретику футбола, многолетнему обозревателю еженедельника «Футбол — Хоккей».

«Боже мой,— вспоминала как-то в дружеском застолье Клавдия Петровна, рассказывая о встречах «Спартака» и «Динамо». — Не знаю, как для кого, для меня они иной раз бывали сущей пыткой. Братья молчат, словно воды в рот набрали, чтобы меня не нервировать, только младший, Петр, нет-нет да подковырнет: «Мол, не робей, сестричка, больше двух мячей, гарантирую, мы им не забьем. Так что успокой своего благоверного, пусть не печалится...»

Я, разумеется, тоже в долгу не оставалась, напоминая Петру, что есть очень даже неплохая поговорка: «Не хвались, едучи на рать». За кого я болела? Если по правде,

то за... ничью. Равновесие сил на поле сохраняло хорошие отношения в доме. А жили мы всегда дружно, помогали друг другу, заботились друг о друге, шуткой, розыгрышем скрашивая маленькие размолвки, без которых не протекает жизнь любой семьи, тем более такой большой и по духу очень спортивной, как наша.

Кроме меня, в хоккей великолепно играла старшая сестра Вера, так что зимой мы вполне могли бы выставить почти целиком семейную команду для игры в русский хоккей!

После матча всегда собирались вместе.

«Пусть он скажет спасибо сестренке», — не унимался Петр, обжигаясь горячим, прямо из самовара, чаем, обращаясь к Виктору, на что мой динамовец, сдержанно улыбаясь, спокойно отвечал, что и он мог бы забить гол «боярам» (так в футбольном просторечье окрестили спартаковцев за их яркую форму, напомнившую какому-то шутнику боярские кафтаны), но, оберегая от отрицательных эмоций их сестренку и свою супругу, умышленно промахнулся.

Никто ни на кого не обижался, отдавая дань уважения мастерству каждого участника состязания.

Мне приходилось видеть Старостиных и «Спартак» в самых различных ситуациях — и когда они одерживали победы, и когда терпели поражения. Но всегда и везде, при любом исходе матча они оставались истинными рыцарями спорта, спокойно, не паникуя, принимая неудачи, не обольщаясь сверх меры достигнутым успехом, зная, что за взятой ими вершиной есть еще более сложный перевал, который предстоит штурмовать, а за ним, надо полагать, другой... и так всю жизнь!

Что им дал спорт? Любимый футбол?

Думается, так много, что одним-двумя словами здесь не обойдешься.

Жизнь в спорте, в футболе особенно, редко когда бывает сплошным праздником. В ней достаточно будней, до

краев заполненных таким многочасовым упорнейшим трудом, что не сразу поверишь в содеянное игроками, если не увидишь их тренировки, не убедишься в высокой интенсивности, с коей проделываются упражнения, выполняются сложнейшие приемы.

Жизнь не стоит на месте, и Старостины меньше всего походят на людей, живущих на проценты с былой славы. Они отлично понимают, что футбол сегодняшний так же походит на футбол их молодости, как скорость передвижения венской коляски московского извозчика несравнима со скоростью полета современного лайнера. Высоко чтя мастерство прежних футбольных «звезд», Старостины, не уподобляясь в этом смысле некоторым своим сверстникам, ссылающимся на славное прошлое и не всегда замечаящим ростки нового, предельно объективны в своих суждениях и оценках.

Разумеется, им может что-то нравиться или не нравиться. Лично я, например, глубоко убежден, что, отказавшись от всего старого, отжившего, не очень нужного сегодняшнему футболу, Старостины непременно оставили бы из прошлого энтузиазм, умение и желание до конца отдавать себя спортивной борьбе, как это всегда делали они, появляясь в раздевалках стадионов в мокрых, хоть выжимай, футболках!

Но самый горячий энтузиазм, желание победы, не подкрепленные мастерством, успехов не принесут. Так что все Старостины, особенно первые трое, были большими мастерами своего дела. И, надо полагать, не случайно именно они одними из первых заметили ветер перемен в нашем футболе. Заметили не умозрительно, а почувствовав преимущество, скажем, прогрессивной в конце 30-х годов в европейском футболе системы «дубль ве», родившейся на берегах Темзы, в Англии, перед системой «пять в линию», долгое время считавшейся классической.

В этом смысле приезд в СССР сборной команды ба-

сков в 1937 году имел немаловажное значение для начала тактической перестройки наших ведущих команд, и в частности «Спартака», как известно, сумевшего победить гостей из Испании со счетом 6:2!

Нисколько не умаляя значение той победы, замечу, однако, что, несмотря на свое поражение, кстати, единственное в турне по СССР, а до этого одержавшие несколько великолепных побед в матчах с сильнейшими клубами Европы, баски преподали нам предметный урок футбола. В канун своего приезда в Москву гости обыграли знаменитый французский «Рэсинг», забив ему три «сухих» гола, а незадолго перед этим тот же самый «Рэсинг» в равной борьбе одолел сборную Москвы у себя на поле — 2:1, и оба мяча забил их центральный нападающий Куар, которому, кроме его несомненно высокого класса, помогло то, что москвичи, не знакомые тогда с системой «дубль ве», не смогли ничего противопоставить выдвинутому вперед французскому футболисту.

Позволю себе привести запись своей беседы многолетней давности с Андреем Петровичем Старостиным. Он говорил:

«Воспоминание о матче с «Рэсингом», несмотря на его отдаленность, тем не менее почти всегда вызывает у меня горечь.

Больше всех угрожал нашим воротам Куар — центральный нападающий. В пылу борьбы мы не находили тактического противодействия вылазкам Куара. Я в поте лица трудился где-то в центре поля, поддерживая нападение. А Куар и не думал возвращаться в тыл, как обычно это делали в подобных ситуациях наши нападающие. Он занимал позицию или, как принято говорить, пласшировался, на подступах к нашим воротам с намерением использовать для прорыва коридор между левым и правым защитниками. Куар несколько раз прорывался по этому коридору. Наш молодой вратарь Анатолий Акимов — то был его дебют на международной арене — иг-

рал блестяще, отражая удары француза, но два мяча тот все же забил.

Обидно было, что проиграли «не по игре», как нам казалось. Я долго не мог отделаться от чувства личной вины, хотя никто меня и не обвинял, а даже, наоборот, хвалили. Но ведь оба гола забил Куар!

Было отчего призадуматься. Неужели дело в порочности нашей такой испытанной тактики, оказавшейся в столкновении с получившей в Европе широкую известность системой под названием «дубль ве» вчерашним днем футбола? Досадно было об этом думать. И хотя мы проиграли, решительного признания новая система у нас не встретила. Понадобился еще один предметный урок, чтобы усвоить наконец простую истину: при выдвинутом вперед центральном нападающем противника требуется третий центральный защитник. Этот второй урок нам преподали баски в 1937 году.

Баски применяли классический «дубль ве». Их центр нападения Исидоро Лангара поначалу не был, как мне кажется, до конца понят нашими зрителями. «Ленив», «малоподвижен», «неповоротлив», говорили о нем на трибунах. Действительно, в начале первого матча (с «Локомотивом») этот здоровяк казался на редкость флегматичным. Он спокойно ожидал передачи, стоя далеко впереди своих полусредних. Но как же быстро он заставил себя уважать! Надо было видеть, с какой стремительностью он таранил нашу защиту и как ловко и неожиданно бил по воротам.

«За этим парнем нужен глаз да глаз», — отметил я про себя, предельно внимательно следя за каждым маневром моего потенциального соперника.

Когда после победы басков над «Локомотивом», «Динамо» и другими нашими командами пришла очередь играть «Спартак», наш тренерский совет стал заседать допоздна, а бывало, что и до рассвета. После долгих споров мне все же пришлось сменить доспехи. Уж очень грозен

был Лангара. Он бил по воротам, словно стрелял из катапульты, и оставить его без присмотра нельзя было ни на секунду. Против Лангары я впервые выступил в роли третьего защитника. «О поддержке нападающих забудь, справятся без тебя. И вообще запомни: ты — его тень», — напутствовал меня старший брат Николай перед выходом на поле, хотя, казалось бы, мы с ним все обговорили за день до матча.

Полтора часа продолжалось наше единоборство. Я играл против испанца с напряжением всех сил. Но Лангара все же забил свой гол. Матч мы выиграли. Но какой ценой!

После игры, изрядно уставший в новой роли не меньше, чем играя центральным полузащитником, я с горечью подумал: «Как же легкомысленно мы отнеслись в Париже к выдвинутому вперед Куару...»

Отныне стало ясно, что остро выдвинутый вперед центральный нападающий, будь то Куар, Лангара или любой другой, требует персональной опеки именно со стороны центрального, а не крайнего защитника. В противном случае нарушалась оборона.

После матча с басками началось тактическое перевооружение нашего футбола. Было оно довольно болезненным. Мой уход в тыл, помнится, вызвал бурную критику, и его поняли не сразу. Я всегда относился к числу наиболее активных полузащитников. На моем счету в каждом сезоне значилось несколько забитых мячей. И вдруг частый гость у ворот противника не делает ни шагу на чужую половину поля! То есть рушились все установленные каноны игры, столь характерные для амплуа центрального полузащитника при системе «пять в линию». Сейчас, по прошествии многих лет, об этом легко рассуждать. Но каково было мне и моим коллегам «привинтить» себя к центральной зоне обороны, не отступая от нее ни на шаг, ожидая появления своего исконного противника — центрального нападающего, чтобы незамед-

лительно его атаковать, не давая ему произвести прицельный удар!

Давно это было. Но я и сейчас помню, как меня «прорабатывали». Одни считали, что «старик сдал» (мне уже было за тридцать). Другие, возможно, подозревали в трусости: «побаивается выходить вперед». И действительно, по старым воззрениям, хотя «труса никогда не праздновал», «нет за Старостиними такого греха», считали, что я либо «износился», либо «кошунствовал», нарушив тактические каноны тех лет.

Весной 1938 года все прояснилось. Московское «Торпедо» в корне изменило систему игры. В отличие от «Спартака», перестроившего главным образом линию обороны, команда автозавода провела расстановку всех игроков на поле по схеме «дубль ве» в ее самом чистом виде. Сильно выдвинутые вперед крайние и центрфорвард резко сместили детали рисунка игры команды.

Лидеры советского футбола, а ими кроме «Спартака» и столичного «Динамо» были и лучшие команды Ленинграда, Украины, Закавказья, последние, правда, в меньшей мере, захваченные врасплох новой тактикой, оказались «торпедированными».

Ярко засверкала звезда Д. Сеньюкова, центрального нападающего «Торпедо». Когда центральные полузащитники других команд, продолжавшие исповедовать систему «пять в линию», по привычке устремлялись вперед к воротам автозаводцев, Сеньюков, никем не прикрытый, получив мяч и полную свободу действий, мгновенно устремлялся по центральному коридору в штрафную площадь противника и, выйдя один на один, без особых хлопот расправлялся с вратарями, как правило, оказывавшимися беззащитными перед форвардом!

Имя Сеньюкова в ту весну сделалось одним из самых популярных в советском футболе. В прессе его кое-кто начал было величать не иначе, как «форвард-танк»! Это был явный перехлест, хотя рывок у него действительно

был превосходный и бил он по мячу хорошо. Однако, насколько не умаляя его личных качеств, следует сказать, что популярность Сеньюкова произросла главным образом на почве прогрессивной тактики «дубль ве». Так почему же только торпедовцы сразу, без оглядки приняли новую систему, а остальные команды все еще осторожничали?

Думается, многое здесь кроется в чисто психологическом факторе. Дело в том, что нелегко отказаться от привычного оружия, если оно, это оружие, безотказно стреляло на протяжении долгого времени, принося стабильно высокие результаты!

В этом смысле и «Динамо» и «Спартак», согласитесь, могли потерять больше, нежели приобрести, и сам переход на новые тактические рельсы был для них куда сложнее в психологическом плане, нежели для автозаводцев, команды дерзкой, решительной, но, при всем уважении к ее интересным мастерам и славным традициям рабочего коллектива, не считавшейся тогда признанным футбольным авторитетом. Большая и заслуженная слава придет к «Торпедо» позже. Тогда же беспрепятственные рейды Сеньюкова в самую глубь обороны расценивались поначалу как чисто случайные успехи торпедовцев и не вызвали особых беспокойств у тренеров остальных команд. Вскоре, однако, они резко изменили эту свою точку зрения и поторопились принять нужные меры. К середине сезона уже все команды класса «А» (так тогда именовалась высшая лига) перешли на систему трех защитников, не искушая более судьбу. И тем не менее торпедовцы успели сильно потрепать своих конкурентов, а главное, оставили заметный след в тактическом развитии советского футбола.

Таким образом прежний центральный полузащитник «приказал долго жить».

Сложность задачи нового центрального защитника заключалась в том, что он отвечал персонально и за

центральную зону, и за центрального нападающего, курсировавшего вблизи ворот в ожидании острой передачи мяча.

Задача решалась бы просто, если бы центральные нападающие играли только так, как Лангара, Куар — прямолинейно, занимая позицию впереди с нескрываемым намерением осуществить прорыв по центру поля к воротам.

К чести наших тренеров и футболистов, они творчески восприняли новую систему, помня, что любая копия хуже оригинала. И вообще слепое следование чужим образцам может в конце концов привести к чисто механическому восприятию нового, лишив его очень быстро элемента неожиданности, что так важно в спорте вообще и в футболе в особенности! Они всячески разнообразили тактику игры центрального нападающего: «Пусть центральный защитник находится в положении охотника, гонящегося за двумя зайцами — за зоной и подопечным игроком!»

В конце 30-х годов «Спартак» играл в Тбилиси с местными динамовцами. Наша атака захлебнулась, и противник перешел в стремительную контратаку. Центральный нападающий Борис Пайчадзе резко переместился на правый фланг, где и получил мяч. Возникло угрожающее положение. Увлечшись нападением, мы обнажили фланги, и Пайчадзе по краю устремился вперед. Что делать? Бросить центральную зону я не могу. Меня к ней привязывает переместившийся справа в центр Гайоз Джебелав, очень быстрый и техничный крайний южан, в темпе с Пайчадзе, так сказать, на параллельном курсе продвигавшийся к воротам. В такой ситуации бросаться на перехват Пайчадзе безрассудно. Он сделает длинную передачу Джебелаве, и тот, никем не прикрытый, окажется с мячом перед воротами.

Так я очутился в положении охотника, которому надо было гнаться за двумя зайцами!

Решив, что наиболее разумно здесь применить эластичную оборону, я начал отступать, плассируясь между сближавшимися Пайчадзе и Джебелавой, чтобы в самый последний момент напасть на Пайчадзе и не дать ему ударить по воротам, а если он попытается передать мяч Джебелаве, то успеть атаковать и его.

Пайчадзе тонко вел игру. Он прекрасно понимал, что исход атаки будет решать сантиметры в пространстве и десятки доли секунды во времени. В критический момент я атаковал Пайчадзе, но он все-таки успел сделать прострельную передачу в адрес Джебелавы. В отчаянной попытке перехватить этот пас я потянулся к мячу насколько мог и носком бутсы неотразимым ударом забил его в... свои ворота! Конечно, это исключение, но оно лишнее раз подтвердило правило: позиция, занимаемая центральным защитником, — ключ к обороне ворот, покидать ее он вправе лишь в аварийных ситуациях, как это случилось со мной. Урок пошел впрок.

В дальнейшем игра центрального защитника претерпевала изменения. Он, в частности, оказывался в положении последнего игрока обороны, в роли так называемого «чистильщика», страхуя своих партнеров, исправляя их ошибки. Случались в практике нашего мирового футбола и другие построения обороны: сдвоенный центр защиты и некоторые другие, но при всех вариациях стержнем обороны по-прежнему остается центральный защитник.

Словом, извечное состязание «снаряда и брони» продолжается. Оно никогда не прекратится, куда будет жить футбол. А бессмертие ему, надо полагать, обеспечено!»

Так закончился тот давнишний разговор с Андреем Петровичем Старостиным — большим спортсменом, очень интересным журналистом, автором нескольких книг, значение каждой из которых выходит далеко за рамки обычной мемуарной литературы, ибо они написаны человеком,

активно делавшим и продолжающим делать наш советский футбол.

В небольшой, очень скромный кабинет заведующего отделом спортивных игр центрального совета общества «Спартак» сходятся все нити, связывающие его хозяина со всеми подразделениями, а это практически все игровые виды спорта, культивируемые в одном из старейших наших добровольных обществ, отметившем славный 60-летний юбилей.

Да и где еще работать футбольному ветерану, как не в своем родном «Спартаке», в создание которого братья Старостины вложили столько душевных сил, спортивной страсти, отдав ему лучшие годы своей яркой спортивной жизни!

Увлечение футболом никогда не было для них самоцелью. Андрей Старостин в дальнейшем долгие годы возглавлял правление фабрики «Спорт и туризм»; средний брат, Александр Петрович, до конца дней своих был управляющим Центральной базой по торговле товарами спортивного назначения Роскультавтора; Петр Петрович — инженер-энергетик Министерства химического машиностроения СССР — они никогда, по существу, не порывали со спортом, оставаясь, что называется, спартаковцами по крови!

Что же касается Николая Петровича, то он был и по-прежнему является старейшиной и своего футбольного рода, и «Спартака», председателем городского совета которого он был, а сейчас вот уже много лет остается мудрым футбольным дядькой для нескольких поколений футболистов «Спартака»!

Честно говоря, мне трудно представить кого-либо другого, быть может и очень достойного человека, на месте нынешнего начальника команды «Спартак». И не потому, что незаменимых людей нет. Не поэтому. Ведь имена всех Старостиных, и самого старшего, кстати, первого заслуженного мастера спорта среди мастеров футбола и

первого среди них кавалера ордена Ленина, Николая Петровича, настолько нерасторжимы со словом «Спартак», что, произнося его, невольно подразумеваешь фамилию знаменитой футбольной четверки, и, наоборот, при упоминании Старостиных на память непременно приходит слово «Спартак»!

Никогда не забуду несколько отрешенный взгляд Николая Петровича, когда после матча, проигранного «Спартаком» столичному «Динамо», причем с довольно крупным счетом, он, временно тогда не работавший с командой, с грустью смотрел на садившихся в автобус футболистов. Николай Петрович, очевидно, так до конца и не смог осознать, как же такое могло случиться. Прогреть так безвольно, так не по-спартаковски, загодя выбросить белый флаг, не дав сопернику настоящего боя...

Надо побывать в команде, почувствовать пульс ее достаточно беспокойной, почти все время на колесах, жизни, хотя бы недолго понаблюдать за работой начальника команды, чтобы понять, кем он является для каждого из парней, удостоенных чести, как он нередко напоминает им, надеть красную майку с белым перехватом — знакомую миллионам болельщиков форму «Спартака»!

Как идут занятия в институте? Что слышно в семье? Все ли здоровы? Десятки самых разнообразных вопросов, неотложных и не очень, занесены в записную книжку, взяты «на карандаш» и непременно будут выполнены. Таково правило, которому неукоснительно следует Николай Петрович Старостин, требуя такой же пунктуальности и обязательности буквально во всем от молодых спортсменов.

— ...Ты меня огорчил, Василий, — бросит как бы невзначай наставник молодому игроку, допустившему бестактность по отношению к сопернику. — Советую, не откладывая на завтра, сейчас же извиниться. Зайди к динамовцам в раздевалку, извинись перед тренером тоже...

Сказано это было спокойно, не повышая тона, но при

всей команде: пусть все слышат и знают, что голы забивать — оно конечно же надо, но и законы спортивной этики никому не дозволено нарушать!

Искренность, честность, объективность — всем этим он руководствуется в своих оценках, чего бы только они ни касались. И когда кто-то намекнул Николаю Петровичу, что-де не очень-то удобно, составляя список символической сборной СССР за многие годы, включать в него своего брата Александра, Старостин-старший без обиняков сказал: «Это мое твердое убеждение, основанное на анализе игры каждого претендента, а отнюдь не проявление семейственности, в которой меня пробуют обвинить». И решительно добавил: «Назовите мне другую, более достойную кандидатуру на место правого защитника, чем Александр. Лично я таковой не вижу!»

Даже защищая свой тезис, Николай Петрович сохранял присущие ему спокойствие и выдержку. Он, кстати сказать, считает, что подобное самообладание, которое не так трудно воспитать в себе,— одно из сильнодействующих психологических аргументов человека, уверенного в своей правоте.

Согласитесь, нечасто бывает, чтобы ведущий игрок клуба не только заметил интересного футболиста в команде конкурентов, но обратил на него внимание тренера сборной команды Москвы. Именно так поступил Андрей Старостин, порекомендовав в лучшую команду города малоизвестного тогда динамовца Михаила Якушина, ставшего впоследствии одним из ярчайших игроков и великолепным тренером.

Я уже не говорю о всегда по-рыцарски корректном Александре Петровиче, долгое время возглавлявшем московскую федерацию футбола.

Коротко, любовь всех четверых к «Спартаку» не слепа. Не столь давно мне еще раз удалось в этом убедиться в разговоре с Петром Петровичем Старостиным. Мы встретились на премьере в Московском Художественном теат-

ре. В антракте, обменявшись впечатлениями об игре актеров, как-то незаметно коснулись футбольной темы, и Старостин-младший, не скрывая известного разочарования, сказал: «Спартак», по-моему, никак не может поймать свою игру. И потом, если по-честному, у киевлян и мастерства пока побольше, да и резервы такие, что хоть сегодня почти любого дублера ставь в основной состав».

Если по-честному... А как же иначе? Иначе, как по-честному, Старостины просто не могут, не умеют... И вот это качество воспитал в них, помимо других нужных в жизни качеств, и их любимый футбол тоже.

Вспоминается осень 1939 года. Переполненный уютный зал Центрального Дома работников искусств, и на ярко освещенной сцене весь футбольный «Спартак», установивший тогда не побитый до сих пор рекорд: команда дважды подряд выиграла звание чемпиона страны и Кубок страны, сделав, таким образом, желанный дубль!

Вечер вел Николай Петрович Старостин. В отлично сшитом смокинге, в приподнятом настроении, он по очереди представлял «виновников торжества», а когда назвал фамилии двух вратарей — Анатолия Акимова и Владислава Жмелькова, зал встал и бурно зааплодировал.

Выждав, пока стихнут овации, Старостин продолжал: «Могу, друзья, сказать одно. Если я назову лучшим из этих двух наших замечательных стражей ворот, например, Анатолия, то обижу Владислава, назову Владислава — обижу Анатолия. Поэтому скажу: оба они у нас в равной степени первые, и обоим команда многим обязана!»

Со стороны могло показаться, что это «ход конем» Старостина: стоило ли сеять рознь между первыми номерами? Ан нет! И Акимов, и Жмельков играли, как правило, в очередь независимо от значимости матча, так что черной зависти между ними никогда не было. А вот негласное соревнование, кстати, очень помогающее нахо-

даться в отменной спортивной форме, между ними было, хотя вслух о нем друзья никогда не говорили. И, зная об этом, Николай Старостин, отдав должное каждому такой публичной похвалой, разумеется, вполне ими заслуженной, как бы подхлестнул их дальнейшее рвение, проявив в известной степени, если хотите, педагогическую мудрость.

Таким был и таким остался Николай Старостин, главный в этом удивительном семействе, где его, очевидно, по традиции нередко называют Николай Петров, с несколько усеченным отчеством.

Обучая других, передавая им свой богатейший и не только чисто футбольный опыт, Старостины всегда являлись собой пример для подражания. Их популярность, обязывая равняться на все лучшее, способствовала самовоспитанию. И потому так убедителен бывает тот же Андрей Петрович Старостин, рассказывая устно и в своих книгах о том, как благодарен футболу за то, что он близко свел его с такими талантливыми актерами, как Михаил Михайлович Яншин, Николай Павлович Хмелев, писатель Юрий Карлович Олеша...

«Между нами,—вспоминал как-то Андрей Петрович,—был заключен как бы негласный договор. Я был их гидом в путешествиях в страну «Спорт», и в частности «Футболию». Они же вводили меня в чарующий мир литературы и искусства. Причем, как мне кажется, обе стороны выполняли свои обязанности неназойливо, соблюдая такт, чувство меры, что делало наш союз исключительно крепким!»

Неплохо сказано! Думается, нечто подобное тот же Андрей Петрович мог бы нынче сказать и о себе, как, впрочем, и о своих братьях. Они тоже очень давно стали во всем примером для подражания молодым спартаковцам. И в этом прослеживается великолепная преемственность лучших людей советского спорта, к коим принадлежат и все Старостины.

Нужен ли в рассказе о нем какой-либо интригующий читателя заголовок? Думается, что нет. Тот, кому футбол знаком, если и нуждается в каком-либо дополнительном представлении, то в очень коротком.

Несведущему же, в первый раз услышавшему фамилию Аркадьев, скажу, что этот человек сумел соединить в себе сразу нескольких прекрасных умельцев — педагога, психолога, тренера, а если обобщить сказанное, является энциклопедически образованным человеком, владеющим, кстати сказать, и кистью художника тоже!

Вот сколько дарований, по скольким дорогам мог бы пойти за своей «Синей птицей» этот удивительный человек, предпочтя, однако, всем профессиям стезю футбольного тренера. Стезю ох какую нелегкую, ибо идти по ней — все одно что по тонкому льду: семь раз подумай, прежде чем, сделав шаг, рискнешь отмерить следующий.

Но, насколько мне известно, он никогда не жалел о своем выборе. Жалел, наверное, как все по-настоящему творческие люди, только о том, что не все им задуманное получилось так, как первоначально виделось. А в нем всегда жил художник, хотя он редко в последние годы подходил к мольберту.

Эскизы, эскизы, эскизы... Их бывает десятки, сотни. И хорошо, если удача посетит творца и картина, рожденная его воображением, после последнего, подчас ударного мазка кисти заиграет всеми красками, вызвав радость от общения с прекрасным у смотрящего и удовлетворение у живописца!

Если сказанное перевести на всегда эмоциональный язык спорта и как одно из его производных — язык футбола, хотя оба определения, возможно, и потревожат ухо тонкого стилиста, то Борис Андреевич Аркадьев,

тренер команды ЦДКА (так она при нем называлась), трехкратного чемпиона СССР, мог бы сказать о себе без ложной скромности, что созданная его руками команда «лейтенантов» действительно ему удалась!

Удалась...

Как легко, однако, зафиксировать результат содеянного, тем паче, что он победный, и куда как трудно объяснить природу такого успеха.

Да, не просто создавался ансамбль мастеров, не оставлявших равнодушными даже тех, кто случайно попадал на стадион, — так изящно, четко, красиво играли армейцы, радуя трибуны такими голами, что репортерам, наконец, не хватало восклицательных знаков, чтобы передать на бумажном листе бурю восторгов.

Если бы в футболе было принято записывать отдельные ходы игроков, наиболее яркие, остроумные комбинации, как, скажем, в тех же шахматах, какие великолепные образцы тактического и стратегического искусства остались бы нам в наследство от той знаменитой команды армейских футболистов!

Сейчас зритель вряд ли удивится, видя, как нападающие, развивая атаку, разыгрывают так называемую «стенку»: владеющий мячом игрок сразу, в одно касание, отдает мяч партнеру, а тот не мешкая возвращает его ему обратно. В 40—50-х годах этот прием считался новинкой, одной из тех, что была найдена Борисом Аркадьевым, как им же введены в футбольный обиход прием скрещивания, игра со сменой мест нападающими, комбинированные защиты и многое другое, что прочно вошло в учебники футбола, стало привычным и не вызывает ныне былого интереса.

Футбольный мудрец Аркадьев, не уставая искать кратчайшие пути к воротам соперников, а замки — к своим, всегда заботился о красоте линий, гармонии рисунка игры своего ансамбля. Радуюсь победам воспитанников, он мерил их достижения очень высокой меркой.

И когда с его уст срывалась короткая реплика: «Спасибо, друзья, за игру! Получилось, кажется, очень даже неплохо...» — то было высшей похвалой для каждого, будь то известный мастер либо дебютант. Последний, сами понимаете, бывал просто окрылен такой похвалой.

Борис Андреевич нередко говорил на разборах матчей, что большие футболисты, как и большие артисты (чаще других он говорил о мастерах цирка), потому и воспринимаются таковыми зрителями, что последние охают и ахают, видя, как работают на туго натянутой проволоке под куполом воздушные гимнасты и балансеры, но не ощущают всей трудности и рискованности демонстрируемого номера. Улыбка не сходит с лиц артистов все время, что они находятся на манеже.

Легкость, непринужденность исполнения плюс непременно стабильность выступлений — первейший признак класса, не уставал напоминать своим подопечным Аркадьев.

Опытнейший педагог, он так строил занятия, что ни один урок у него не походил на предыдущий, хотя нередко в обоих случаях решалась одна и та же задача.

Я частенько бывал на его тренировках и могу засвидетельствовать, что каждый раз видел заинтересованные лица игроков, удивить которых было в общем-то трудно.

...Дело было зимой. Зная, что, соскучившись по мячу, игроки ждут не дождутся, когда последует команда: «Прошу взять мячи!» — Аркадьев тем не менее не спешил, понимая, что в январе большую часть уроков следует отводить на восстановление физической кондиции футболистов.

А тренировки с набивными мячами, или, как их тогда частенько называли, медицинболами, он считал одним из эффективных вспомогательных средств силовой подготовки. Но попробуйте акцентировать внимание, пробудить интерес к занятиям у многократных чемпионов

и призеров страны, игроков, обласканных спортивной славой, в чем-то избалованных вниманием прессы...

Тренировка шла, как мне показалось, несколько монотонно. Аркадьев наверняка тоже заметил это, и вскоре в зале раздался его громкий голос:

— Попрошу всех ко мне! Я забыл вас спросить вот о чем, друзья. Вы держите в руках набивной мяч, продельваете с ним упражнения с отягощением для укрепления, в частности, групп мышц плечевого пояса. Так вот, знает ли кто-либо из вас, что находится внутри этого предмета?

— Песок, наверное, чему ж там еще быть! — уверенно ответил левый крайний команды Владимир Демин, посчитав, очевидно, уж больно легким, детским заданный вопрос.

— Так думает Володя Демин. А как считают остальные? Есть ли другие предположения?

— Не трясем же он набит, — высказал свое мнение правый полусредний Валентин Николаев, прозванный за свою поразительную выносливость «бомбардировщиком дальнего действия».

— Хорошо, подведем черту гипотезам, — заметил тренер. — В каждом из мячей находятся спрессованные сухие морские водоросли.

Я заметил, как в глазах игроков замелькали огоньки разбуженного любопытства.

— Ну и что с того, какое там у него нутро? — спросил центральный защитник Иван Кочетков, полагая, что содержимое набивного мяча мало что изменит в его отношении к предмету, который все равно не подпрыгнет, ударь им об землю...

— А то, Ваня, что, бросая мяч друг другу, вы, разумеется, не замечаете, что мельчайшая, почти невидимая пыльца зеленоватого цвета, оказавшись вместе с мячом возле ваших лиц, попадает в легкие, благотворно действуя на дыхательные пути. Иными словами, вы как бы

сразу одним выстрелом убиваете двух зайцев — развиваете мышечную силу и тренируете свой дыхательный аппарат!

Итак, попрошу обе шеренги отойти друг от друга на пять метров, нет, больше пока не надо. Будете выполнять бросок от плеча партнеру. По четыре раза каждый. Затем расстояние увеличите примерно на метр-полтора. И так до моей последующей команды!

Что тут началось!

Мне редко когда удавалось видеть, чтобы с таким рвением могли заниматься в общем-то не очень сложными упражнениями «звезды» футбола. А вот небольшая «изюминка» сделала урок сразу же очень эмоциональным, подняла настроение, игроки задвигались, старательно выполняя то, что поначалу им казалось скучным и малоинтересным.

После урока я спросил Аркадьева: что, в этих мячах действительно заключены столь чудодейственные травы? Несколько смущенно улыбнувшись, он ответил, что педагогу иногда, дабы добиться желаемого, приходится пускаться на кое-какие профессиональные хитрости, «святую ложь». «Считайте, что вы были свидетелями одной из них. Взрослые, а тем паче если они спортсмены, в чем-то остаются детьми; и чтобы игра, даже очень любимая, не приедалась им окончательно, следует, по моему мнению, ее несколько разнообразить, не изменяя, естественно, самих правил. В противном случае труд педагога может пойти насмарку.

Не знаю, заметили ли вы, — продолжал Аркадьев, — как умеют наши игроки включать как бы дополнительные скорости после удара гонга (в нашем футболе было правило, согласно которому за пять минут до окончания матча на стадионе раздавался удар гонга). Но именно в этом микроотрезке матча мы старались забить гол. Не всегда нам это удается. И все-таки, попадая в положение команды, которой приходится отыгрываться, как

говорится, драться за ничью, мои игроки в пяти случаях из десяти способны поразить цель: срабатывает привычный двигательный стереотип!

И вообще, кто сказал, что с чемпионами легко работать?! Очень, очень трудно. Но... ужасно интересно! Я, знаете ли, иногда с ними очень воюю. Любя, разумеется, но воюю...»

Мне вспомнились эти слова Аркадьева и он сам, когда, анализируя проигрыш команды «Спартак», тренер, разобрав несколько характерных эпизодов, заметил, обращаясь к защитникам:

«Мало того, что вы все почти без боя отдали инициативу и до конца не боролись за мяч, вы позволили сопернику на последних минутах матча вести игру на удержание счета. Скажу больше, у меня иной раз складывалось впечатление, что он, попросту говоря, издевается над вами, не позволяя дотронуться до мяча. А Сергей Сальников — тот вообще, по-моему, умышленно не забил нам одиннадцатиметровый. А он-то, сами знаете, редко когда не забивает их...»

Последний упрек был, на мой взгляд, самым коварным ударом тренера по самолюбию игроков. И я, будучи свидетелем этой сценки, признаться, подумал, не изменило ли Аркадьеву чувство меры, не переборщил ли он в данном случае?

«Иногда это идет на пользу, — как бы угадав мои мысли, ответил тренер. И продолжал: — Проигрывать тоже надо уметь достойно, сохранив свой престиж, лицо клуба и — это главное — не поступаясь характером!»

Об Аркадьеве, как, пожалуй, ни об одном другом футбольном тренере, ходило немало самых разнообразных толков. Говорили, например, даже в среде его коллег, что, препарировав футбол на отдельные части, найдя в привычном, знакомом немало нового и введя это новое в практическую игру, сам Аркадьев оставался этаким недосягаемым мудрецом и, словно айсберг, возвы-

шался над игроками, подмывая даже известных, знаменитых своим авторитетом.

Таким излишне властолюбивым футбольным режиссером пытался изображать его и кое-кто из нашей пишущей братии. Мнение, на мой взгляд, мягко говоря, явно ошибочное, совсем не соответствующее истинному положению вещей, показывающее Аркадьева, прямо скажем, явно в кривом зеркале.

Аркадьев был и остается до сих пор в нашем футболе личностью, причем очень заметной, даже сейчас, уйдя на пенсию. Очевидно, как и у каждого человека, мастера своего дела, у него бывали ошибки и просчеты. Кстати сказать, не имей он их, не было бы и самого Аркадьева, признанного нашего футбольного авторитета!

Нет, у него слова никогда не расходились с делом! И заявляя, что ему работать с чемпионами и архитрудно и ужасно интересно, он не противоречил самому себе и не сказал это ради красного словца. Покой ему действительно только снится...

Он очень любил и продолжает любить свою профессию, теперь уже со стороны наблюдая за работой своих молодых коллег, но оставаясь в футбольном строю.

Как-то в одной из наших бесед он привел высказывание известного английского тренера (не запомнил его имени), сказавшего о своей профессии так: «Если бы моя команда все время побеждала, я бы переменил свою профессию».

— Парадокс?

— В известной степени да. Не знаю, как мои коллеги, лично я готов подписаться под аналогичным заявлением! — воскликнул Аркадьев, озорно блеснув глазами и как бы приглашая меня присоединиться к его мнению. И, расшифровывая смысл сказанного, добавил: — Поражение конечно же всегда неприятно, не стану лукавить и оригинальничать. Но поражение от очень сильного соперника, переигравшего твою команду, что называет-

ся, по всем статьям, дает такую пищу уму и мне, тренеру, и моим футболистам, что невольно служит неким незримым моральным допингом, заставляющим нас не только искать разгадку случившегося, но и рождает новые идеи, ранее дремавшие где-то в подсознании, а вот теперь, после стрессовой ситуации (поражение — это всегда стресс!), нашедшие выход в творческой активности тренера, а значит, побуждает интенсивнее тренироваться и самих футболистов!

Все теоретические разработки Аркадьева, поиски гармоничной, зрелищно красивой игры проверялись им на практике. Его отношение к футболу всегда носило характер творческий, новаторский. Как и многие его коллеги, приняв систему «дубль ве», он с присущей ему пытливостью начал искать и вскоре нашел несколько усилений, и, в частности, такое интересное, как игра «сдвоенным центром нападения», где Григорий Федотов и Всеволод Бобров были непревзойденными исполнителями!

Новинкой по тому времени было великолепное применение всеми армейцами так называемого «недоданного паса». Суть этого приема заключалась в том, что принимавший мяч, упреждая его приход в свой адрес, резко выходил из-за спины своего опекуна навстречу мячу, опережал своего соперника и тем самым выигрывал драгоценные секунды для дальнейшего продолжения атаки, начатой его партнерами.

В исполнении команды армейцев такая манера игры выглядела не только эффектной, но и эффективной и, что самое главное, постоянно держала в напряжении оборону конкурентов. Беспрерывное маневрирование, смена места нападающими, изменение направления ударов — все это вкупе так дезорганизовывало обороняющихся, что в конце концов, ошибаясь, они не успевали помешать прицельным ударам форвардов ЦДКА, каждый из которых был настоящим мастером своего дела.

А каким тонким психологом и футбольным сердцеведом бывал Аркадьев! Как-то после разбора очередного матча он сказал, обращаясь к команде:

— Замечаний у меня больше нет. Но есть одна просьба к нескольким игрокам, называть их не стану. Те, о ком пойдет речь, сами поймут, в чем их вина перед коллективом, а остальных прошу быть внимательными, ибо сказанное будет, я полагаю, полезно всем. Давайте договоримся, друзья, вот о чем. Я понимаю, что все вы молодые, здоровые парни и, разумеется, можете, имеете полное право располагать своим свободным временем, досугом так, как сочтете это необходимым. Я не призываю вас к монашеской жизни, к воздержанию от дружеского застолья и прочих обычных вещей. Но хочу заметить тем, кто почему-то решил, что, злоупотребляя спиртными напитками с последующим интенсивным выпариванием грехов в парной, они не приносят вреда своему организму. Кто так считает — глубоко заблуждается, более того, он, попросту говоря, укорачивает свой спортивный век!

Игроки, смущенно переглядываясь, молчали.

— Вместо того чтобы снять усталость после труднейшего матча, — продолжал Аркадьев, — а баня в разумных дозировках великолепное средство в этом смысле, многие из вас, переборщив за праздничным столом, на следующий день, забравшись на полку, дают сердцу дополнительную нагрузку.

Вот все, что я хотел сказать вам, товарищи. Если что-нибудь хочет добавить доктор, мы выслушаем его...

Доктору добавить было нечего, Аркадьев сказал и за него тоже.

Борис Андреевич всегда очень ценил игроков, думающих на поле, его радовали импровизация, отход от заданного плана игры, если этот отход, разумеется, вносил нечто новое, неожиданный поворот в создавшейся ситуации.

— Чем интеллигентнее, образованнее будет футболист (а именно таким Аркадьев видел настоящего мастера), тем легче, быстрее он поймет мою тренерскую задумку, и не только поймет, но и выполнит. И не только выполнит, но, если надо, откажется от нее, найдя гораздо лучший, более остроумный ход. Роботы, механически, бездумно выполняющие тренерский план, мне не нужны,— нередко подчеркивал в наших беседах Аркадьев.

Он старался воспитывать не только классных спортсменов, он воспитывал граждан, и это, поверьте, не красивая фраза.

Мне как-то довелось побывать в Третьяковской галерее вместе с футболистами ЦДКА, и я до сих пор, будто это было вчера, помню увлекательнейший комментарий Бориса Андреевича Аркадьева, когда, остановившись перед знаменитыми полотнами Репина, Сурикова, Васнецова, он рассказывал об истории создания этих шедевров, об их творцах. Рассказывал так, что вскоре к нашей сравнительно небольшой группе присоединилось с десяток-другой добровольных слушателей, «перебежавших» от дежурного экскурсовода, да так и оставшихся с нами до конца осмотра!

Многие из них, видимо, узнали знаменитых футболистов и их тренера и, перешептываясь («Я говорю вам, ребята, что это Владимир Никаноров, вратарь, а рядом с ним Алексей Гринин, правый крайний и капитан команды!...»), как я заметил, смотрели больше на игроков, коих до этого большинство из них видело чаще с трибун стадиона, нежели на выставках.

Суммируя те свои впечатления от экскурсии, я сделал пометки в блокноте: «Нет, такой тренер, как Б. А. Аркадьев, не может считать футболиста бессловесной марионеткой, слепо выполняющей его очередной замысел...»

Поэтому я уверен, что при всем разнообразии методов, систем, направлений в учебно-тренировочном про-

цессе, более того, в создании, скажем так, футболиста-творца, истого мастера, умеющего на поле делать все и вся, нет у нас пока другого такого футбольного специалиста, который пользовался бы столь непререкаемым авторитетом, как Борис Андреевич Аркадьев!

Он и сейчас остается эталоном воспитателя футбольной семьи, являя собой, всей своей деятельностью пример истинно творческого отношения к делу. Его можно смело, без каких-либо натяжек считать классиком нашей футбольной педагогики, а его книги, такие, как «Тактика футбольной игры», «Игра полузащитников», не говоря уже о десятках статей, опубликованных в разное время в периодической печати, стали хрестоматийными!

Что касается достижений Аркадьева-практика, то его активу могут позавидовать самые удачливые коллеги. В 1940 году он привел к победе в чемпионате страны московское «Динамо». Еще большими успехами отмечена работа Бориса Андреевича в коллективе армейских футболистов. Трижды, в 1947, 1948 и 1950 годах, они становились чемпионами страны и четырежды завоевывали Кубок СССР!

Остался верен себе Аркадьев и тренируя московский «Локомотив». Под его началом футболисты-железнодорожники в 1957 году, спустя двадцать лет после завоевания Кубка страны (1937 год), второй раз стали обладателями почетнейшего приза!

Все эти достижения говорят сами за себя и в дополнительных комментариях вряд ли нуждаются. Добавить к сказанному нужно, пожалуй, лишь то, что победы были одержаны учениками Бориса Аркадьева в очень красивом, рациональном стиле.

ЭТОТ ХИТРОУМНЫЙ МИХЕЙ...

Он ворвался в спорт стремительно, без каких-либо протекций, сразу заявив о себе в полный голос, и быстро, что бывает крайне редко, стал кумиром спортивной Москвы. Поначалу, правда, той ее части, что отдавала предпочтение игре в русский хоккей, а потом, несколько позже, оценив разносторонний талант этого долговязого парня, смахивавшего на Паганеля из фильма «Дети капитана Гранта» в исполнении Николая Черкасова, признала в нем и искусного футбольного умельца.

И все же биография его в большом спорте начинается с хоккея, в котором Михаил Якушин, а наш рассказ именно о нем, был выдающимся мастером.

В самом деле, не часто увидишь, как на твоих глазах внешне несколько медлительный игрок, получив мяч, почти без подготовки «стрелял по воротам», поражая цель, как правило, сильнейшим и хлестким ударом, прозванным в хоккейном просторечье «нахлюпом», когда крюк его камышовый клюшки накрывал мяч под углом примерно сорок пять градусов. Вратарю бывало нелегко предугадать направление полета мяча, столь быстро, почти без замаха исполнял Михей, такова вскоре стала его кличка, укоренившаяся за ним навсегда, разного рода удары и наиболее успешно из стандартного положения, именуемого в русском хоккее «розыгрыш углового удара».

Зная эту его снайперскую способность, оборонящиеся нередко почти всей командой бросались под мяч, помогая своему голкиперу. И тем не менее Михей ухитрялся находить-таки щелку, свободную от контроля защиты, и именно туда направлял маленький плетеный мяч, вызывая всякий раз бурные восторги трибун.

А как он пасовал мяч партнерам! Его передачи бывали столь точны и выверенны, что направить мяч в ворота оставалось, что называется, делом техники. Когда

же партнеры все-таки умудрялись не попадать в ворота, Михей недовольно постукивал крюком клюшки по льду, всем своим видом как бы говоря: «Ну, братцы, если вам такой пас не пас — тогда не знаю уж, какой еще нужно...»

Якушина быстро заметили, и очень скоро, проходя воинскую службу в войсках МВД, он стал выступать за «Динамо», связав всю свою дальнейшую жизнь с нашим первым спортивным обществом, отдав ему весь свой большой, яркий талант сначала игрока в хоккей и футбол, а затем уже в качестве тренера, многократно завоевывая звание чемпионов страны в обоих популярных видах спорта.

Не умаляя ни значения самого хоккея, ни огромного вклада Якушина в развитие этой очень популярной игры, тем не менее, если говорить о футболе, то имя Михаила Иосифовича Якушина занимает, несомненно, одно из первых мест среди его самых заметных лидеров!

И в футболе, и в хоккее, как, впрочем, в любой спортивной игре, авторитет, имя нападающего в особенности находится в прямой зависимости от его результативности. Забитые мячи — наилучшая аттестация класса форварда при всех его прочих очень нужных качествах.

Но если судить о том же Якушине-футболисте, руководствуясь только этим критерием, то получается, что фигура он малозаметная, в лучшем случае крепкий середняк, не более. Однако посчитавший так наверняка ошибется, ибо не заметить Якушина на поле при всем желании было нельзя. С первой и до последней минуты матча правый полусредний динамовцев завязывал комбинации, бросал неожиданным длинным, с фланга на фланг, переводом мяча в атаку партнеров, чаще всего Сергея Ильина, и тот, загодя набрав скорость, почти без остановки бил по воротам и нередко достигал цели.

Не оставлял в беде Якушин и своих защитников, когда им приходилось туго. Внимательно следя за пере-

движениями соперников, великолепно разбираясь в их наиболее часто применяемых комбинационных ходах, Якушин, предвосхищая их атаку, успевал в самые опасные точки, дабы перехватить последний перед завершающим ударом пас и немедленно, сразу же начать контратаку.

Вот таким предвидением, умением считать свои и чужие комбинационные ходы, искусством руководить партнерами, направлять игру в нужное, единственно верное русло Якушин владел бесподобно. Причем он никогда никого не копировал. Да, собственно, не с кого пожалуй, ему было брать пример, ибо вести игру так, как это делал он, каждый раз преподнося соперникам новые загадки, мог разве что только один Якушин!

Как всякий большой мастер, будучи оригинальным, он никогда не оставался однообразным. Когда это диктовалось игровой обстановкой, от его кажущейся медлительности, тягучести не оставалось и следа. Отличный техник, он великолепно бил с обеих ног, и забывавшие об этом его грозном оружии вратари раскаивались, вынимая мячи из сетки своих ворот после «выстрелов» Михея.

А он и в самом деле умел великолепно скрывать свои истинные намерения на поле, и в этом смысле слыл за хитреца, укрывавшегося в засаде и ждущего нужного момента, чтобы появиться на сцене и принять участие в развязке спора!

И вот такой игрок, закончив выступать, решил продолжить свою жизнь в футболе в роли тренера. Вечный вопрос, сможет ли отменный вчера футболист проявить себя так же успешно в новом качестве, не возник ни у кого, да, пожалуй, и у самого Михаила Иосифовича.

Прямо об этом он, правда, никому не говорил, но можно предположить, что особых опасений Якушин не испытывал, став у руля команды. И не в последнюю очередь эта уверенность зиждилась на том, что руль этот

он принял из рук человека, им очень уважаемого, тренера многоопытного — Бориса Андреевича Аркадьева, умевшего передавать свои знания, никогда не утаивавшего от других профессиональных секретов, справедливо полагая, что любое достижение, принесшее успех, редко когда остается тайной за семью печатями, давая лишь какое-то временное преимущество автору какой-либо новинки.

Собственно, новая профессия — футбольный тренер — еще только-только завоевывала права гражданства, только утверждала себя. И Аркадьев был одним из первопроходцев. Они нередко ошибались, ища верный курс, но настойчиво шли к намеченной цели, веря в конечную правоту своих исканий.

Уважая и ценя заслуги своего предшественника, Якушин тем не менее пошел своим путем, используя, естественно, и достижения отдельных своих коллег, но опираясь в своих исканиях на собственный опыт игрока, долгое время бывшего признанным лидером, конструирующим игру одного из лучших наших клубов.

Для Якушина никогда не существовал один игрок сам по себе с его достоинствами и недостатками. Зная, что идеально талантливых футболистов в природе не существует, как, впрочем, и людей вообще, Якушин, мысленно создавая команду своей мечты, исходил из реальности, иными словами, придерживался основного принципа в комплектовании, стремясь найти такое сочетание игроков, где их достоинства и недостатки были бы настолько удачно сбалансированными, что вкупе ансамбль не фальшивил, добиваясь единого и желанного победного звучания.

Нельзя не отметить, что именно Якушин стал в нашей стране первооткрывателем новой тактической системы «1+4+2+4», во многом предвосхитив ее появление в Бразилии, о чем мы почему-то стыдливо умалчивали и умалчиваем, восхищаясь мастерством заокеан-

ских футболистов, воздавая должное, иногда, пожалуй, слишком восторженно, иным зарубежным «звездам».

Рассказывая о Якушине-тренере, нельзя не сказать, что он до сих пор остается своеобразным рекордсменом среди своих коллег по количеству завоеванных им с командой «Динамо» (Москва) титулов чемпионов СССР.

Но конечно же его звездным часом, как, разумеется, и руководимой им команды московского «Динамо», было турне в Англию и Шотландию в 1945 году.

Вспоминая эту ставшую для нашего футбола этапной поездку динамовцев на родину футбола, мы иногда забываем (очевидно, здесь невольно действует дистанция времени) о том, что задача перед полпредами советского футбола, а именно в этой роли пришлось выступать динамовцам на полях Англии и Шотландии, стояла нелегчайшая.

То был вообще первый после войны выход советского футбола на международную арену. И, что тоже очень важно, Якушин почти ничего не знал или знал очень мало, поверхностно о стиле, манере игры соперников.

Разумеется, он предполагал, насколько сильны английские профессионалы, да еще выступающие у себя дома. Но здесь, согласитесь, несмотря на свою избитость и штампованность, на ум невольно приходит известное «лучше один раз увидеть...». Но разве могут заменить личные наблюдения игры соперников ее описания, почерпнутые из периодической литературы, отдельных журнальных статей?!

И тем более поражаешься способностям Якушина-аналитика, сумевшего буквально на ходу, умело варьируя составом, менять тактику и, нащупав наиболее уязвимые места в обороне британцев, именно на этом направлении осуществлять быстрые прорывы!

Отмечая мастерство динамовских «звезд» — А. Хомича, К. Бескова, В. Карцева и других, довольно скупая

на похвалу победителям из других стран английская спортивная и большая пресса не могла, однако, не отметить отменное искусство тренера московских динамовцев Михаила Якушина, сумевшего не только за короткий промежуток времени узнать сильные и слабые стороны британского футбола, но, что вообще удивительно, столь эффективно найти противоядие игре английских профессионалов, обычно почти не проигрывающих на своем поле. А общий итог того турне, напомним, был весьма впечатляющий: 19 : 9 в пользу динамовцев!

Бывая на стадионе «Динамо» в день матча хозяев поля, я всегда встречал на самом верху, на последних этажах Северной трибуны, одинокую высокую фигуру Михаила Иосифовича Якушина. Это его КП, отсюда он наблюдал всю картину футбольного боя. Записей почти не делал, полагаясь на свою отменную память.

И когда еще не остывшие после первой половины игры, опустившись в кресла, игроки отхлебывают короткими глотками горячий чай, Михей по очереди подойдет к каждому и буквально одной-двумя репликами объяснит существо допущенной ошибки, непременно подскажет, как исправить положение.

По-разному, помнится, он это делал.

Как-то в перерыве матча со «Спартак» Якушин не очень громко, но так, чтобы было слышно всей команде, говорил полузащитнику Александру Соколову:

— У тебя, Сашок, в общем-то дела идут неплохо. Напомню тебе буквально мелочь. Ты, дружок, очевидно, забыл, что мы с тобой играем в белых майках, а соперник — в красных. Так вот ты, когда отдаешь мяч, один раз отдавай красному, а все остальные разы — белому, своему партнеру. А ты заладил все красному да красному... понял?

Это был один из образчиков якушинской иронии, иногда, быть может, излишне злой, но тем не менее

всегда попадавшей в точку и по существу справедливой, по делу, а не дабы просто обидеть спортсмена.

Кое-кто считал, что ему немало везло и на тренерской стезе тоже. Не знаю, какое такое «петушиное слово» знал Якушин. Но, думается, коль везение с таким завидным постоянством посещает одного и того же человека, логичнее предположить, что, кроме улыбки фортуны, спортивного счастья, он умеет кое-что делать и сам, причем, судя по достигнутым им результатам, весьма и весьма неплохо!

Позволю себе привести оценку его деятельности, данную его одноклубником и сподвижником Виктором Ивановичем Дубининым, заслуженным мастером спорта: «Будучи в Тбилиси (тогда я временно ведал делами московской команды «Динамо», а тбилисских динамовцев тренировал М. Якушин), я услышал из уст одного из очень известных игроков южан любопытное признание: «Нет лучше тренера, чем Якушин, и нет человека хуже, чем Якушин...»

Как понять такую полярную, противоречивую характеристику одного и того же человека? Но противоречие это кажущееся. Тренер Якушин сделал очень много для тбилисских динамовцев, создав, по существу, новую команду, исповедующую принципы современного футбола, но сохранившую при этом черты своей национальной школы.

Но тот же Якушин, искореняя все ненужное, наносное, борясь с нарушителями дисциплины, режима, строго спрашивая с каждого, не глуша, однако, инициативы, оказался «плохим» для некоторых возмнивших себя премьерями, коим все должно сходиться с рук, игроков.

Вот, собственно, и ключ к разгадке.

Якушин — прирожденный тренер. На поле он видит то, что, как это ни покажется странным (вроде бы рядом сидели, говорили, спорили), ускользает подчас от взгляда иных специалистов...

Критический склад ума и любознательность помогали ему в аналитической работе. Допущенную однажды ошибку, просчет Якушин никогда не повторял дважды. К поражениям относился спокойно, во всяком случае, внешне бывал предельно корректен, никогда не высказывал явного недовольства арбитражем, хотя видел и его просчеты, иногда даже весьма серьезные, влиявшие на исход матча. Но в таких случаях он резко пресекал сетования отдельных игроков, пытавшихся свою малую активность, иногда попросту плохую игру, оправдать ошибками рефери, якобы не заметившего умышленную игру рукой у соперников.

— Не надо искать стрелочника, уважаемый, — сердито бросал такому игроку Якушин, — надо быть мастером своего дела, тогда никакие судейские казусы, огрехи нам не страшны!

Якушин никогда не переставал учиться, полагая, что знает гораздо меньше, чем обязан знать тренер, и призывал к совершенствованию своего мастерства всех игроков независимо от прежних заслуг и почетных званий.

И вот эти-то неуспокоенность, вечный поиск и сохранили ему молодость, свежий взгляд на вещи, окружающих его людей, сохранили желание поделиться своим богатейшим опытом и знаниями с теми, кому нести дальше и развивать дело всей его жизни — служение советскому футболу!

«ДЕД»

Легче, наверное, представить себе новогоднюю елку без игрушек, Деда Мороза без бороды, врача не в белом халате, нежели, рассказывая о футболистах московского «Торпедо», не сказать о Викторе Маслове.

Думаю, что в судьбе этого тренера-самородка как в фокусе сконцентрировались все плюсы и минусы нелегкой и, скажем прямо, не всегда благодарной профессии.

Немного, ручаюсь, в истории нашего футбола найдется тренеров, кто бы, как Маслов, шестнадцать сезонов, правда с перерывами, руководил одной и той же командой!

Виктор Александрович Маслов — коренной москвич и автозаводец, для которого завод имени И. А. Лихачева всегда был и оставался родным домом, где он начал писать свою рабочую биографию, где стал известным мастером футбола, а затем еще более известным тренером. Будучи одним из создателей очень интересной, непохожей ни на одну другую команды «Торпедо», где бы в дальнейшем ни работал, он всегда сохранял в памяти дружный заводской коллектив.

Вот уж воистину первая любовь не ржавеет...

Казалось бы, каких больших успехов добились динамовцы Киева, выигравшие под началом В. Маслова трижды подряд звание чемпионов страны, Кубок СССР, и тем не менее, наблюдая за игрой милых его сердцу торпедовцев, Виктор Александрович, надо полагать, нередко ловил себя на мысли, что, сложись все по-иному, будь потерпеливей иные администраторы, привыкшие иной раз слишком поспешно делать оргвыводы, и заиграли бы — еще как! — его пацаны, которых он, Маслов, разыскал в дворовых командах, затем, терпеливо уча и опекая, довел до команды мастеров, доверив в дальнейшем наиболее способным ключевые посты в основном составе!

«Ну не получилось, так ведь не сразу и Москва строилась...» Нет, то была не дежурная фраза, слетевшая с уст Виктора Маслова по дороге домой, когда, проводив на аэродром Внуково команду киевского «Динамо», обыгравшую накануне его родное «Торпедо» и возвращавшуюся в Киев, ее наставник остался в столице, вызванный на совещание Федерации футбола СССР.

— Несмотря на успехи вашей нынешней команды, тоска по Москве, Виктор Александрович, наверное, нет-

нет дает о себе знать? — осторожно возобновил я прерванный разговор.

Он прикурил от полупогасшей сигареты новую и, судя по всему, был не очень расположен продолжать беседу.

Журналистский опыт подсказал мне, что самое время запастись терпением и ждать, пока Маслов сам проявит активность и захочет продолжить начатую им же мысль.

Глубоко затянувшись и выпустив кольцами струйки дыма (старая привычка бывалого курильщика), он продолжал:

— Мы, тренеры, уже по роду своей достаточно беспокойной деятельности превращаемся иногда в кочевников, не в летунов, нет. Такие если и встречаются, то крайне редко. Но когда я слышу формулировку «уволен по собственному желанию», мне почти всегда, исключения очень редки, кажется, что кто-то, почему-то не очень-то разобравшись и не вдаваясь в смысл происшедшего, не нашел ничего лучшего, как волевым решением освободиться от нужного, весьма знающего работника, причем вопреки его желанию. Не рискну говорить за всех. Лично мне, например, никогда не хотелось расставаться с «Торпедо», где я много лет играл, где вложил немало труда в создание команды, где, наконец, оставил не такую уж малую часть своего сердца и души! А вы спрашиваете о какой-то тоске по Москве. Да я никогда и не забывал ее! И можно ли вычеркнуть из своей биографии без малого полвека, отданных вкупе автозаводу имени И. А. Лихачева и спортивному клубу «Торпедо»!

Разговор наш в тот раз оборвался где-то на середине. Маслова попросил к себе (он сидел впереди нас) сотрудник отдела футбола Спорткомитета СССР А. Меньшиков. Извинившись, Виктор Александрович обещал вернуться к начатой беседе.

А у меня надолго сохранилось от нее ощущение, ко-

торое испытываешь, когда невольно прикоснешься к чужой боли. Мне казалось, что, нарушив правила своей профессии, я решил узнать то, что мне вроде бы не очень хотели сказать. Впрочем, быть может, это мне только показалось.

Так или иначе, я мысленно оправдывал свои действия. В самом деле, разве Виктор Маслов, наш земляк, один из интереснейших футбольных педагогов, не должен в первую очередь работать в своем родном городе, здесь растить и пестовать спортивные таланты?

Скажут, местничество. А как же с передачей опыта? И разве мало московских специалистов встретишь нынче на БАМе, в Сибири, на всесоюзных комсомольских стройках? — спросит иной читатель. И в известной степени будет прав. Хотя в нашем, специальном случае так ли годится знак равенства? Можно, разумеется, откомандировать специалистов, и не одного-двух — десятки! А когда у самих раз, два и обчелся?

В жизни, как известно, всегда есть ведущие, лидеры и ведомые, те, кто, будучи даже людьми одаренными, охотно следует за первыми, почти не пытаясь обойти их. Виктор Александрович Маслов — типичный лидер!

Начав свою трудовую деятельность со слесаря-сборщика, Маслов вырос в руководителя транспортного цеха, в футбольной команде был капитаном. В дальнейшем — педагогом в футбольной школе молодежи Москвы, затем тренером, старшим тренером. Словом, везде командные посты, пусть разной значимости, но командные!

И это не просто тщеславное желание быть всегда на виду. Желание подкреплялось умением, а последнее питали удивительное трудолюбие и знания, знания и еще раз знания. И не только футбольные. С годами, с опытом практической работы с людьми (некоторые бывали и образованнее Маслова) он понял, что не должен, просто не имеет права довольствоваться малым. Так в его био-

графии появилась отметка об окончании Высшей школы тренеров по футболу!

А быстротекущая жизнь торопила, заставляла его присматриваться к новым веяниям в большом спорте, и, естественно, в футболе в первую очередь. Побывав на нескольких чемпионатах мира и Европы в качестве тренера-наблюдателя, Маслов, добросовестно составив отчеты, почерпнул для себя как для специалиста немало полезных сведений. Сравнивая, сопоставляя, что-то принимая, от чего-то отказываясь, он мысленно создавал свою команду, но не умозрительно — иначе это был бы не Маслов, а начав возводить ее фундамент вскоре после того, как отстоялись впечатления. Его неугомонный характер требовал действия, дела!

Да, у него не было еще идеальных исполнителей, чтобы рискнуть начать задуманное. Но разве самая длинная дорога не начинается с первого шага?

И он сделал этот шаг!

Еще работая старшим тренером в футбольной школе молодежи, тогда первой такого рода в столице и в известном смысле экспериментальной, кстати сказать, организованной по инициативе и при непосредственном участии заслуженного мастера спорта Николая Николаевича Никитина, одного из первых тренеров «Торпедо», команды, выступавшей в то время под флагом московского автозавода, Виктор Маслов присмотрел нескольких пареньков. Все они ему очень понравились тем, что могли и любили тренироваться часами. Он скажет, бывало: «Занятие окончено, можете пройти в душ и учтите: принесете из школы хотя бы одну двойку, к занятиям не допущу!» — «А можно, мы еще немного «постучим»?» — спросит Саша Медакин, рослый блондин с красиво уложенными природой локонами, будто он и впрямь сошел с кресла парикмахера. Скажет за всех. Разве откажешь в такой просьбе? Язык не повернется ответить «нет».

Он, Виктор Маслов, как и его сверстники, дети рабочих московских окраин, мог только мечтать заниматься в светлых просторных залах, да еще в зимнее время, да под руководством опытных тренеров, имея добротную спортивную форму! Конечно же тренер разрешал ребятам потренироваться, предупреждая, однако, чтобы, уходя, не забыли убрать за собой весь инвентарь, выключить везде свет и закрыть вентили от душа...

...Что и говорить, этим юнцам продолжать дело, начатое нами, воспитанными на пустырях, считавшими за счастье сыграть настоящим кожаным мячом. И на память невольно пришел суровый, выжженный 1941 год.

Тогда вместе с цехом любимого завода-гиганта автотопромышленности мастера футбола эвакуировались на восток. Спаянный многолетней крепкой дружбой, один из сильнейших футбольных коллективов страны «Торпедо» перестал существовать.

...Ежедневно на железнодорожную площадку в Шадринск прибывали тяжело груженные эшелоны с оборудованием из Москвы. Маленькая площадка стала одним из решающих узлов завода, железнодорожным цехом. Начальником его был назначен Виктор Александрович Маслов.

В те тяжелые для всей страны дни некогда было думать о футболе, его тактике, стиле. Лишь изредка приходили короткие письма и урывками доносились вести о том, как по-стахановски над заказами фронта трудятся токари В. Жарков и Н. Евсеев, как инженер-электрик В. Мошкаркин обеспечивает бесперебойное питание завода энергией, контролеры ОТК А. Пономарев и Г. Жарков ведут борьбу за высокое качество боевой продукции.

Но даже в эти трудные дни, когда все мысли были заняты одним — дать фронту продукцию как можно лучше, быстрее и больше, когда люди не смыкали глаз, автозаводцы помнили о своих мастерах футбола. На заво-

де издавна привыкли считать коллектив футболистов одним из цехов предприятия.

Сколько раз еще в довоенные годы приходилось футболистам слышать от директора завода и укоры, и по-отечески ласковые слова, и всегда одна мысль особенно подчеркивалась им: «Вас на заводе любят не просто как хороших ребят, отличных спортсменов, а потому, что ваш футбольный коллектив все мы считаем своим заводским цехом — «цехом бодрости». Прислушайтесь, — говорил он, — к заводскому ритму в те дни, когда вы побеждаете, и тогда по-настоящему поймете, сколько у вас настоящих болельщиков!»

Готовя смену, дальние резервы московскому футболу, всем пяти его «грандам» — «Динамо», «Спартак», ЦСКА, «Торпедо» и «Локомотиву», Маслов, естественно, не переставал думать о своем возвращении в «Торпедо». И когда такой случай представился (его снова, в который раз, пригласили возглавить команду автозаводцев), Маслов, приняв коллектив, решил укрепить его перспективными игроками, среди которых оказалось несколько его воспитанников из футбольной школы молодежи.

Так торпедовцами стали Александр Медакин, Геннадий Гусаров, Александр Поликанов и Виктор Шустиков. Последний оказался своеобразным рекордсменом. Он пока единственный в нашем футболе, кто сыграл 253 календарных матча подряд без единого пропуска и единой замены! Если же добавить, что Шустиков, бывший центральным защитником, по роду своих прямых обязанностей вынужден был участвовать в резких единоборствах с центральными нападающими, игроками весьма агрессивными, и ни разу за свою карьеру не был оштрафован арбитрами, что он провел около 450 матчей, то можно смело сказать, что такой спортсмен достоин всяческого уважения, а его жизнь в спорте достойна подражания.

Но это я забежал вперед. Наступил 1957 год, поло-

живший начало большому и плодотворному периоду работы В. А. Маслова и, пожалуй, наиболее значимой, яркой страничке в биографии «Торпедо».

На этот раз содружество команды и тренера оказалось, к их общему удовольствию, не мимолетным. Пять лет, данные Маслову на создание нового ансамбля автозаводцев, не пропали даром.

Разбег к вершине оказался, быть может, не столь быстрым, как того хотелось и самому тренеру, и многочисленным приверженцам команды. Но фундамент — физическая, техническая и морально-волевая подготовленность большинства игроков — достиг такого уровня, что можно было уже ставить перед коллективом более сложные задачи, нежели ранее.

Появление в составе автозаводцев юных Эдуарда Стрельцова и Валентина Иванова привело к созданию интересной, понимающей друг друга, что называется, с полуслова связки мобильных форвардов, что резко увеличило атакующий потенциал команды. Они были словно созданы друг для друга. Мощный, с отличным ударом и резким, взрывным рывком Стрельцов, парнишка, найденный торпедовцами в заводской команде «Фрезер», всегда успевал в самую горячую точку атаки, куда, увидев маневр-предложение партнера, незамедлительно следовал точнейший и всегда удобный для приема пас Валентина Иванова.

Разыгрался перешедший в «Торпедо» из команды горьковских одноклубников правый крайний Слава Метрели, удачно вписались в командную игру Геннадий Гусаров и Александр Савушкин, стажировавшиеся у В. Маслова в футбольной школе молодежи.

В тот год «Торпедо» неожиданно для многих, думаю, что в числе удивившихся такому взлету было немало и специалистов футбола, стало вторым призером чемпионата, завоевав серебряные медали.

«Молодцы, да и только!» — хотелось сказать едва ли

не каждому, кто следил за выступлениями торпедовцев, оценивая их тот успех. И радовал, честно говоря, не столько победный очковый баланс команды, сколько содержание, красота, изящность действий на поле всех игроков, как бы говоривших трибунам своими выступлениями: «Вы, друзья, пришли отдохнуть после трудового дня, набраться сил, запаса эмоций, без коих и работа, даже самая интересная, не в радость, так получайте от нас сполна все, что желали увидеть на зеленом газоне футбольного поля!»

И к чести автозаводцев, они редко когда обманывали ожидания любителей футбола, демонстрируя игру на круглые пятерки.

Ничто, казалось бы, не могло омрачить следующий сезон, но, против ожиданий, среди соискателей главных призов торпедовцев, увы, не оказалось. И во многом причина такого отступления объяснялась тем, что отлично начавший чемпионат Эдуард Стрельцов не сумел справиться с обрушившейся на него непомерной спортивной славой.

Оставшись без ключевого игрока в атаке, торпедовцы были вынуждены производить «ремонт на ходу». Нелегкую сложную роль взял на себя Геннадий Гусаров и вскоре, похоже, преуспел, забив 13 голов! Столь неплохого результата он смог добиться, разумеется, не без помощи великолепных партнеров — Валентина Иванова и Славы Метрели. Помогли команде своим задором, желанием укрепиться в ее основном составе Виктор Шустиков, Валентин Денисов и Олег Сергеев — выпускники ФШМ, но итоговое 7-е место вместо проигранного 2-го конечно же было расценено специалистами и прессой как ощутимый шаг назад.

Однако занятое место в чемпионате, количество набранных очков, будучи, так сказать, деловой характеристикой команды, определяющей ее местопребывание в табели о рангах, тем не менее не всегда точно отражают ее

истинный класс и способности ее игроков. Поднявшись на два места выше, перекочевав с 7-го на 5-е, автозаводцы после отличного финишного рывка чуть было не догнали третьих призеров, динамовцев Тбилиси, отстав от них всего-то на два очка.

Характерная деталь: если в 1955 году торпедовцы были представлены в сборной команде СССР В. Ивановым и Э. Стрельцовым, то начиная с 1957 года в списке «33 лучших» их становится все больше. Первыми номерами в нем числились В. Иванов и Э. Стрельцов, по два раза С. Метревели, а после завоевания чемпионского звания в 1960 году в этот список вошли сразу десять торпедовцев, в сборной СССР дебютировали В. Воронин и Н. Манюшин, а в следующем году — А. Медакин, Л. Островский, Б. Батанов и Г. Гусаров. Звездный час «Торпедо» пришелся на 1960 год.

Нет смысла поэтапно, от матча к матчу, описывать, как шло «Торпедо» к своей столь желанной вершине, отмечу лишь, что в тот сезон все, кто любит и ценит футбол, получили возможность наблюдать игру команды сильной и красивой во всех ее компонентах. Это был как раз тот случай, когда хочется сказать, что все без исключения, включая и тренера, оказались достойны самых шумных оваций.

Да и сам спортивный результат, показанный торпедовцами, не мог не удивлять: отнять семь очков из восьми у своего предшественника, бывшего чемпиона страны московского «Динамо», дважды обыграть их киевских одноклубников и за тур до окончания первенства стать чемпионами и выиграть еще и Кубок страны — такое к разряду даже счастливых случайностей не отнесешь!

Это, если так позволительно выразиться, было победой закономерностей, причем не одной, а нескольких, добытых упорнейшим трудом самих игроков и их наставника, которого они ласково-шутливо называли «дедом», вкладывая в это «имя» не столько возраст Виктора Алек-

сандровича Маслова, сколько его футбольную и житейскую мудрость, что вкупе со многими другими качествами, и в частности исключительной душевностью, и делает портрет этого умельца столь запоминающимся и привлекательным для интересующихся футболом и его самими интересными людьми, к коим конечно же следует отнести и Виктора Маслова.

К сказанному я бы, пожалуй, добавил еще две черточки его характера: смелость, принципиальность в принятии главных решений и удивительный глаз на способных игроков, коих он открыл буквально десятки.

Что же касается смелости и принципиальности, то позволю привести всего один пример из его практики.

Согласитесь, не каждый тренер, принимая команду, да еще в чужом городе, рискнет отказаться от услуг сразу трех ее прежних лидеров только на том основании, что, признавая их заслуги и мастерство, он, Маслов, «не видел их» в составе той команды, какую он задумал создать!

Для многих коллег Маслова его «ход» оставался непонятным и расценивался как своего рода «профессиональное самоубийство», ибо: «А если вдруг твои новобранцы не заиграют, если вообще задумка не состоится, что тогда — подавай заявление об уходе?»

«Дед» и в этом случае оказался кремневым, и в конце концов команда киевлян трижды стала чемпионом страны и надолго осталась лидером советского футбола.

Вот о таком «деде» невольно вспомнишь и пожалеешь, что нет его с нами, когда более чем скромно выступают в чемпионатах страны московские клубы, некогда прочно удерживавшие лидерские позиции.

И тешишь себя надеждой, что появятся у нас новые Викторы Масловы, быть может, из тех, кого он с таким рвением, таким юношеским задором обучал футбольному уму-разуму, которые, переняв эстафету мастерства у этого удивительного футбольного умельца, будут и та-

кими же истинными патриотами московского спорта, каким был и остался в памяти всех, кто его хорошо знал, этот симпатичный «дед»!

САМЫЙ ТИТУЛОВАННЫЙ НАСТАВНИК

Это кое-кому может показаться странным.

В самом деле, специалист, пользующийся заслуженным авторитетом, тонкий теоретик, стоявший несколько раз у руля сборной команды страны, тренер, приведший нашу футбольную дружину сначала в 1956 году в Мельбурне к олимпийским медалям (!), а спустя восемь лет завоевавший с командой, правда другого состава, Кубок Европы! — такой наставник и вдруг... столь скромный послужной список: работа с клубными командами, если не считать первого места, завоеванного тбилиским «Динамо» под его началом в 1964 году.

Все сказанное, как, очевидно, догадался сведущий в футбольных делах читатель, относится к человеку очень интересному и очень знающему, нашему земляку, динамовцу Гавриилу Дмитриевичу Качалину, кем мы, естественно, гордимся.

Тренер клубной и тренер сборной команд. Есть ли между ними разница, и если есть, то в чем она конкретно проявляется? И вообще, кто может, имеет право взвалить на свои плечи столь большую ответственность? Есть, разумеется, всесоюзный тренерский совет, опытные коллеги, готовые дать совет, подсказать то, что почему-то выпало из поля зрения тренера сборной. Все это так...

А если не так, если ошибки, просчет и затраченный труд, усилия — все это будет перечеркнуто сразу из-за глупейшей оплошности, случайности, которую даже нельзя было предусмотреть?

Кто бы мог подумать, что такой опытный вратарь, как Анзор Кавазашвили, в 1970 году в Мексике в матче

одной четвертой финала на мировое первенство с командой Уругвая поднимет руку, давая знать судье, что нападающий соперников, принимая мяч, находится в положении «вне игры», а рефери не обратит никакого внимания на жестикуляцию нашего вратаря, и нападающий без всяких помех забьет гол в ворота сборной СССР! Он оказался единственным в той игре и роковым для наших футболистов, вынужденных прекратить соревнование и выбыть из дальнейшего розыгрыша.

Кто виноват?

Формально, да и не только формально, в первую очередь вратарь. Но, наверное, вину должен был разделить с ним поровну и клубный тренер, не обращавший его внимание на такого рода действия, чреватые столь неожиданными последствиями, и, очевидно, не должны отказать от упрека в свой адрес и иные наши арбитры, не всегда реагирующие на подобные сигналы игроков.

Но все эти претензии при всей справедливости выказанных упреков, согласитесь, из области того, что в юриспруденции принято называть «частным определением», то есть вывод по поводу чьей-то оплошности, просчета, кои не должны повториться, если стороны будут соблюдать определенные правила и т. д.

А с кого спрос в нашем конкретном случае?

Разумеется, со старшего тренера сборной.

Очевидно, комплектуя состав, работая с приглашенными игроками, он что-то недоучел, чьи-то заслуги переоценил и, наоборот, чьи-то недооценил, если ансамбль не заиграл так, как этого от него ждали.

Словом, в таких случаях вопросов бывает больше, чем ответов. И это не случайно. Ибо, если говорить о комплектовании сборной команды, сразу возникает одна едва ли не главная проблема, которую в пору назвать «вечной».

Чем руководствоваться тренеру: собирать самых лучших, ярких «звезд» в единый ансамбль, либо базиро-

ваться на игроках команды-чемпиона, многолетнего лидера, показывающего стабильно высокие результаты?

Гавриил Дмитриевич Качалин, насколько мне известно, признавал в своей практике оба принципа, выбирая, естественно, тот вариант, который в данное время соответствовал реальной обстановке в нашем футболе. Главным для него оставалось одно незыблемое правило, которому он никогда не изменял: в лучшей команде страны должны непременно выступать самые сильные футболисты.

Казалось бы, ясно и просто, и надо полагать, нет на свете тренера, который бы думал иначе. Но футбол даже вроде бы в самых ясных ситуациях не устает предлагать нам загадки.

Согласитесь, не сразу поймешь и объяснишь, к примеру, такой факт: взяли отменно игравшего в своем клубе форварда в сборную команду. Попробовали его в одном матче, другом — ничего у парня не получается, не может он, как ни старается, найти общий язык с новыми партнерами. Поблагодарили его и расстались.

Вернулся «неудачник» в свой клуб и... заиграл так, что любо-дорого смотреть!

Как здесь быть? В чем причина такого явления? Вопрос далеко не праздный, здесь есть над чем поломать тренеру голову, ибо однозначного ответа не найдешь, его, попросту говоря, в природе не существует...

В практике Качалина бывали такие случаи. «По-разному они заканчивались, — вспоминал в одном из наших разговоров Гавриил Дмитриевич. — Я иногда сравнивал систему принятого у нас отбора с очень похожими, как мне кажется, кинопробами, когда известному актеру, пригласив его на одну из главных ролей будущего фильма, вдруг отказывают, и режиссеру ничего не остается, как принести свои извинения, понимая, что, отвергнув кандидатуру, он, вольно или невольно, нанес актеру мо-

ральную травму. Знаю, что кое-кто из хороших, даже очень хороших мастеров, достойных защищать цвета сборной, но по известным мне обстоятельствам не приглашенных мною в команду, до сих пор, хотя прошло уже вроде бы немало лет с той поры, обижены на меня. Но что поделать, иначе я тогда поступить не мог и, думаю, и сейчас поступил бы так же, ибо не признаю людей, меняющих свои принципы в зависимости от сложившейся конъюнктуры.

Но дело не только в этих, назовем их издержками нашей тренерской работы, огрехах. Куда как сложно, когда перед тобой стоит задача свести воедино несколько очень популярных игроков, привыкших к роли премьеров в своих командах. Надеть алую футболку с буквами «СССР» — мечта, я убежден, каждого настоящего мастера. Но футбол — игра прежде всего командная, и первые скрипки из разных ансамблей, попавшие в один оркестр, могут — и такое нередко бывало — и не «звучать», или, что не лучше, звучать фальшиво, не в унисон, если я, старший тренер, не пойму, как, с кем рядом рассадить, то бишь расставить, потенциальных солистов, чтобы их голоса звучали слитно, рождая победную симфонию!

Например, горячие, иногда излишне взрывные, любящие подолгу не расставаться с мячом грузинские форварды не всегда сразу находят взаимопонимание с расчетливыми, несколько холодноватыми в игре киевлянами либо привыкшими играть «накоротке» московскими спартаковцами. Связи, наигранные стереотипы, разумеется, дают себя знать в игре, когда какая-то связка, действуя синхронно, в привычной клубной манере, органично вписывается в ансамблевую игру остальных партнеров по сборной. Это только усиливает ее атакующий потенциал.

Но бывает и так, что одно какое-то звено играет само по себе, не считаясь с общей задумкой тренера, играет

так потому, что изменить, точнее, подчинить свои действия новому, таящему, возможно, немалые трудности плану это звено просто не в силах: куда как легче идти знакомой дорогой, чем торить новую, на которой еще неизвестно, чего больше — шипов или роз.

Разного рода колебания в настроении, реакции на какие-то нововведения, кои ломают привычные представления об уже давно знакомых тактических вариантах, не должны ускользать от пристального внимания тренера сборной в период контрольных матчей и вводов в состав игроков разного плана.

Вот если это может представить какой-либо интерес, могу показать старые записи, по ним, как мне кажется, нетрудно будет проследить, чем я руководствовался в своей работе с командой, выигравшей Кубок Европы в 1960 году!»

Я переписал тогда лишь несколько выдержек из тренерского дневника Качалина и с удовольствием познакомлю с ними читателя.

Дневник открывала фотография, запечатлевшая счастливые лица спортсменов, футболистов сборной команды СССР, победителей розыгрыша Кубка Европы для национальных сборных.

Усталые, но безмерно радостные вратарь Лев Яшин из московского «Динамо», защитники Анатолий Крутиков и Анатолий Масленкин из московского «Спартака», Гиви Чохели из тбилисского «Динамо», полузащитники Юрий Войнов из киевского «Динамо», спартаковец Игорь Нетто, нападающие Михаил Месхи из тбилисского «Динамо», Валентин Бубукин из московского «Локомотива», Виктор Понедельник из команды СКА Ростова-на-Дону, торпедовцы Валентин Иванов и Слава Метревели вместе со своими наставниками старшим тренером Гавриилом Дмитриевичем Качалиным и Андреем Петровичем Старостиным всем своим видом победителей лучше самых точных, красноречивых слов рассказывали о пе-

режитом за небольшой отрезок времени финальной части турнира, оказавшийся столь триумфальным для всего советского спорта.

Но то был итог, блистательный результат. А дальше, так сказать, по нисходящей был обозначен путь с находками, ошибками, просчетами, отдельными удачами, их скрупулезный анализ, позволивший замахнуться на большее, поверить в силы и возможности игроков, сумевших в конце концов, преодолев все барьеры, а они были архисложными, завоевать первенство!

Небольшой, но, похоже, постоянный раздел, названный в дневнике Качалина предельно ясно и просто, подделовому: «Что ты знаешь о соперниках?»

Опустив довольно развернутые характеристики отдельных сборных, остановлю ваше внимание, читатель, на сборной Югославии.

«Один из наиболее вероятных претендентов на выход в финал. Команда исповедует изящный комбинационный футбол. Умеет держать жесткую оборону. Если верить заявлению в печати союзного капитана сборной Югославии (союзный капитан следит за подготовкой сборной и обладает единоличным правом определять ее состав), то наставнику югославов удалось найти достойную замену таким мастерам, как Беара, Чайковский, Милутунович и Вукас. Вратарь Видинич считается одним из лучших в Европе, в сильного защитника вырос Юсуфи. Среди нападающих хорошей результативностью выделяются Милан Галич и Костич. Оба в матчах со сборными Англии, Франции и Венгрии забили по пять голов!»

Фраза «Если верить заявлению в печати...» была подчеркнута красным фломастером и заключена вопросительным знаком.

— Подозрение в умышленной дезинформации? — спросил я у Гавриила Дмитриевича, обратив его внимание на заинтересовавший меня абзац.

— «Подозрение», думаю, не совсем то слово. Но, согласитесь, принять на веру все то, чего не видел своими глазами, было бы опрометчиво! И потом, вы не дочитали сноску. А там указано: попросить Евгения Марковича Миновича проверить по его картотеке в Научно-исследовательском институте физкультуры, как названные футболисты выступали на протяжении как минимум двух последних сезонов. Знать сильные и слабые стороны конкурента — значит не с закрытыми глазами принять футбольный бой.

Качалин был прав, единственно, с чем я не совсем тогда согласился, так это с тем, что упомянутая картотека тогда только-только создавалась, и вряд ли он мог получить более расширенную и полную информацию, чем ту, что предоставил ему Е. М. Минович, к слову сказать, очень много сделавший для организации столь нужного дела, как составление специальных досье на игроков национальных сборных команд.

Не берусь судить, насколько продвинулась начатая им классификация, можно только сожалеть, если, родившись, она не получила своего развития.

Так или иначе, контакт с представителями наук о спорте всегда отмечал работу Гавриила Дмитриевича на посту старшего тренера сборной. Он вообще слыл поборником коллегиальности, но это, разумеется, не означало, что он снимал с себя какой-либо груз ответственности за принимаемые им решения.

Когда надо было, Качалин умел «и власть употребить...». От его внешне очень спокойной, мягкой манеры вести беседы, говорить с игроком не оставалось и следа. Он, правда, никогда не повышал голос. Но сказанное им имело довольно твердый и решительный подтекст, не вызывавший сомнений в строгости предстоящего наказания нарушителя спортивного режима.

— Все свои междоусобные споры и старые счёты забудьте и перечеркните. Здесь, в сборной, вы в одном

доме, под одной крышей, и все, что здесь делается, должно быть подчинено одной цели, а она вам известна, — не уставал говорить Гавриил Дмитриевич, стремясь к созданию климата дружбы и доверия в коллективе, который, собираясь по несколько раз в сезоне, обязан был сохранить единство веры и цели у всех его участников.

Поэтому строчка «выяснить, какая кошка пробежала между М. Месхи и С. Метревели?» была не просто «узелком на память», а попавший в поле зрения тренера микроконфликт, причину которого ему, Качалину, надобно было непременно выяснить, дабы минутная размолвка между друзьями не переросла в серьезную ссору.

Эх эти самолюбия премьеров, словно сухой порох, готовый вспыхнуть от малейшей искры!

У сборной команды СССР был свой давний спор с югославскими мастерами футбола. Их матч в олимпийском турнире в Хельсинки в 1952 году, хотя и игрался в одной восьмой финала, закончившись со счётом 5:5, стал по своему накалу и драматизму поистине достойным финала. Шутка ли, проигрывая 1:3, советская команда нашла в себе силы в конце концов свести матч к ничьей! Через четыре года в Мельбурне советская команда победила югославов — 1:0 на пути к финалу и стала олимпийским чемпионом. Команду тренировал Гавриил Качалин. И наконец, еще четыре года спустя, в теперь уже совсем омоложенных составах, команды встретились в единоборстве за звание лучшей национальной сборной Европы.

Надо ли говорить, каким значимым для обеих сторон, каким престижным был их финальный матч!

Обо всем этом думали Качалин и Старостин, готовя команду к труднейшему испытанию.

Во встрече с югославами, если бы она произошла, Качалин понимал, что одной из первоочередных задач нашей команды, ее защитных линий будет нейтрализация двух ударных нападающих, Галича и Кости́ча. Оба они,

очень агрессивные, с хорошо поставленными ударами с обеих ног, и впрямь были опасными для любой команды. К их недостаткам можно было отнести злоупотребление индивидуальной игрой, столь характерное для многих премьеров, считающих себя способными, когда они находятся «в ударе», без особой помощи партнеров угрожать воротам соперников.

Именно эту негативную сторону их игры решил использовать Гавриил Дмитриевич, говоря своим защитникам, чтобы они, не следуя за подопечными по пятам, когда у тех не было мяча, сразу же включались в борьбу за него, как только он будет адресован Галичу или Костичу: «Лишив их свободы действия и маневра, оставив на голодном пайке, без мяча, вы заставите лидеров соперников уходить за поиском мяча к своей штрафной площади, они станут нервничать, ошибаться. Партнеры же, привыкшие к своеобразному эгоизму своих закоперщиков, не сразу перестроятся и рискнут взять игру на себя.

Таким образом, главное звено в цепи атакующих будет порвано, связи нарушены, инициатива упущена.

Возможно, события начнут развиваться и по иному плану. Но нам, друзья, нужен именно такой их поворот. Поэтому прошу вас, делайте все, чтобы навязать соперникам угодные нам действия.

Чем позже конкурентам станет ясна наша задумка, тем больше времени мы сумеем выиграть для организации эффективных контратак с результативной концовкой».

Не пересказываю течение матча, в котором сборная СССР, пропустив гол, долго была отыгрывающейся стороной. Славе Метревели удалось сравнять счет, а в дополнительное время Виктор Понедельник забил гол, ставший победным.

— Не все получилось в точности, как было задумано, но примерно процентов на 75 мое тренерское задание

оказалось осуществленным,— с удовлетворением заметил Гавриил Дмитриевич, помолчав, словно еще раз припоминая подробности, как истый гроссмейстер, получивший творческое удовлетворение от хорошо разыгранного варианта, где удачно «сработала домашняя заготовка», приведшая к успеху в главной партии турнира.

Что ж, такие победы память сохраняет надолго. И, вспоминая прошлое, невольно обращаешься к нынешнему поколению мастеров советского футбола, коим нести эстафету дальше, повторить и умножить достигнутые успехи.

А воспитание таких мастеров надо начинать с мальчишек. И делать это так, как пестует юных футболистов в своем родном «Динамо» заслуженный тренер СССР и заслуженный мастер спорта Гавриил Дмитриевич Качалин, тренер, олимпийский чемпион и чемпион Европы, самый титулованный из всех его коллег наставник!

ТАКИЕ НЕ ЗАБЫВАЮТСЯ

Не знаю, кто уж из пишущей братии придумал выражение «человек с двумя сердцами», но вот то, что адресовано оно было московскому динамовцу Валерию Маслову, одинаково хорошо игравшему в футбол и особенно в русский хоккей, догадаться было нетрудно. Причем в обеих играх он выполнял столь большой объем работы, что и впрямь не верилось, что на такое способен один человек!

Могу, однако, засвидетельствовать, что у Валерия Маслова был предшественник. Играл он за московский «Спартак». На хоккейной площадке он был менее заметен, чем Маслов, хотя по тем временам действовал неплохо и ансамблевой игры не портил.

Что касается футбола, то в нем он считался одним из королей, имевшим, надо полагать, тоже не одно серд-

це, иначе как же можно было успевать совершать бесконечные челночные рейсы между своими и чужими воротами и нередко забивать голы, о красоте которых долго еще говорил благодарный зритель, ставя их в образец!

Пора уже назвать этого моторного форварда, правого полусреднего нападающего конца 30-х годов московского «Спартака» Владимира Степанова.

Тысячелетняя футбольная молва окрестила его мало-понятной кличкой Болгар. Прилипнув к нему однажды, она стала как бы его второй, чисто футбольной фамилией. И каждый, произносивший «Болгар выдал пас!», «Болгар забил гол!», хорошо знал, что все это сделал с присущим ему мастерством и блеском Владимир Степанов.

Любопытно, что сам он, когда его об этом спрашивали, не мог объяснить, кто, когда, при каких обстоятельствах дал ему подобное прозвище. Тем не менее оно оказалось на слуху болельщиков Москвы и передавалось из уст в уста и всегда в превосходной степени. Он, несомненно, был любимцем публики и, понимая это, старался не уронить себя в ее глазах, оставаясь тем неутомимым тружеником футбола, которые всецело отдавались стихии игры, с нескрываемым сожалением расставались с мячом после финального свистка судьи, злясь на себя за то, что вот не успели завершить хлестким ударом столь успешно начатую комбинацию.

Дорожа мнением трибун, Степанов, однако, никогда не играл на публику, акцентируя ее внимание на своей персоне. Но так уже получалось, что не заметить его на поле было невозможно!

Его отсутствие в команде, когда он почему-либо не мог играть, что, замечу попутно, случалось крайне редко, настолько бросалось в глаза, что отлаженная футбольная машина «Спартака» тех лет с ее широкой, от края и до края, игрой работала вроде бы и в привычном ключе, но явно не в том ритме, на малых оборотах. И

напротив, стоило только Степанову занять свое место в боевых порядках красно-белых, как их скорости сразу возрастали, атаки приобретали нужную остроту и направленность, и защитники соперников вновь действовали на пределе своих возможностей, зорко следя за перемещениями Болгара.

Я не помню случая, когда бы центральный защитник команды и ее капитан, архитепераментный и всегда по-спортивному злой Андрей Старостин, хотя бы раз просил Степанова прибавить, взвинтить темп и ускорить осаду ворот. Не было такого. Степанов не только не нуждался в понукании, он сам, будучи прирожденным лидером, увлекал за собой партнеров, как бы неудачно ни складывался матч для его команды.

В то время когда он играл, не существовало клуба имени Григория Федотова, членом которого могут стать игроки, забившие за свою карьеру 100 и более мячей.

Не знаю, сколько мячей числится на лицовом счету бомбардира Владимира Степанова, думаю, не меньше, чем у нынешних, даже наиболее удачливых снайперов. Но в одном убежден точно: учреди мы сейчас приз за самоотдачу, приверженность флагу своего клуба, спортивного общества и неумное желание победы во что бы то ни стало, но непременно в честном, рыцарском поединке этот неистовый боец, Владимир Степанов, наверняка оказался бы среди его лауреатов, как оказались бы рядом с ним игрок ЦДКА Валентин Николаев, торпедовец Валерий Воронин, московские динамовцы Сергей Соловьев и Александр Малявкин и некоторые другие, чье трудолюбие достойно уважения и подражания и может служить примером для сегодняшней футбольной молодежи.

О них, в первую очередь, о Владимире Степанове, вспомнилось мне особенно остро, когда телерепортаж с футбольных полей Испании предложил нам посмотреть матч сборных команд СССР и Польши, в котором, как,

очевидно, помнит читатель, польскую команду вполне устраивал ничейный исход, чтобы продолжить борьбу на следующем этапе чемпионата мира, тогда как нашей команде, как воздух, нужна была только победа!

Не пересказывая всех его деталей и не повторяя уже порядком набивших оскомину упреков, не могу не сказать, однако, что будь в рядах нашей команды хотя бы один Степанов, матч, оставивший на нашей памяти столь неприятный осадок, мог бы принести столь желаемый нами результат.

Истинно боевой, спортивный дух — это не дежурная фраза-лозунг с неким оптимистическим зарядом. Нет, он действительно существует, этот неуемный энтузиазм, истое горение, являющийся порохом футбола! И вот когда его нет, нет одного-двух игроков, способных в критических для команды ситуациях повести за собой остальных, переломить ход борьбы в свою пользу, никакое, даже самое высокое, мастерство не убережет команду от поражения! Будучи почти традиционной страничкой едва ли не каждой второй мужской биографии, футбол, пожалуй, как никакой другой вид спорта, способен закалить не только тело, но и повлиять на становление характера человека.

Степанову, от природы настырному, упрямому в достижении поставленной цели пареньку, чье детство и юность прошли в Сокольниках, на Ширьевом поле, футбол закалил еще и волевою мускулатуру.

Возможно, эпитет «кремневый характер» и не самый точный и оригинальный, но скажите тогда, как обозначить состояние души, способность перенести тяжелейший удар судьбы и не пасть духом, как это, увы, случилось со Степановым! Потеряв под колесами трамвая ступни обеих ног, оставшись, слава богу, в живых, он тем не менее вот так нежданно-негаданно, казалось, перечеркнул всю свою прежнюю жизнь — жизнь в футболе.

Внезапно оглохший музыкант, ослепший живописец,

скульптор... И вот лишенный ступней ярчайший мастер футбола, переставший им быть в самом расцвете своего удивительного таланта, так радовавшего всех, кому довелось видеть его искрометную, огневую игру...

Трудно найти подходящие случаю слова. Разве что сказать: Владимир Степанов, переборов судьбу, остался в футболе, начав обучать нелегкому искусству побеждать в спорте тех, кто только-только стал постигать его азбуку.

Нет, он никогда не выбросит белый флаг, не признает себя побежденным. И вот эта жажда жизни, кипучей деятельности оказалась настолько сильной, что, помноженная на собственный опыт, педагогическое призвание, она, если хотите, помогла старшему тренеру футбольного коллектива московского городского совета «Спартак» так поставить дело, что в течение 18 лет его ребята никому не отдавали командного первенства Москвы! Рекорд, не побитый, к стати, до сегодняшнего дня.

И еще одна черточка его души всегда привлекала меня — это удивительная преданность своему клубу.

Радужный, всегда улыбающийся, бодрый и словоохотливый, Степанов очень ревниво относился к успехам своих одноклубников, каким бы видом спорта они ни занимались. Мне сдается, что слово «Спартак» он готов был перевести, и никогда не согласился бы ни на какое другое, как только на слово «победа». Здесь он всегда ставил знак равенства, и такого рода пристрастие, патриотизм, право же, не воспринимались слушателем как желание непременно выпятить своих и как-то, даже случайно, умалить достоинства конкурентов «Спартак». И в этом тоже был весь Степанов!

Его звездный час в футболе — это конечно же матч его родного «Спартак» и великолепной команды басков, выигранный москвичами со счетом 6:2!

И этот матч он считал главным в своей блестящей карьере не только потому, что в тот раз «Спартак»,

к слову сказать, усиленным такими отличными мастерами атаки, какими слыли армейский форвард Григорий Федотов и киевлянин Виктор Шилковский, была одержана уверенная победа над одной из сильнейших команд Европы! Но особенно было приятно ему сознавать, что из шести забитых мячей три, половина, оказались на его, степановском, счету, а значит, и спартаковском тоже, а для неистового Болгара это, согласитесь, факт немаловажный.

Таким в хорошем смысле этого слова беспокойным человеком, умевшим будоражить всех окружающих, заряжавшим их оптимизмом, был и останется в памяти всех, кому посчастливилось видеть его, заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР коммунист Владимир Александрович Степанов, неистовый Болгар в футбольном просторечье!

ВОКРУГ ФУТБОЛЬНОГО МЯЧА...

В старых блокнотах я нашел несколько коротких историй. Их герои не всегда футболисты. Но все, что с ними приключается, так или иначе связано с футболом, который они искренне любят, сохраняя верность своему увлечению на многие годы, как, собственно, и полагается истым любителям спорта.

А если они бывали в чем-то не совсем правы, совершали ошибки, то раскаяние их бывало столь искренним, а желание как-то поправить дело столь откровенным, что не простить их просто нельзя.

О своем таком просчете, правда в дни своей молодости, как-то поведал в беседе на футбольную тему художественный руководитель Театра имени Е. Вахтангова народный артист СССР Рубен Николаевич Симонов.

Он так и озаглавил свой «опус».

«Есть один грех на совести...»

Разговор этот происходил за кулисами в Театре имени Вахтангова, в гримерной. Ее хозяйин, сняв парик, стерев тампоном румяна с лица петербургского чиновника по особым поручениям Ивана Александровича Хлестакова и глотнув боржоми, принялся за рассказ:

— Так вот... Один судейский грех лежит на моей совести всю жизнь, и я, кажется, не избавлюсь от угрызений, пока не покаюсь.

Это было в 1917-м. Мне было 17 лет. Я судил в Новогирееве матч двух сильнейших команд Москвы. После первого тайма счет 3:3. Отдыхая на скамеечке, слышу угрожающие голоса новогиреевских дачников, яростных почитателей своей команды: «Пусть только проиграют новогиреевцы!»

Я стал прикидывать: матч кончится вечером, до станции далеко, и моему хрупкому организму, пожалуй, недобровать.

Начинается второй тайм. Гол в ворота Новогиреева. Я в ужасе. Игра идет дальше. Я не замечаю явного офсайда у новогиреевцев, и — о радость! — ответный гол. 4:4. Но реплика, брошенная кем-то из представителей противной стороны, вгоняет меня в легкий озноб. Я слышу: «В Москву-то ехать в одном поезде. Поговорим?!» Что делать?

Внезапно меня осеняет гениальная мысль. Ничья! Ничья устроит обе команды и меня. И я «сыграл» вничью — 6:6. Два пенальти и два «незамеченных» офсайда на моей совести.

Я вытащил вам, товарищ корреспондент, на божий свет эту историю не только для того, чтобы покаяться. Может быть, и нынешним судьям эта история что-нибудь да скажет. Ведь при хорошем, честном судье в футбол играют лучше!

Я поблагодарил Рубена Николаевича за столь запоздалое, но честное признание и с легким сердцем отправил его заметку в набор.

Все смешалось в доме... Севидовых

Шутка ли, завтра финал Кубка СССР по футболу! А к этому едва ли не главному событию сезона они, Севидовы, ныне имеют самое непосредственное отношение. Причем, как считает хозяйка дома, Лидия Дмитриевна, жребий (не зря его именуют слепым) выкинул на сей раз такое коленце, что и нарочно не придумаешь: свел в решающем матче команду, в которой центральным нападающим играет ее сын Юрий, с командой, которую тренирует ее супруг и отец Юрия Александр Александрович Севидов.

Такой оказалась ситуация перед тем, как на мою долю выпала нелегкая задача выполнить редакционное задание и написать репортаж перед матчем.

Вот каким он получился...

Севидовы готовятся... Утюг уже дважды пропутешествовал по красной с белым перехватом майке, каждый раз чуть подольше задерживаясь на пришитой к ней цифре «10».

С фотографии, что на стене, на Лидию Дмитриевну смотрит усталое, но безмерно счастливое лицо сына. В руках у него кубок, кубок футбольной славы! Побывав в объятиях каждого из спартаковцев, он задержался у молодого тогда форварда — Юрия Севидова.

Мать слышит привычно сердитое: «Ну что, я сам не выгладил бы?!»

Пусть! Ведь не станет же он отрицать, что у его матери «счастливая рука». Вот и в 1963 году, когда спартаковцы завоевали кубок, Юра играл в отутуженной его форме.

Шло время. Вскоре рядом с красно-белой футболкой

старшего сына появилась бело-голубая майка девятнадцатилетнего Олега, игрока дублирующего состава минского «Динамо», кстати, тоже центрального нападающего. В общем-то ничего удивительного в этом нет. Ведь глава семьи — в прошлом один из сильнейших нападающих московского «Торпедо» Александр Севидов. Тогда, на момент нашего рассказа, он тренировал минское «Динамо».

Как и подобает отцу, Александр Александрович гордится успехами старшего сына, предпочитая, однако, видеть его почаще в домашней обстановке, нежели неподалеку от ворот своей команды. А вот Лидия Дмитриевна считает, что обе стороны всегда могли бы сойтись на ничьей.

Нетрудно понять сердце матери. Однако законы розыгрыша Кубка суровы: только победа — третьего не дано! Таков девиз этого труднейшего состязания. Бой должен быть по-настоящему спортивным и непременно честным.

Собственно, иначе Севидовы и не представляют себе жизни в спорте.

Как сыграет Юрий в финале? Кому лучше поручить опеку его? Отнять мяч у него было всегда нелегко. Парень искусно прикрывает его корпусом, мгновенно убирает под себя. И в любой момент готов «стрельнуть» по воротам.

Александр Севидов специально остался в Москве, чтобы посмотреть матч чемпионата между торпедовцами и спартаковцами.

Тренер должен был еще раз (в который уже!) проанализировать игру грозного соперника, что, впрочем, также успел сделать его коллега, тренировавший тогда «Спартак» Никита Павлович Симонян, видевший матч динамовцев Минска с московским «Локомотивом».

Такова была диспозиция перед финальным матчем на Кубок страны между «Спартак» и минским «Дина-

мо». Он был очень упорным, с добавочным временем, и москвичам удалось вырвать победу. А сердиться на Юрия Севидова за то, что он забил в нем решающий гол и способствовал тому, чтобы кубок зимовал в Москве, его отец Александр Александрович не должен: ведь это именно он научил Юрия так метко поражать цель!

К тому же приз достался команде сына, а значит, в известной степени и семье Севидовых, коренных москвичей и отменных спортсменов!

В любом случае счастливый финал!

А вы говорите, футбол ясен и прост. Прост, да не всегда...

...А я вам скажу, не женское это дело

«Нет, нет и не возражайте! Я могу понять увлечение гимнастикой, особенно художественной, фигурным катанием — это просто восхитительно! Но транжирить время на то, чтобы девяносто минут сидеть и ждать, когда набьют побольше этих самых голов? Нет уж, покорнейше благодарю, увольте...»

Этому фрагменту из случайно подслушанного мною разговора двух женщин, ожидающих на остановке прихода троллейбуса, можно было бы и не придавать значения и, что называется, пропустить мимо ушей. Мало ли о чем говорят, а тут еще о предмете, о котором, мягко выражаясь, имеют самое смутное представление...

Но случилось так (вот уж действительно ирония судьбы), что нежданно-негаданно мне пришлось услышать, точнее — прочитать о чем-то подобном в письме девушки-студентки, сомневавшейся, правильно ли она поступает, что, несмотря на осуждение некоторых ее сокурсниц, а также хороших знакомых, продолжает оставаться верной поклонницей футбола, бывает на матчах.

Может быть, правы ее критики, а она поступает опрометчиво?

Можно ли девушке быть болельщицей футбола?
Письмо с таким не лишенным любопытства заголовком легло на стол редактора журнала «Спортивные игры» Анатолия Петровича Чернышева.

— Зайдите, пожалуйста, ко мне,— позвал он меня и, указав глазами на стул, протянул раскрытый конверт, прибывший к нам с берегов Невы.

— Что скажете? Не зря ли волнуется наша корреспондентка? И вообще, она, должно быть, не одинока в своих сомнениях,— сказал главный после того, как я ознакомился с написанным.— По-моему, здесь есть тема,— заключил он разговор, оставляя у меня письмо для информации к размышлению...

— Не знаешь, с какого конца подступиться к делу,— сочувственно проговорил наш специальный корреспондент Алексей Галицкий, узнав о полученном мною задании.— Я на твоём месте не стал бы голову ломать, а дал бы прокомментировать письмо какой-нибудь деятельнице независимо от ее профессии. Главное, чтобы футбол был для нее не только приятным времяпрепровождением, одним из видов воскресного отдыха, а чем-то бóльшим. Скажем: футбол помогает ей, стряхнув груз недельной усталости, сохранить, точнее, восстановить физические и духовные издержки организма...

Предложение было принято.

Но для разработки темы, условно названной «Женщины и футбол», надо было раздобыть автора. Но где взять такого, вернее, такую? Да и существуют ли они в природе, подобные футболоманки?

Перебирая в памяти вереницу знакомых мне представительниц слабого пола, я не нашел ни одной, кто бы мог ответить нашим требованиям — совместить в одном лице мастера своего дела и страстную поклонницу футбола.

Вопрос, заданный ленинградской студенткой Зинаидой Громовой, не выглядевший абсолютно типическим

явлением, тем не менее вызывал не просто праздный интерес. Конечно же каждый волен распоряжаться своим свободным временем по собственному усмотрению. Но тогда почему многие сокурницы Зины посчитали увлечение своей подружки футболом занятием, не достойным внимания серьезной девушки, завтрашнего филолога?

— Ох, какие же они еще глупышки, эти девицы! Как же они не понимают, что не бывать на футбольных матчах хотя бы раз в месяц — чаще лично у меня, к сожалению, не получается, — значит просто обкрадывать себя, лишая великолепной эмоциональной зарядки! — воскликнула Тамара Федоровна Макарова, дочитав до конца письмо Зинаиды Громовой... — Да, да, я непременно ей напишу, — сказала под занавес нашего разговора известная киноактриса, судя по всему, задетая за живое аргументами футболоненавистниц.

Вот каким был ее ответ:

«Дорогая Зина!

Товарищи из редакции любезно предоставили мне возможность ознакомиться с Вашим письмом, которое, несмотря на отдельные спорные, с моей точки зрения, места, не могло оставить меня равнодушной, и я решила рассеять Ваши сомнения, ответив Вам не лично, а через журнал, чтобы попутно, так сказать, пользуясь предоставленной мне возможностью, навсегда снять «женский вопрос в футболе» вообще...

Быть может, я не очень хороший агитатор и пропагандист спорта, и в частности футбола. Но как человек и актриса, я очень многим обязана футболу. Мажорная, всегда приподнятая и праздничная атмосфера футбольных матчей! Она одна, ее воздух способны еще до выхода команд на поле поднять настроение, что называется, освежить душу... Мне же с чисто профессиональной точки зрения футбол всегда представляется зрелищем, несущим в себе большой эмоциональный заряд, огромное драматургическое напряжение. В самом деле, не надо

быть особо прозорливой, чтобы не заметить, что футбольный матч — это тот же спектакль, в котором элементы драмы, трагедии и комедии настолько тесно переплетены, что одним словом-термином и не охарактеризуешь его жанровую принадлежность, если продолжить аналогию «короля спортивных игр» с театром и кино.

Можно, разумеется, не афишировать своих симпатий и футбольных привязанностей — это дело сугубо личное. Что же касается моего футбольного кумира, то им был и остается по сей день вратарь команды московского «Динамо» Алексей Петрович Хомич! Каждый взятый им труднейший мяч — да, да, не иронизируйте, пожалуйста, подружки Зины, — вселял в меня столько уверенности в своих собственных силах, будто это я сама парировала почти безнадежный мяч, и, поверьте, после такого матча мне легче было играть перед камерой самый что ни на есть трудный эпизод! И наоборот, осечка Хомича, его неудача на несколько дней выбивала меня из привычной колеи, и я с нетерпением ждала нового свидания с футболом, упоая, и не без основания, что на сей раз Хомич останется великим Хомичем и не даст повода его многочисленным поклонникам разувериться в блистательном мастерстве своего кумира.

Свое пребывание на трибунах стадиона я всегда расцениваю и как великолепную форму активного отдыха, помогающего мне находиться в постоянной творческой готовности.

Убеждена, что природа Ваших, Зина, студенческих пятаков, успешных экзаменов также в известной степени связана с увлечением футболом. Так что не чурайтесь и не стесняйтесь своего увлечения и «болейте» на здоровье, ибо я не знаю ни одного случая, когда футбольное болельничество оказалось бы кому-либо вредным.

С искренним уважением
Тамара Макарова.

Добавить нам к такому ответу было нечего.

Как писать футбольные отчеты!

«Уважаемые товарищи из редакции журнала «Спортивные игры»!

Не судите меня строго. Понимаю, что отнимаю у вас какое-то время. Но что поделать, если я мечтаю стать футбольным репортером, а как подступиться к делу, честно говоря, не знаю. Может быть, вы мне посоветуете, с чего начать. Или, может быть, зря я все это затеял?

Жду ответа, пусть даже отрицательного.

С уважением ваш постоянный подписчик *Евгений Огурцов*».

* * *

— Надо бы потеплее ответить парнишке,— сказал, улыбнувшись, шеф и посоветовал обратиться к услугам известного футбольного обозревателя Максима Незабивайло.

Максим Борисович, узнав, в чем дело, охотно откликнулся: поможем, почему бы его не проконсультировать? Разве мы сами не так начинали?

Вот это руководство. Приводим его без сокращений, полностью, так как считаем, что оно может послужить своеобразным эскизом для создания более фундаментального труда на интересующую многих тему. А то, что желающих писать о футболе, судя только по почте нашего издания, перевалило за вторую сотню, говорит о злободневности поставленного Евгением Огурцовым вопроса.

Итак: «Как писать футбольные отчеты?»

(Из воспоминаний футбольного комментатора)

А писать отчеты надо непременно хорошо и увлекательно. Лучше карандашом: есть такие, с резинкой-ластиком на конце. Напишешь слово, повторишь его на слух, если годится — оставишь, ежели нет — сотрешь.

Просто и удобно.

Ведь здесь что сложно — начать.

Футболистам, тем проще. Бросит арбитр вверх монетку, и жребий укажет точно, кому игру начинать, кому ворота выбирать... А тут думай, ломай голову. Начнешь, к примеру, с описания разведки, а ее, судя по началу матча, и не предвидится, потому как чего, собственно, командам разведывать, когда они, почитай, меньше двух раз в году не встречаются, все ходы и выходы наизусть знают.

Можно, конечно, весь матч по минутам расписать. Так ведь их, этих самых минут, в двух таймах как минимум 90 (добавочное время не в счет), а тебе всего-навсего 50 строк на заметку отвели, все, что сверх лимита, хоть умри, полетит в корзину. Вот он какой, репортерский хлеб. А кое-кто, наверное, скажет: «Подумаешь, дело какое! Пришел, увидел, написал!»

Да будь так, некому, замечу, было бы газеты читать, все бы писать бросились...

Ну это я отвлекся. А ежели по-серьезному, дело это не из простых. Ведь все происходит как? Сидишь себе в ложе прессы, смотришь на поле и вариантчик набрасываешь. Счет еще не открыт, но, как написал недавно один чудак, «гол уже созревает...», будто мяч — это краснодарский помидор, ему солнца, видишь, не хватило, это в нынешнюю жару-то, не осталось сил для полного роста, чтобы до сетки ворот докатиться.

Если такое безголье будет продолжаться минут 10 — 12, можно и с соседом новостями обменяться, и мороженым побаловаться, и пару сигарет выкурить. Но когда минутная стрелка поравняется с цифрой 13, бросай все и возьми авторучку на изготовку. Именно в этот момент может родиться гол, и тогда: «Снова, как и два года назад, во встречах старых соперников гол, забитый динамовцам на этой, похоже, в самом деле роковой для них тринадцатой минуте (вот и не верь в приметы!),

резко накренил многоопытный футбольный корабль, и он, словно после столкновения с айсбергом, чуть было не пошел ко дну...»

Возможны, разумеется, варианты. И все-таки, согласитесь, упустить такой шанс — по меньшей мере обокрасть себя и читателя.

Очень здорово получается, когда нападающий забивает гол в день своего рождения. Здесь ежели форвард в свои ворота по ошибке не пальнет (всякое бывает в стрессовых ситуациях), то почему бы не написать примерно такое: «Лучшего подарка себе, чем этот красавец-мяч, влетевший в ворота автозаводцев от ноги Юрия Гаврилова, которому, к слову сказать, сегодня исполнилось 29, трудно и придумать. Так, в обнимку с голом, они и прошли сквозь строй аплодирующих болельщиков, один из которых сказал: «Молодец, Юрий! Рождайся почаще, глядишь, «Спартак» опять чемпионом станет!»

И вот, хотите верьте, хотите нет, а когда «Спартак» снова с «Торпедо» играл, кто-то из пишущей братии Юрию еще годок накинул.

Похоже, быть этому отменному мастеру (так держать, Юрий!) не иначе как долгожителем нашего города, ибо согласно статистике он уже сегодня провел на футбольном поле 102 года, 6 месяцев, 4 дня и 24 минуты! (Данные взяты нами из архива известного футбольного статистика Константина Есенина.)

Побольше бы нам таких ветеранов!»

Есть еще один способ.

Как все гениальное, он прост и общедоступен.

В набор еще до матча засылаются три варианта лучшего отчета. В первом — победа дается красным, во втором — синим, а третий, тот окончательно мирит соперников, и они, обняв друг друга и судейскую бригаду, радостные и довольные (очки-то поделены поровну), покидают стадион.

Есть, правда, одно «но». Не дай-то бог, бывает и та-

кое, если, не разобравшись в переданном репортером материале, дежурный редактор, не жалуящий футбол из-за принципиальных соображений, ему в общем-то все одно, кому достанутся лавры, «забьет мяч» не в те ворота!

Даже страшно подумать, дорогие друзья мои, что может произойти, если в текст футбольного отчета, как потом будет объявлено в приказе по редакции, «по вине сотрудника Н. Н. вкралась опечатка»... С вами перестанут здороваться знакомые, покинут друзья и, бывало и такое, может уйти жена. Вы перестанете есть и будете ходить на работу проходными дворами. И мальчишки будут улюлюкать вам вслед, ибо они-то уж, не сомневайтесь, доподлинно знают в лицо всех, кто мог, даже по ошибке, покуситься на неприкосновенность ворот их любимой команды.

Поэтому, коль вы действительно решите однажды написать отчет о футбольном матче, советую непременно придумать себе псевдоним. Так оно спокойнее.

Лично я в таких случаях, не мудрствуя лукаво, ставлю под отчетом фамилию своего старинного приятеля. Мы с ним в футбол за одну команду играли. Он не обижается: «Валяй, старик, ставь мою, если тебе так сподручнее...»

Лена, Лидя и Тамара

Не каждому, наверное, известно, как делают газету, журнал, книгу. Можно, разумеется, ответить однозначно — коллективно. И это будет правдой.

И все-таки есть среди множества специалистов, занятых выпуском печатной продукции, такая категория профессионалов, без участия которых никогда не увидит свет ни одно издание. Это корректоры!

Скольким вовремя выловленным ошибкам обязана пишущая братия своим помощникам, стоящим на страже чистоты русского языка, его норм и законов!

Будет неправильным, однако, классифицировать кор-

ректоров сообразно тому, где, в каком издательстве — книжном или газетном — они работают. Ошибки нетерпимы в любой рукописи, статье, репортаже. И тем не менее, коль речь у нас идет о футболе, мы вправе напомнить читателю, какую цепную реакцию недовольства, а в отдельных случаях и возмущение может вызвать неточный, грубый смысловой промах пишущего, не замеченный всевидящим оком корректора...

Три милые женщины — Лена Игнатьева, Лида Юрьева и Тамара Черникова, вот уже без малого двадцать лет работающие в еженедельнике «Футбол — хоккей», могут рассказать десятки историй, когда в день верстки в редакционной «запарке» кто-то недоглядел, и в материале оказалась клякса, то бишь ошибка, которую вроде бы уже поймали в рабочих полосах, а вот надо же, она все-таки «прошмыгнула» в подписную.

И недоуменно разводит руками Тамара Черникова, браня в сердцах наборщиков. А отсчет рабочего времени уже начался, и редакционная круговерть, набрав обороты, убыстрила и без того напряженный ритм дня выпуска еженедельника.

— Лена, как правильно пишется фамилия Марьянко, через «я» или «е»? — спрашивает Лида.

И Лена, не доверяя только памяти, хотя она у нее отменная, уже листает алфавитную книгу и звонит известному тренеру.

— Так ли это важно? Написали бы через «я» — тоже не обиделся бы, — шутливо отвечает Виктор Семенович, но благодарит за внимание к себе и своей фамилии Лену и Лиду.

Скажите, мелочь, пустячок. Но даже такие «блошки», попади они в текст, способны испортить настроение и тому, о ком идет речь, и тем, кто готовил рукопись к печати.

Два Л—Т, так нередко журналисты еженедельника называют своих бессменных помощниц Лену, Лиду и Та-

мару, зорко несущих вахту на своем скромном, но таком важном посту!

И даря им цветы по красным датам календаря, а уж 8 Марта обязательно, мужская половина коллектива с благодарностью говорит Лене, Лиде и Тамаре: «Дорогие наши подруги и товарищи по работе, примите самые сердечные поздравления и оставайтесь, пожалуйста, такими же приятными, симпатичными, какими мы знаем вас все эти годы!»

Позволю себе и я от имени авторского коллектива еженедельника присоединиться к этим теплым словам и поблагодарить «трех мушкетерш футбола» за четкую, истовую работу, творческое горение и честное отношение к порученному им делу!

Куда же делся «лишний билетик»!

Лишний билетик...

Чего греха таить, эту некогда весьма ходовую фразу в лексиконе спортивного болельщика ныне услышишь крайне редко.

Как же это случилось, что его величество футбол, ранее никогда не нуждавшийся в рекламе, нынче стал малопосещаем? Мало по сравнению с 70-ми и предшествующими им годами!

Кто виноват в охлаждении к игре, какая не знает равных себе по популярности, не считая разве что хоккея с шайбой, собирающего, как правило, полные трибуны?

Можно частично согласиться с теми, кто считает, что немалую часть зрителя нынче отнимает у стадионов светящийся квадрат телевизионного экрана. И все-таки настоящего любителя футбола вряд ли удержит дома перспектива совместить приятное с полезным: пить чай с малиновым вареньем и одновременно наблюдать за происходящим на футбольном поле, полагаясь всецело лишь на футбольную эрудицию очередного комментатора.

Позволительно принять и другую точку зрения. Если то, что видит зритель, по-настоящему интересно и талантливо, он и в следующий раз всецело доверится афише и непременно придет снова в театр, на концерт или на стадион без каких-либо дополнительных напоминаний.

Говоря языком театральных рецензентов, мы, наблюдая за спортивным состязанием, сопереживаем, и процесс этот (речь идет, естественно, не о диких формах спортивного боления, сопровождаемого улюлюканием и свистом) делает зрителя активно причастным к событиям, происходящим на футбольном поле, беговой дорожке или в плавательном бассейне. Невидимые глазу токи высокой частоты такого зрительского участия, горячее дыхание трибун благотворно влияют на спортсменов, удваивая их силы для достижения успеха.

Помнится, вскоре после установления Валерием Брумелем очередного рекорда на стадионе в Лужниках знаменитый наш прыгун в высоту, отвечая на вопрос одного из моих коллег, сказал: «Эмоциональный взрыв трибун может считаться повивальной бабкой любого высокого достижения». А журналист поинтересовался вот чем: «Удалось ли бы ему, Брумелю, добиться рекордного результата, прыгай он не на виду у сотысячных трибун, а, скажем, в спокойной обстановке тренировочного сбора?»

Надо ли говорить, что высказывание Брумеля о благотворной связи «дыхания трибун», поддержке зрителей, столь влияющей на выступления спортсменов, в еще большей степени, нежели к другим видам спорта, относится к футболу!

В самом деле, разве, переживая за любимую команду, мы не становимся в известной степени соавторами, скажем так, ее удачи?

И напротив, отступление от негласного и еще не написанного (а надо бы иметь такой) кодекса поведения футбольного болельщика омрачает нам восприятие спортив-

ного праздника, каким всегда бывает настоящий футбольный матч!

Вообще-то все эти стадионные крикуны не стоят того, чтобы говорить о них столь пространно да еще на страницах книги. Это скорее задача газеты — создавать атмосферу нетерпимости вокруг таких горе-болельщиков, которых еще нет-нет да и можно увидеть на трибунах, оглашающих воздух скандированием безграмотных лозунгов-приветствий и еще более беспомощных стихов, призванных, по мысли их авторов, подбодрить кумиров в стремлении забить гол.

Об этом, поверьте, грустно писать, и хочется верить, что такая демонстрация псевдопатриотических чувств, выражения любви и преданности своему клубу, его игрокам уходит в прошлое. И если пишущий эти строки решил поведать юному читателю о столь неприглядных явлениях так называемого футбольного боления, то лишь для того, чтобы напомнить ему, что сами-то мастера футбола, его «звезды» всегда с возмущением говорят о таких своих «почитателях».

«Они, наверное, думают, что доставляют нам удовольствие выкриками и слишком бурным, чтобы не сказать резче, изъятием чувств. Глубоко ошибаются! Такой поддержки нам не надобно. Скажу больше. В ходе матча, играя, стараешься отключиться от всех посторонних раздражителей. Тем не менее совсем «не слышать трибун» тоже трудно. А когда до тебя доносится дикая какофония, то невольно начинаешь злиться, выходить из себя. Наши «доброжелатели», очевидно, не понимают, сколь высокая нагрузка, и не только физическая, ложится на плечи каждого из нас в матче. А тут еще эти выкрики! Нет уж, увольте нас от подобных признаний в любви...»

Написал фразу, а в ушах, словно это было вчера, продолжают звучать слова, с укоризной произнесенные популярным нападающим «Спартака» Юрием Гавриловым. И снова, как в то наше свидание, соглашаюсь с ним, на-

деясь, что больше никогда не придется вести беседу на подобные темы...

В общем-то, подумалось как-то на досуге, явления, подобные рассказанному, занесло к нам «английскими ветрами», со стадионов Британии, где футбольное болельничество приняло уродливые формы, нередко граничащие с явной уголовщиной.

«Умейте властвовать собой», — хочется напомнить не в меру темпераментным болельщикам, не умеющим, мягко говоря, дозировать свои эмоции во время матча любимых команд.

А ведь поначалу такое болельщицкое рвение, желание одетых в форму спартаковцев, динамовцев, торпедовцев и футболистов ЦСКА юных поклонников помочь, подбодрить свои команды, кроме понятного любопытства, вызывало одобрение: «Какие они молодцы! Как поддерживают своих игроков!»

Чем заканчивались подобные коллективные изъятия чувств, должно быть, известно многим, а кому неизвестно, напомним, что наиболее активным «болельщикам» пришлось держать ответ перед органами милиции.

Словом, работа со зрителем — это не сиюминутная кампания, и в этом смысле сам футбол, точнее все, что связано с его организацией (а это достаточно широкий круг разного рода проблем), способно стать широким полем деятельности для проведения воспитательной работы, той самой, которая превращается в пустую формальность, если ею занимаются серо и неинтересно!

Хорошо организованные, с выдумкой, изобретательно, спортивные соревнования способны собирать сверхбольшие аудитории, и тем обиднее, что верное это по своей сути суждение в последние годы не подтверждается практикой либо подтверждается не слишком часто.

Однако ошибается тот, кто полагает, что переполненные трибуны Лужников говорят сами за себя и что спорт,

и в частности футбол, несмотря на простоту и общедоступность, так уж несложен для восприятия.

Один мой знакомый, очутившийся как-то вместе со мной на всесоюзных соревнованиях по классической борьбе, разочаровавшись, сказал: «Ну что тут интересного? Толкаются по десять минут или вовсе с ковра уползают. Никаких тебе бросков, красивых приемов и прочей борцовской экзотики. А еще называют соревнования парадом силы и красоты!..»

Что ж, его можно понять. Он впервые попал на соревнования, и никто: ни сидящий у микрофона судья-информатор, ни автор тощей программки нередко с перепутанными фамилиями участников и малоубедительной статистикой минувших соревнований и турниров — не удосужился сообщить зрителю хотя бы элементарные сведения по истории этого вида спорта, рассказать о наиболее важных пунктах правил. Если их не знаешь, многое из того, что происходит перед твоими глазами на ковре, а в нашем случае на футбольном поле, и, в частности, отдельные кажущиеся тебе спорными решения арбитров остаются тебе малопонятными либо не понятными вовсе.

Все это, согласитесь, не может не вызвать подчас недовольствие там, где, знай они (зрители) правила, их реакция на происходящее не была бы столь шумной, чтобы не сказать резче...

В 60-х годах на стадионе «Динамо» в перерывах футбольного матча несколько запасных игроков демонстрировали перед трибунами отдельные игровые эпизоды, умышленно нарушая правила. Следовал свисток арбитра, и голос комментатора, специалиста футбола, усиленный динамиком, разъяснял, почему судья был вынужден остановить игру и наказать провинившегося штрафным ударом.

Такие умно и интересно заполненные антракты ярко и доходчиво пропагандировали физическую культуру и спорт. Зритель пополнял свои знания, учился правильно

разбираться в игровых ситуациях, верно оценивать их, не виня во всех грехах арбитра, якобы излишне пристрастного к одной из команд.

Сейчас столь хорошее начинание почему-то забыто. А жаль. Жаль, ибо зрителя надо непременно просвещать в самом лучшем, серьезном значении этого слова. Объяснять ему то, что он мог и не знать об определенном виде спорта, впервые попав на стадион.

Ведь уже разминка команды, ее отдельных игроков, сопровождаемая, скажем, комментарием какого-либо специалиста, может дать для знакомства с определенным видом спорта, для усвоения его азбуки гораздо больше, нежели иной учебник или методическое письмо.

Небольшой сценарий, простенькая режиссура — и увлекательная спортивная увертюра готова. Она сыграет роль необходимой предварительной разминки для зрителя, подготовив его к восприятию матча, и в то же время послужит моральной настройкой для его участников.

...Лишний билетик.

Как хочется, не станем лукавить, снова, как два-три десятка лет назад, услышать эти слова, произнесенные с просительной интонацией человека, могущего перефразировать известное «Полцарства за коня!», готового отдать все и вся, лишь бы не со слов приятеля-очевидца, не на телеэкране, а самому воочию стать свидетелем матча футболистов, по-рыцарски корректного и непременно горячего, темпераментного, в котором конечно же сойдутся два популярных клуба — «Динамо» и «Спартак», два самых знаменитых из четырех футбольных столичных грандов, сделавших столь много для развития и становления московского футбола!

Говоря об их прошлых заслугах в превосходной степени, заметим попутно, что оба клуба — давние наши должники. Предшественники сегодняшних спартаковцев и динамовцев сделали очень много не только для развития футбола в Москве. Они долгое время оставались за-

конодателями футбольных мод в стране, составляя ядро сборных команд Москвы, РСФСР и СССР!

Об этом славном этапе в истории московского футбола автор (надеюсь, к нему присоединятся многие) напоминает тем молодым игрокам, что удостоились чести надеть футболки с эмблемами «Динамо», «Спартак», ЦСКА и «Торпедо»! В этом списке не оказалось столичного «Локомотива», который никак не может вернуться ни на один сезон (такое с ним бывало уже не раз) в дружную московскую футбольную семью. А ведь это тот самый «Локомотив», что был первым обладателем Кубка СССР, ходил в призерах чемпионата, завоевав серебряные жетоны!

Но не будем терять надежды. Поверим в то, что футболисты-железнодорожники не останутся в стороне от общей задачи всего московского футбола — вернуться в число лидеров во всесоюзной футбольной таблице о рангах!

Читатель, конечно, понимает, что наш рассказ прежде всего о футболе московском. Так надо ли удивляться тому, что мы желаем успеха своим командам, правда, отдав должное и их отменным соперникам!

Самое главное, чтобы от такого многолетнего соперничества рос, мужал и набирался сил весь наш отечественный футбол, которому, и мы в это верим, вполне по плечу место и более высокое, чем то, что досталось нашей сборной на чемпионате мира в Испании!

В этом желании увидеть наших мастеров кожаного мяча в числе призеров европейского и мирового первенства у всех нас, друзья, конечно же расхождений не будет. Поэтому наберемся терпения и будем ждать добрых вестей, не теряя оптимизма и веры в силы наших футболистов!

А когда такое восхождение на футбольный Олимп все же состоится, тогда, глядишь, вновь возникнет проблема лишнего билетика...

Но, право же, если мы даже и не попадем на стадион, когда будет играть наша сборная, уже, будем надеяться, в ранге призера европейского или мирового первенства, усядемся поудобнее у телеэкранов и примемся, как говорят московские футбольные старожилы, болеть на здоровье!

Будьте здоровы, дорогие читатели!

НЕ ТЕРЯЕМ НАДЕЖДЫ, ВЕРИМ В УСПЕХ!

(Вместо послесловия)

Внимательно наблюдая за успехами и неудачами нашего футбола, мы в последние годы, чего греха таить, не очень-то часто испытываем радость от выступлений сборной команды страны. Правда, ее возвращение после долгого 12-летнего перерыва в число участников мирового первенства в Испании вселило в нас изрядную дозу оптимизма и, кстати сказать, было расценено в международных футбольных кругах как начало возрождения советского футбола, имеющего в своем активе не так уж мало достижений.

Но былые победы, пусть и самые значительные и впечатляющие, останутся всего лишь приятными воспоминаниями, красной строкой в истории советского футбола, не более, если только почитать на лаврах, не стремясь развить и умножить прежние достижения.

Сейчас, похоже, такой переход от слов, обещаний, широковещательных деклараций к делу — серьезной, долговременной работе с учетом прежних ошибок и объективной, нелицеприятной критики — сделан.

Ушедший в историю 1983 год был и годом VIII летней Спартакиады народов СССР, как всегда ранее, и на этот раз вылился во всенародный праздник молодости, силы и красоты!

Проведенная в канун очередных Олимпийских игр Спартакиада явилась строгим и беспристрастным экзаменатором, открыла нам новые молодые таланты, новые имена. Не стал исключением в этом смысле и футбол, представленный на спартакиадном турнире сборными командами всех союзных республик, а также Москвы и Ленинграда.

Но если в финальных состязаниях участвовало лишь 340 футболистов, то в предварительных турнирах республиканского, областного и городского масштабов были заняты сотни тысяч команд, миллионы игроков. Пока еще рано говорить о том, сколь много новых ярких спортсменов заметили наши тренеры-селекционеры, «взяв на карандаш» наиболее способных. И тем не менее, не перебарщивая и не захваливая, можно все-таки сказать, что уровень мастерства большинства участников стал гораздо выше, нежели на предыдущем спартакиадном турнире, и это не может не радовать, вселяя надежду на еще более стабильные успехи нашего массового футбола в обозримом будущем! Растет неплохая смена и в рядах дальнего резерва большого футбола. Речь о знаменитом ребячьем клубе «Кожаный мяч», которому в 1984 году исполняется 20 лет.

Оставаясь юным два десятилетия — не столь большой срок даже для истории футбола, — клуб по-прежнему очень популярен среди школьников. Этот забавный мальчуган в большой, не по размеру головы, кепке — такова эмблема клуба «Кожаный мяч», родившись, чуть ли не сразу снискал уважение и любовь многих любителей спорта, в том числе и взрослых. Художник запечатлел его в характерной для вратаря позе: с мячом в руках.

И вот уже 20 лет «хозяин штрафной площади» ребячьего футбольного клуба вербует в стан самой популярной спортивной игры новых приверженцев.

Из года в год растет число участников состязаний на приз клуба «Кожаный мяч». Это отрадно. Приятно так-

же, что одновременно с количественным ростом клуба его участники заметно прибавляют в спортивном мастерстве. В этом лишний раз можно было убедиться на состязаниях в прошлом, 1983 году. Тогда в финальных матчах в младшей группе победу праздновали ребята из армянской команды «Мецамор-83», взявшие верх над своими сверстниками из Ташкента, — 2 : 0.

Без призов и дипломов центрального штаба клуба «Кожаный мяч» не осталась ни одна из команд. Так, команда «Ленинакан-60» получила приз за хорошую техническую подготовку, тбилисская «Сихарули» — за хорошую тактическую подготовку, ленинградская «Дружба» — за боевитость и целеустремленность. Кроме этого, все получили копии главного приза — футбольного мяча, изготовленные из стекла работниками херсонского завода.

А когда настал черед принимать поздравления и приз, учрежденный херсонской газетой «Ленинское знамя», его победителю — нападающему киевского «Факела» В. Белкину, раздались дружные аплодисменты. Они звучали всякий раз, причем аплодировали буквально все, когда на поле появлялся симпатичный малыш, очень похожий на того, что улыбается нам с эмблемы финального турнира.

Приз — награда за красивую игру. И ее юные футболисты продемонстрировали. В 84 матчах было забито 338 мячей. Были среди них и такие, что могли бы претендовать на самый красивый гол месяца, что показывает в своих сюжетах телевизионное «Футбольное обозрение». Значит, растет у нас неплохая смена. Надо только умело продолжать воспитывать ее, готовя к будущим серьезным футбольным сражениям.

Приятное впечатление от своей игры оставили победители в средней и старшей группах. Литовские мальчишки из команды «Сатурнас» из города Паневежиса, проигрывая 0 : 1, сумели-таки переломить ход игры, довели

ее до победы в матче с «Тайфуном» из города Орла и завоевали золотые медали, бронзовые достались «Юности» (Гомель) и «Дружбе» (Ленинград).

Украшением финального турнира старшей группы стал матч между ребятами из душанбинского «Авиатора» и орджоникидзевского «Иристана». Основное время игры не выявило победителя — 2 : 2. Исход поединка определился лишь в серии послематчевых пенальти. Их лучше пробили хозяева турнира. Это первая победа юных футболистов Таджикистана в финальных турнирах «Кожаного мяча» среди различных возрастных групп.

Третье место заняли ребята из команды «Алатау» (Джамбул).

К сожалению, среди лауреатов в который раз не оказалось москвичей, что не может не настораживать: столичным футболистам негоже столь долго плестись в футбольном обозе...

Десять лет назад автору этих строк довелось присутствовать на праздновании десятилетия «Кожаного мяча». И вот новый юбилей... Виновник торжества — детище ЦК ВЛКСМ, редакции газеты «Пионерская правда» и Федерации футбола СССР, как водится в таких случаях, принимал цветы и поздравления, выслушал в свой адрес немало теплых слов. Такова традиция. Но даже если бы не существовало такой традиции — отмечать круглые даты, то все равно нельзя было, очевидно, не сказать того, что сказал о клубе «Кожаный мяч» заслуженный мастер спорта Алексей Парамонов на торжественном заседании центрального штаба клуба:

— Вам можно позавидовать, юные футболисты. Вы занимаетесь на хороших стадионах под началом опытных тренеров. Играете в яркой, красивой форме и в настоящих бутсах. Не каждый из нас, ветеранов футбола, имел все это, начиная свой путь в спорте.

Ныне в турнирах «Кожаного мяча» участвуют около 3 миллионов мальчишек нашей страны. За клубом фут-

больным появились и похожие на него «Золотая шайба», «Плетеный мяч», «Веселый дельфин».

Каждый такой турнир, даже на его первых стадиях, превращается в настоящий детский праздник — яркую, доходчивую и эмоциональную форму пропаганды физической культуры и спорта. Но особенно хороши бывают состязания финалистов, заключительный этап розыгрыша, когда определяется лучший из лучших — команда-победительница, чемпион!

По существующему положению состязаний на приз клуба «Кожаный мяч», финальные турниры проводятся каждый раз в новом городе. Ведь футбол по своей природе больше, чем какая-либо другая спортивная игра, склонен к путешествию. И каждое свидание с новым зрителем оборачивается тем, что ряды «Кожаного мяча» непрерывно растут.

Это одна, так сказать, чисто утилитарная, что ли, сторона дела. Но ведь есть еще и другая, не менее привлекательная и полезная.

Речь идет о том, что знакомство с каждым новым городом, новой для себя географической точкой, их достопримечательностями расширяет кругозор ребят, увеличивает запас впечатлений, что, оседая в памяти юных, бережно хранится долгие годы.

А разве можно не записать в актив этого великолепного движения юных футболистов тот очевидный факт, что в розыгрыше «Кожаного мяча», по существу, не бывает побежденных, так как и выигравшие и проигравшие все равно расстаются друзьями!

Сталь закаляется в огне, футбольный характер — в состязаниях. И очень это здорово, что такое вот душевное закаливание воспитывает у ребят ту самую настойчивость, горение, без коих нелегко быть первыми и в учебе, и в самых разных делах, которых всегда предостаточно у сегодняшних школьников. Значит, и за это можно сказать футболу: спасибо тебе, наш общий друг!

И конечно же праздник «Кожаного мяча» — это праздник всего нашего футбола. И в такой день хочется первыми назвать тех, кто, не считаясь со временем, отдавал и отдает свой богатейший опыт, знания и — добавим — теплоту своего щедрого сердца воспитанию юных. Помимо уже упоминавшегося в начале книги заслуженного мастера спорта Михаила Павловича Сушкова это и заслуженный тренер РСФСР Марк Борисович Розин, а также наши популярнейшие игроки Лев Яшин, Альберт Шестернев, Алексей Парамонов, Виктор Понедельник и заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР Гавриил Качалин.

Вот какое большое значение придают наши прославленные мастера футбола делу подготовки своей смены! Ведь ребята из «Кожаного мяча» — это и есть тот самый дальний резерв нашего футбола, из которого еще предстоит выбирать лучших из лучших, чтобы продолжить их футбольное образование, доведя его до высшей кондиции.

И то, что сегодня в лучших клубах страны немало воспитанников «Кожаного мяча», уже не воспринимается как какое-то везение молодого игрока, очутившегося в классной команде по воле счастливого случая.

Ныне тренеры, комплектуя составы своих команд, все чаще обращают внимание на наиболее способных юношей, прошедших школу «Кожаного мяча». Дебютанты, а их было немало в составах ведущих клубов, показали неплохую игру, действовали на поле смело, изобретательно, с огоньком.

К слову сказать, и сам 46-й чемпионат в высшей лиге, если вспомнить, как он протекал, никогда еще не предлагал нам столько загадок. К примеру: в первом круге чемпионата победителем стала команда «Жальгирис» из Литвы, до этого выступавшая в первой лиге. Дерзость новичка, замахнувшегося на известные футбольные авторитеты, поначалу расценивалась как одна

из случайностей турнира такого ранга. Но шло время, а «Жальгирис», хотя несколько и сдал свои позиции, оставался по-прежнему довольно крепким орешком для именитых клубов. Сомнения в силе литовских футболистов и вовсе рассеялись как дым, когда сборная Литвы, составленная в основном из игроков «Жальгириса», завоевала звание чемпиона Спартакиады, победив в финале опытейшую команду Российской Федерации со счетом 1:0!

А главный вывод из послеспартакиадного турнира, думается, один: одаренными спортсменами, могущими стать хорошими мастерами футбола при условии упорных, систематических тренировок, наша земля не оскудела. Есть такие способные игроки и в Москве, чья команда заняла хотя и призовое, но только третье место, тогда как москвичам по плечу и чемпионские медали.

Известный рост мастерства наших футболистов не ускользнул и от такого опытного и авторитетнейшего знатока футбола, каким считается почетный гость Спартакиады, президент Международной федерации футбола Жоао Авеланж (Бразилия), заявивший в своем коротком интервью советским журналистам:

«Когда в 1973 году я был избран на пост президента ФИФА и предложил свою программу развития футбола, в мире нашлось немало скептиков. Сегодня с радостью могу сказать, что принятая тогда программа полностью претворена в жизнь. И здесь особая благодарность советским спортивным руководителям, со стороны которых ФИФА всегда встречала понимание и поддержку.

Спартакиада меня порадовала, восхитила и вдохновила на предстоящие дела. Особенно приятно отметить, что в футбольные турниры Спартакиады включались только игроки не старше 20 лет. Это весьма разумно. ФИФА стремится проводить как можно больше чемпионатов для юношества. Готовится первенство мира даже для 14 — 16-летних мальчиков.

Наш любимый футбол на подъеме. Это показал и последний чемпионат мира в Испании, в этом я убедился во время моих многочисленных поездок, в том числе и в Москву на грандиозную Спартакиаду народов СССР».

Нельзя не разделить оптимизм президента ФИФА. Но комплименты, если сказанное воспринимать только как похвалу за содеянное, не думая о том, как развить и упрочить достигнутый успех, останутся всего лишь красивыми словами, выражением вежливости гостя в адрес гостеприимных хозяев. Недостатков в нашем футболе пока еще больше, чем достижений. Об этом необходимо помнить всегда и нелишне напомнить сегодня перед началом олимпийского турнира. И не затем, чтобы испортить настроение нашим игрокам, коим мы от всего сердца желаем победы, а потому, что цена большого успеха всегда очень высока и достигнуть желанной цели дано лишь тем, кто изо дня в день готовит себя к предстоящей спортивной борьбе с соперниками достаточно сильными.

Удачи вам, футболисты олимпийской сборной СССР!

СОДЕРЖАНИЕ

Предваряя главный разговор	5
Футбол — загадка века?!	9
Президент ребячьего клуба	19
Футбол за... партой	30
Забейте гол, пожалуйста!	43
Спасибо вам!	50
Гроссмейстер атаки	51
Часовым он поставлен у ворот...	62
Зрелость	78
Двадцать третий на поле	88
Футбольный звездочет	100
Говорит и показывает Москва...	111
Доживем до... вторника	121
Мяч идет от брата к брату	133
Борис Аркадьев	151
Этот хитроумный Михей...	162
«Дед»	169
Самый титулованный наставник	180
Такие не забываются	189
Вокруг футбольного мяча...	194
Не теряем надежды, верим в успех!	214

ИБ № 2561

Юрий Григорьевич Арутюнян

ВСЕГДА МОЛОДОЙ ФУТБОЛ

Заведующая редакцией

Е. Ч и с т я к о в а

Редактор

В. П е к ш е в

Художник

Л. И ш х а н о в

Художественный редактор

В. Г о р и н

Технический редактор

Л. М а р а к а с о в а

Корректоры

Г. Т р и б у н с к а я,

В. Ч е с н о к о в а

К фото на 4-й странице обложки:

Знаменитое трио советских арбитров у центрального круга футбольного поля стадиона. Главный арбитр, судья международной категории **Н. Латышев** (в центре) и его ассистенты по матчу **В. Архипов** (слева) и **Вяч. Моргунов** (справа), судьи всесоюзной категории, ждут, когда игроки соперничающих команд займут исходные позиции. Сейчас главный арбитр включит секундомер, и раздастся протяжный свисток: «Внимание, мяч в игре!» Десятки тысяч любителей футбола, заполнивших стадион, насладятся ярким зрелищем бескомпромиссной борьбы на зеленом поле.

(Снимок из фотоархива еженедельника «Футбол — хоккей»)

Сдано в набор 05.10.83. Подписано к печати 26.01.84. Л81719. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 9,80. Усл. кр.-отт. 10,33. Уч.-изд. л. 10,13. Тираж 39 000 экз. Заказ 3852. Цена 75 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8. Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.